ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА

РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ X.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА

РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ X.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Иждивеніемъ книгопродавца Смирдина.

Виленскій Педагогическій
Институтъ
Библіотека

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи вдовы Плюшаръ съ сыномъ.

1834.

Печатано

по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ X.

ГЛАВА I.

Царствованіе Ѳеодора Іоанновича.

Г. 1584 — 1587.

Свойства Ѳеодоровы. Члены Верховной Думы. Волненіе народа. Собраніе Великой Думы Земской. Царевичь Димитрій и мать его отправляются въ Угличь. Мятежъ въ Москвѣ. Власть и свойства Годунова. Царское вѣнчаніе Ѳеодорово. Разныя милости. Годуновъ Правитель Царства. Усмиреніе Черемисскаго бунта. Вторичное покореніе Сибири. Сношенія съ Англіею и съ Литвою. Заговоръ противъ Годунова. Сравненіе Годунова съ Адашевымъ. Перемиріе съ Швеціею. Посольство въ Австрію. Возобновленіе дружества съ Даніею. Дѣла Крымскія. Посольство въ Константинополь. Царь Иверскій, или Грузинскій, данникъ Россіи. Дѣла съ Персіею. Дѣла внутреннія. Основаніе Архангельска. Строеніе Бѣлаго или Царева города въ Москвѣ. Начало Уральска. Опасности для Годунова. Ссылки и

казнь. Жалостная смерть Героя Шуйскаго. Судьба Магнусова семейства. Праздность Ѳеодорова.

Г. 1584. «Первые дни по смерти тирана» (говоритъ[1] Римскій Историкъ) «бываютъ счастливѣйшими для народовъ:» ибо конецъ страданія есть живѣйшее изъ человѣческихъ удовольствій.

Но царствованіе жестокое часто готовитъ царствованіе слабое: новый Вѣнценосецъ, боясь уподобиться своему ненавистному предшественнику и желая снискать любовь общую, легко впа[illegible]дастъ въ другую крайность, въ послабленіе вредное Государству. Сего могли опасаться истинные друзья отечества, паче болѣе, что знали необыкновенную кротость наслѣдника Іоанновa, соединенную въ немъ съ умомъ робкимъ, съ набожностію безпредѣльною, съ равнодушіемъ къ мірскому величію. На громоносномъ престолѣ свирѣпаго мучителя Россія увидѣла *постника* и *молчальника*, болѣе для келліи и пещеры, нежели для власти Державной рожденнаго: такъ, въ часы искренности, говорилъ о Ѳеодорѣ самъ Іоаннъ, оплакивая смерть любимаго, старшаго сына[2]. Свойства Ѳеодора.

Не наслѣдовавъ ума царственнаго, Ѳеодоръ не имѣлъ и сановитой наружности отца, ни мужественной красоты дѣда и прадѣда: былъ росту малаго, дряблъ пѣломъ, лицемъ блѣденъ[3]; всегда улыбался, но безъ живости; двигался медленно, ходилъ неровнымъ шагомъ, отъ слабости въ

ногахъ; однимъ словомъ, изъявлялъ въ себѣ преждевременное изнеможеніе силъ еспе-спивеныхъ и душевныхъ. Угадывая, что сей двадцати-семилѣтній Государь, осужденный Природою на всегдашнее малолѣпспво духа, будетъ зависѣть отъ Вельможъ или Монаховъ, многіе не смѣли радоваться концу тиранспва, чтобы не пожалѣть о немъ во дни безначалія, козней и смутъ Боярскихъ, менѣе губипельныхъ для людей, но еще бѣдспвеннѣйшихъ для великой Державы, устроенной сильною, нераздѣльною властію Царскою..... Къ счастію Россіи, Ѳеодоръ, боясь власти какъ опаснаго повода къ грѣхамъ, ввѣрилъ кормило Государства рукѣ искусной — и сіе царствованіе, хотя не чуждое беззаконій, хотя и самымъ ужаснымъ злодѣйствомъ омраченное, казалось современникамъ милостію Божіею, благоденствіемъ, златымъ вѣкомъ[4]: ибо наступило послѣ Іоаннова! 1584.

Новая Пентархія или Верховная Дума, сосставленная умирающимъ Іоанномъ изъ *пяти Вельможъ*, была предметомъ общаго вниманія, надежды и спраха. Князь Мспиславскій отличался единспвенно знапностію рода и сана[5], будучи старшимъ Бояриномъ и Воеводою. Никиту Романовича Юрьева уважали какъ брапа незабвенной Анаспасіи и дядю Государева, любили какъ Вельможу благодушнаго, не очерненнаго даже и злословіемъ въ бѣдспвенныя вре- Члены Верховной Думы

Г. 1584. мена кровопійства. Въ Князь Шуйскомъ чтили славу великаго подвига ратнаго, опважность и бодрость духа. Бѣльскаго, хитраго, гибкаго, ненавидѣли какъ перваго любимца Іоаннова. Уже знали рѣдкія дарованія Годунова, и пѣмъ болѣе опасались его: ибо онъ также умѣлъ снискать особенную милость тирана, былъ зятемъ гнуснаго Малюты Скуратова, свойственникомъ и другомъ (едва ли искреннимъ) Бѣльскаго. — Пріявъ власть Государственную, Дума Верховная въ самую первую ночь (18 Марта) выслала изъ столицы многихъ извѣстныхъ услужниковъ Іоанновой лютости, другихъ заключила въ темницы[6], а къ родственникамъ вдовствующей Царицы, Нагимъ, приставила стражу, обвиняя ихъ въ злыхъ умыслахъ (вѣроятно, въ намѣреніи объявить юнаго Димитрія наслѣдникомъ Іоанновымъ). Москва волновалась; но Бояре утишили сіе волненіе: торжественно присягнули Ѳеодору вмѣстѣ со всѣми чиновниками, и въ слѣдующее утро письменно обнародовали его воцареніе. Отряды воиновъ ходили изъ улицы въ улицу; пушки стояли на площадяхъ[7]. Немедленно пославъ гонцевъ въ области съ указомъ молиться о душѣ Іоанновой и счастливомъ царствованіи Ѳеодора, новое Правительство созвало Великую Думу Земскую, знатнѣйшее Духовенство, Дворянство и всѣхъ людей именитыхъ, чтобы взять нѣкото-

Волненіе народа.

Собраніе Великой Думы Земской.

рыя общія мѣры для государственнаго у- г.
спройства. Назначили день Царскаго вѣн- 1584.
чанія: Соборною грамотою утвердили его
священные обряды[8]; разсуждали о благосо-
стояніи Державы, о средствахъ облегчить
народныя тягости. Тогда же послали вдов-
ствующую Царицу съ юнымъ сыномъ, отт- Димитрій и
ца ея, братьевъ, всѣхъ Нагихъ, въ городъ мать его от-
Угличь, давъ ей Царскую услугу, Стольни- правляются
ковъ, Стряпчихъ, Дѣтей Боярскихъ и въ Угличь.
Стрѣльцевъ для обереганія[9]. Добрый Ѳео-
доръ, нѣжно прощаясь съ младенцемъ Ди-
митріемъ, обливался горькими слезами, какъ
бы невольно исполняя долгъ болѣзненный
для своего сердца. Сіе удаленіе Царевича,
единственнаго наслѣдника Державы, могло
казаться блестящею ссылкою, и пѣстунъ
Димитріевъ, Бѣльскій, не желая въ ней
участвовать, остался въ Москвѣ: онъ на-
дѣялся законодательствовать въ Думѣ, но
увидѣлъ грозу надъ собою.

Между тѣмъ, какъ Россія славила благія
намѣренія новаго Правительства, въ Мо-
сквѣ коварствовали зависть и беззаконное
властолюбіе: сперва носились темные слу-
хи о великой опасности, угрожающей юно-
му Монарху, а скоро наименовали и челов-
ка, готоваго злодѣйствомъ изумить Россію:
сказали, что Бѣльскій, будто бы оправивъ
Іоанна, мыслитъ погубить и Ѳеодора,
умертвивъ всѣхъ Бояръ, возвести на пре-
столъ своего друга и совѣтника — Годуно-

Г. 1584. ва[10]! Тайными виновниками сей клеветы счипали Князей Шуйскихъ, а Ляпуновыхъ и Кикиныхъ, Дворянъ Рязанскихъ, ихъ орудіями, возмущипителями народа легковѣрнаго, копорый, принявъ оную за испину, хопѣлъ усердіемъ спасши Царя и Царспво опъ умысловъ изверга. Вопль буипа раздался изъ конца въ конецъ Москвы, и двадцапь пысячь вооруженныхъ людей, чернь, граждане, Дѣпи Боярскіе, устремились къ Кремлю, гдѣ едва успѣли запворипь воропа, собрапь нѣсколько Спрѣльцевъ для защипы и Думу для совѣпа въ опаснοспи незапной. Мяпежники овладѣли въ Кипаѣгородѣ пяжелымъ спарядомъ, обрапили Царь-пушку къ воропамъ Флоровскимъ и хопѣли разбипь ихъ, чтобы вломипься въ крѣпоспь. Тогда Государь выслалъ къ нимъ Князя Ивана Мспиславскаго, Боярина Никипу Романовича, Дьяковъ Андрея и Василія Щелкаловыхъ, спросипь, чпо виною мяпежа, и чего они пребуюпъ? «Бѣльскаго!» опвѣпспвовалъ народъ: «выдайпе намъ «злодѣя! Онъ мыслипъ извесши Царскій «корень и всѣ роды Боярскіе!» Въ пысячу голосовъ вопили: «Бѣльскаго!» Сей несчаспный Вельможа, изумленный обвиненіемъ, устрашенный злобою народа, искалъ безопасносши въ Государевой спальнѣ,[11] препепалъ и молилъ о спасеніи. Ѳеодоръ зналъ его невинноспь; знали оную и Бояре: но, искренно или припворно ужасаясь кровопро-

Мятежъ въ Москвѣ.

лиmія, вступили въ переговоры съ мятежниками; склонили ихъ удовольствоваться ссылкою мнимаго преступника, и немедленно выслали Бѣльскаго изъ Москвы. Народъ, восклицая: «да здравствуетъ Царь съ вѣрными Боярами!» мирно разошелся по домамъ; а Бѣльскій съ того времени воеводствовалъ въ Нижнемъ-Новѣгородѣ[12]. Г. 1584.

Отъ такой постыдной робости, такого уничиженія Самодержавной власти чего ожидать надлежало? козней въ Думѣ, своевольства въ народѣ, безпорядка въ правленіи. Бѣльскаго удалили: Годуновъ оспался для мести! Мятежники не требовали головы его, не произнесли его имени, уважая въ немъ Царицына брата: но онъ видѣлъ умыселъ клеветниковъ; видѣлъ, что дерзкіе виновники сего возмущенія готовятъ ему гибель, и думалъ о своей безопасности. Доколѣ дядя Царскій, по древнему уваженію къ родственному старѣйшинству, могъ считать себя первымъ Вельможею: такъ мыслилъ и Дворъ и народъ; такъ мыслилъ и лукавый Дьякъ Государственный, Андрей Щелкаловъ, стараясь снискать довѣренность Боярина Юрьева[13] и надѣясь вмѣстѣ съ нимъ управлять Думою. Знали власть Годунова надъ сестрою нѣжною, добродѣтельною Ириною, уподобляемою Лѣтописцами Анастасіи (ибо тогда не было инаго сравненія въ добродѣтеляхъ женскихъ); знали власть Ирины надъ Ѳеодоромъ, кото-

Г. 1584. рый въ семъ мірѣ испинно любилъ, можетъ быпь, одну супругу; но Годуновъ, казалось, выдалъ друга: радовались его безсилію или боязливоспи, не угадывая, чпо онъ, вѣроятно, ирипворспвовалъ въ дружбѣ къ Бѣльскому, внупренно опасаясь въ немъ пайнаго совмѣспника, и воспользуепся симъ случаемъ для упвержденія своего могущеспва: ибо Ѳеодоръ мягкосердечный, обремененный державою, испуганный мяпежемъ, видя необходимоспь мѣръ спрогихъ для государспвеннаго успройспва, и не имѣя ни проницанія въ умѣ, ни пвердоспи въ волѣ, искалъ болѣе, нежели совѣпника или помощника: искалъ, на кого возложипь всю пягоспь правленія, съ опвѣпспвенноспію предъ единымъ Богомъ, и совершенно опдался смѣлому чесполюбцу, ближайшему къ сердцу его милой супруги. Безъ всякой хипроспи, слѣдуя единспвенно чувспву, зная умъ, не зная полько злыхъ, пайныхъ наклонноспей Годунова, Ирина упвердила союзъ между Царемъ, неспособнымъ власпвовапь, и поддапнымъ, доспойнымъ власпи. Сей мужъ знаменипый находился погда въ полномъ цвѣпѣ жизни, въ полной силѣ пѣлесной и душевной, имѣя 32 года опъ рожденія. Величеспвенною красопою, повелипельнымъ видомъ, смысломъ быспрымъ и глубокимъ, сладкорѣчіемъ обольспіпительнымъ превосходя всѣхъ Вельможъ (какъ говорипъ Лѣпописецъ), Борисъ не

Власт. и свойспва Годунова.

имѣлъ только.... добродѣтели; хотѣлъ, г.
умѣлъ благотворить, но единственно изъ 1584.
любви ко славѣ и власти; видѣлъ въ добродѣтели не цѣль, а средство къ достиженію цѣли: если бы родился на престолѣ, то заслужилъ бы имя одного изъ лучшихъ Вѣнценосцевъ въ мірѣ; но рожденный подданнымъ, съ необузданною страстію къ господству, не могъ одолѣть искушеній, тамъ, гдѣ зло казалось для нее выгодою — и проклятіе вѣковъ заглушаетъ въ Исторіи добрую славу Борисову.

Первымъ дѣйствіемъ Годунова было наказаніе Ляпуновыхъ, Кикиныхъ и другихъ главныхъ возмутителей Московской черни: ихъ послали въ дальніе города и заключили въ темницы. Народъ молчалъ или славилъ правосудіе Царя; Дворъ угадывалъ виновника сей законной строгости, и съ безпокойствомъ взиралъ на Бориса, коего рѣшительное владычество открылось не прежде Ѳеодорова Царскаго вѣнчанія, отложеннаго, ради шести-недѣльнаго моленія объ усопшемъ Вѣнценосцѣ, до 31 Мая[14].

Въ сей день, на самомъ разсвѣтѣ, сдѣлалась ужасная буря, гроза, и ливный дождь запопилъ многія улицы въ Москвѣ, какъ бы въ предзнаменованіе грядущихъ бѣдствій[15]: но суевѣріе успокоилось, когда гроза миновалась, и солнце возсіяло на чистомъ небѣ. Собралося безчисленное множество людей на Кремлевской площади, такъ, что войны

Царское вѣнчаніе Ѳеодорово.

Г. едва могли очистить путь для Духовника
1584. Государева, когда онъ несъ, при звонѣ всѣхъ колоколовъ, изъ Царскихъ палатъ въ храмъ Успенія *святыню Мономахову*, животворящій крестъ, вѣнецъ и бармы (Годуновъ несъ за Духовникомъ скипетръ). Не взирая на пѣснопу безпримѣрную, все запихло, когда Ѳеодоръ вышелъ изъ дворца со всѣми Боярами, Князьями, Воеводами, чиновниками: Государь въ одеждѣ небеснаго цвѣта[16], придворные въ златой — и сія удивительная тишина провождала Царя до самыхъ дверей храма, также наполненнаго людьми всякаго званія: ибо всѣмъ Россіянамъ дозволялось видѣть священное торжество Россіи, единаго семейства подъ державою Отца-Государя. Во время молебна Окольничіе и духовные сановники ходили по церкви, тихо говоря народу: «благоговѣйте и молитеся!» Царь и Митрополитъ Діонисій сѣли на изготовленныхъ для нихъ мѣстахъ, у врать западныхъ, и Ѳеодоръ среди общаго безмолвія сказалъ Первосвятителю: «Владыко! «родитель нашъ, Самодержецъ Іоаннъ Васи«лiевичь, оставилъ земное Царство, и пре«явъ Ангельскій образъ, отшелъ на Царство «Небесное; а меня благословилъ державою и «всѣми хоругвями Государства; велѣлъ мнѣ, «согласно съ древнимъ уставомъ, *помазать*«*ся* и вѣнчаться Царскимъ вѣнцемъ, діади«мою и святыми бармами: завѣщаніе его «извѣстно Духовенству, Боярамъ и народу.

«И такъ, по волѣ Божіей и благословенію отца моего, соверши обрядъ священный, «да буду Царь и *помазанникъ!*» Митрополитъ, осѣнивъ Ѳеодора крестомъ, отвѣтствовалъ: «Господинъ, возлюбленный сынъ «Церкви и нашего смиренія, Богомъ избранный и Богомъ на престолъ возведенный! «данною намъ благодатію отъ Святаго Духа «помазуемъ и вѣнчаемъ тебя, да именуешься «Самодержцемъ Россіи!» Возложивъ на Царя животворящій крестъ Мономаховъ, бармы и вѣнецъ на главу, съ моленіемъ, да благословитъ Господь его правленіе, Діонисій взялъ Ѳеодора за десницу, поставилъ на особенномъ *Царскомъ мѣстѣ*, и вручивъ ему *скипетръ*, сказалъ: «блюди хоругви великія «Россіи!» Тогда Архидіаконъ на амвонѣ, Священники въ Олтарѣ и Клиросы возгласили многолѣтіе Царю вѣнчанному, привѣтствуемому Духовенствомъ, сановниками, народомъ съ изъявленіемъ живѣйшей радости, и Митрополитъ въ краткой рѣчи напомнилъ Ѳеодору главныя обязанности Вѣнценосца: долгъ хранить Законъ и Царство, *имѣть духовное повиновеніе къ Святителямъ и вѣру къ монастырямъ*, искреннее дружество къ брату, *уваженіе къ Боярамъ, основанное на ихъ родовомъ старѣйшинствѣ*, милость къ чиновникамъ, воинству и всѣмъ людямъ. «Цари намъ вмѣсто «Бога», продолжалъ Діонисій: «Господь «ввѣряетъ имъ судьбу человѣческаго рода,

1584 г.

Г. 1584. «да блюдутъ не только себя, но и другихъ «опъ зла; да спасаютъ міръ опъ превол- «ненія, и да боятся *серпа Небеснаго!* Какъ «безъ солнца мракъ и тьма господствуютъ «на землѣ, такъ и безъ ученія все темно «въ душахъ: будь же любомудръ, или слѣ- «дуй мудрымъ; будь добродѣтелень: ибо «едина добродѣтель украшаетъ Царя, едина «добродѣтель безсмертна. Хочешь ли благо- «воленія Небеснаго? благоволи о подданныхъ «.... Не слушай злыхъ клеветниковъ, о «Царь, рожденный милосердымъ!... Да «цвѣтетъ во дни твои правда; да успоко- «ится отечество!... И возвыситъ Господь «Царскую десницу твою надъ всѣми врагами, «и будетъ Царство твое мирно и вѣчно «въ родъ и родъ!» Тутъ, проливая слезы умиленія, всѣ люди воскликнули: «будетъ «и будетъ многолѣтно!» — Ѳеодоръ, въ полномъ Царскомъ одѣяніи, въ коронѣ Мо- номаховой, въ богатой мантіи, и держа въ рукѣ длинный скипетръ (сдѣланный изъ драгоцѣннаго[17] китоваго зуба), слушалъ Литургію, имѣя видъ упомленнаго. Предъ нимъ лежали короны завоеванныхъ Царствъ; а подлѣ него, съ правой стороны, какъ ближній Вельможа, стоялъ Годуновъ: дядя Ѳеодоровъ, Никита Романовичь Юрьевъ, на ряду съ другими Боярами. Ничто, по ска- занію очевидцевъ, не могло превзойти сего торжества въ великолѣпіи. Амвонъ, гдѣ сидѣлъ Государь съ Митрополитомъ, —

калой, гдѣ лежала утварь Царская, и мѣ- 1.
спа для Духовенства были устланы бар- 1584.
хатами, а помостъ церкви коврами Персид-
скими и красными сукнами Англійскими. О-
дежды Вельможъ, въ особенности Годунова,
и Князя Ивана Михайловича Глинскаго, сіяли
алмазами, яхонтами, жемчугомъ удивительной
ной величины[18], такъ, что иноземные
Писатели цѣнятъ ихъ въ милліоны. Но всего
болѣе торжество украшалось веселіемъ лицъ
и знаками живѣйшей любви къ престолу.
— Послѣ Херувимской Пѣсни Митрополитъ,
въ дверяхъ Царскихъ, возложилъ на Ѳеодора
Мономахову цѣпь Аравійскаго злата; въ
концѣ же Литургіи *помазалъ его Святымъ*
Міромъ и причастилъ Святыхъ Таинъ. Въ
сіе время Борисъ Годуновъ держалъ ски-
петръ, Юрьевъ и Димитрій Ивановичь Го-
дуновъ (дядя Ирины), вѣнецъ Царскій на
златомъ блюдѣ. Благословенный Діонисіемъ
и въ южныхъ дверяхъ храма осыпанный
деньгами, Ѳеодоръ ходилъ поклониться гро-
бамъ предковъ, молясь, да наслѣдуетъ ихъ
государственныя добродѣтели. Между тѣмъ
Ирина, окруженная Боярынями, сидѣла въ
коронѣ подъ растворенным окномъ своей
палаты[19] и была привѣтствуема громкими
восклицаніями народа: «да здравствуетъ
«Царица!» Въ Тронной Вельможи и чинов-
ники цѣловали руку у Государя; въ Столо-
вой палатѣ съ нимъ обѣдали, равно какъ и
все знатное Духовенство. Пиры, веселія,

г. 1584. забавы народныя продолжались цѣлую недѣлю и заключились воинскимъ праздникомъ внѣ города, гдѣ, на обширномъ лугу, въ присутствіи Царя и всѣхъ жителей Московскихъ, гремѣло 170 мѣдныхъ пушекъ, предъ осьмью рядами Стрѣльцевъ, одѣтыхъ въ тонкое сукно и въ бархатъ. Множество всадниковъ, также богато одѣтыхъ, провождало Ѳеодора[20].

Разныя милости.

Одаривъ Митрополита, Святителей, и самъ принявъ дары отъ всѣхъ людей чиновныхъ, гостей и купцевъ, Россійскихъ, Англійскихъ, Нидерландскихъ[21], нововѣнчанный Царь объявилъ разныя милости: уменьшилъ налоги; возвратилъ свободу и достояніе многимъ знатнымъ людямъ, которые лѣтъ двадцать сидѣли въ темницѣ[22]; исполнял завѣщаніе Іоанново, освободилъ и всѣхъ военноплѣнныхъ; именовалъ Боярами Князей Дмитрія Хворостинина, Андрея и Василія Ивановичей Шуйскихъ, Никиту Трубецкаго, Шестунова, двухъ Куракиныхъ, Ѳедора Шереметева и трехъ Годуновыхъ, внучатныхъ братьевъ Ирины; пожаловалъ Герою, Князю Ивану Петровичу Шуйскому, всѣ доходы города Пскова, имъ спасеннаго[23]. Но сіи личныя милости были ничто въ сравненіи съ тѣми, коими Ѳеодоръ осыпалъ своего шурина, давъ ему все, что подданный могъ имѣть въ Самодержавіи: не только древній знатный санъ Конюшаго, въ теченіе семнадцати лѣтъ никому не жалованный, но и пишло

Ближняго Великаго Боярина, Намѣстника г.
двухъ Царствъ[24], Казанскаго и Астраханскаго. 1584.
Безпримѣрному сану отвѣтствовало и богатство безпримѣрное: Годунову дали, или Годуновъ взялъ себѣ, лучшія земли и помѣстья, доходы области Двинской, Ваги, — всѣ прекрасные луга на берегахъ Москвы-рѣки, съ лѣсами и пчельниками, — разные казенные сборы Московскіе, Рязанскіе, Тверскіе, Сѣверскіе, сверхъ особеннаго денежнаго жалованья: что, вмѣстѣ съ доходомъ его родовыхъ отчинъ въ Вязьмѣ и Дорого[illegible] приносило ему ежегодно не мен[illegible]е осьми или девяти сотъ тысячь нынѣшнихъ рублей серебряныхъ[25]. — богатство, коего отъ начала Россіи до нашихъ временъ не имѣлъ ни одинъ Вельможа, такъ, что Годуновъ могъ на собственномъ иждивеніи выводить въ поле до ста тысячь воиновъ[26]! Онъ былъ уже не временщикъ, не любимецъ, но Властитель Царства. Увѣренный въ Ѳеодорѣ, Борисъ еще опасался завистниковъ и враговъ: для того хотѣлъ изумить ихъ своимъ величіемъ, чтобы они не дерзали и мыслить объ его низверженіи съ такой высокой степени, недоступной для обыкновеннаго честолюбія Вельможъ-царедворцевъ. Дѣйствительно изумленные, сіи завистники и враги нѣсколько времени злобились втайнѣ, безмолвствуя, не вымышляя удара; а Годуновъ, со рвеніемъ души славолюбивой, устремился къ великой цѣли: дѣлами общественной пользы оправ-

Г. 1584. дать довѣренность Царя, заслужить довѣренность народа и признательность отечества. *Пентархія*, учрежденная Іоанномъ, какъ тѣнь исчезла: оспалась древняя Дума Царская, гдѣ Мстиславскій, Юрьевъ, Шуйскій судили наряду съ иными Боярами, слѣдуя мановенію *Правителя:* ибо такъ современники именовали Бориса[27], копорый одинъ, Годуновъ Правитель въ глазахъ Россіи, смѣло правилъ рулемъ государственнымъ, повелѣвалъ именемъ Царскимъ, по дѣйс[illegible]ствовалъ своимъ умомъ, имѣя [illegible]чиковъ, но не и[illegible]ѣя ни совмѣстниковъ, совѣт[illegible]телей.

ии поварил[illegible]ичтожденный мірскимъ великолѣпіемъ, искалъ отдохнов[illegible]ренія въ набожности; когда, прервавъ блестящія забавы и пиры, въ видѣ смиреннаго богомольца ходилъ пѣшкомъ изъ монастыря въ монастырь, въ Лавру Сергіеву и въ иныя святыя Обители, вмѣстѣ съ супругою[28], провождаемою знатнѣйшими Боярынями и цѣлымъ полкомъ особенныхъ Царицыныхъ тѣлохранителей (пышность новая, изобрѣтенная Годуновымъ, чтобы вселить въ народъ болѣе уваженія къ Иринѣ и къ ея роду) .... въ то время Правительство уже неусыпно занималось важными дѣлами государственными, искореняло злоупотребленія власти, утверждало безопасность внутреннюю и внѣшнюю. Во всей Россіи, какъ въ счастливыя времена Князя Ивана Бѣльскаго и Адашева, смѣнили худыхъ Намѣстниковъ, Воеводъ и судей, из-

бравъ лучшихъ[29]; грозя казнію за неправду, г. удвоили жалованье чиновниковъ, чтобы они 1584. могли пристойно жить безъ лихоимства; вновь устроили войско и двинули туда, гдѣ надлежало возстановить честь оружія или спокойствіе отечества. Начали съ Казани. Еще лилася кровь Россіянъ на берегахъ Волги, и бунтъ кипѣлъ въ землѣ Черемисской: Годуновъ болѣе умомъ, нежели мечемъ[30], смирилъ мятежниковъ, увѣривъ ихъ, что новый Царь, забывая старыя преступленія, готовъ, какъ добрый отецъ, миловать и виновныхъ въ случаѣ искренняго раскаянія; они прислали старѣйшинъ въ Москву и дали клятву въ вѣрности. Тогда же Борисъ велѣлъ строить крѣпости на Горной и Луговой сторонѣ Волги, Цывильскъ, Уржумъ, Царевъ-городъ на Кокшагѣ, Санчурскъ и другіе, населилъ оныя Россіянами, и тѣмъ водворилъ тишину въ сей землѣ, столь долго для насъ бѣдственной. Усмиреніе Черемисскаго бунта.

Усмиривъ Казанское Царство, Годуновъ довершилъ завоеваніе Сибирскаго. Еще не зная о гибели Ермака, но зная уменьшеніе его силъ отъ болѣзней и голода, онъ немедленно послалъ туда Воеводу, Ивана Мансурова, съ отрядомъ Стрѣльцевъ, а въ слѣдъ за нимъ и другихъ, Василія Сукина, Ивана Мяснаго, Данила Чулкова съ знатнымъ числомъ ратниковъ и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ[31]. Первый встрѣтилъ нашихъ Сибирскихъ витязей, Атамана Матвѣя Мещеряка съ Вторичное покореніе Сибири. г. 1585.

г. 1585 оспапкомъ Ермаковыхъ сподвижниковъ, на рѣкѣ Турѣ. «Доблiе Козаки ожили радоспiю,» говоритъ Лѣтописецъ: не боясь новыхъ опаностей и бiдъ, ужасаясь единственно мысли явиться въ отечествѣ бѣдными изгнанниками, съ вѣстiю о завоеванiи упраченномъ, они, исполненные мужества и надежды, возвратились къ устью Тобола, но не могли взять Искера, гдѣ властвовалъ уже не старецъ Кучюмъ, а юный, бодрый Князь Сейдякъ[32], его побѣдитель: свѣдавъ о бѣгствѣ Козаковъ, онъ собралъ полпы Ногаевъ, преданныхъ ему Тапаръ Сибирскихъ, выгналъ Кучюма, и слыша о новомъ приближенiи Россiянъ, стоялъ на берегу Ирпыма съ войскомъ многочисленнымъ, готовый къ усильному бою. Козаки предложили Мансурову плыть далѣе Ирпышемъ, не смотря на осеннее время, холодъ и морозы. Тамъ, гдѣ сiя рѣка впадаетъ въ Обь, они вышли на берегъ и сдѣлали деревянную крѣпость: пишутъ, что Остяки, думая взять оную, принесли съ собою славнаго Бѣлогорскаго идола, или *Шайтана*, начали ему молиться подъ деревомъ и разбѣжались отъ ужаса, когда Россiяне пушечнымъ выстрѣломъ сокрушили сей кумиръ обожаемый. — Воеводы Сукинъ и Мясной остановились на берегу Туры[33], и на мѣстѣ городка Чингiя основали нынѣшнiй Тюмень. Чулковъ же, не находя сопротивленiя, или преодолѣвъ оное, заложилъ Тобольскъ, и въ немъ первую церковь

Христіанскую (въ 1587 году); извѣстилъ о томъ Воеводу Мансурова, Атамана Мещеряка, соединился съ ними, разбилъ Князя Сейдяка, дерзнувшаго приступить къ Тобольской крѣпости, взялъ его въ плѣнъ раненаго, весь обозъ, все богатство, и сею побѣдою, которая стоила жизни послѣднему Ермакову Атаману, Никитѣ Мещеряку, довершилъ паденіе Ногайскаго Ирдышскаго Царства. Искеръ опустѣлъ, и Тобольскъ сдѣлался новою столицею Сибири. Другое же, менѣе вѣроятное преданіе славитъ не мужество, а хитрость Воеводы Чулкова, весьма не доспохвальную: узнавъ, какъ пишутъ[54], что Сейдякъ, другъ его, Царевичь Киргизскій Уразъ-Магметъ, и Мурза-Карача вышли изъ Искера съ пятью стами воиновъ, и на *Княжескомъ лугу*, близъ Тобольска, увеселяются птичьею ловлею, Воевода пригласилъ ихъ къ себѣ въ гости, связалъ и послалъ въ Москву. — Еще изгнанникъ Кучюмъ держался съ шайками Ногаевъ Тайбугина Улуса[55] въ степи Барабинской, жегъ селенія, убивалъ людей въ волостяхъ Курдацкой, Салынской, въ самыхъ окрестностяхъ Тобола: чтобы унять сего разбойника, новый Сибирскій Воевода, Князь Кольцовъ-Мосальскій, ходилъ во глубину пустынь Ишимскихъ и близъ озера Чили-Кула (1 Августа 1591) истребилъ большую часть его конницы, захватилъ двухъ женъ Ханскихъ и сына, именемъ Абдулъ-Хаира[56]. Тщетно Го- г. 1585.

1585 сударь, желая водворить тишину въ своемъ новомъ, отдаленномъ Царствѣ, предлагалъ Кучюму жалованье, города и волости въ Россіи; обѣщалъ даже оставить его Царемъ въ землѣ Сибирской, если онъ съ покорностію явится въ Москвѣ[37]. О томъ же писалъ къ отцу и плѣнникъ Абдулъ-Хаиръ, славя великодушіе Ѳеодора, который далъ ему и Царевичу Маметкулу богатыя земли въ собственность, *любя живить смертныхъ и миловать виновныхъ*[38]. Оставленный двумя сыновьями, Ногайскими союзниками и знатнымъ Чинъ-Мурзою (который выѣхалъ къ намъ вмѣстѣ съ матерью Царевича Маметкула), Кучюмъ гордо отвѣтствовалъ на предложенія Ѳеодоровы: «Я не уступалъ Сибири «Ермаку, хотя онъ и взялъ ее. Желая мира, «требую Иртышскаго берега[39].» Но безсильная злоба Кучюмова не мѣшала Россіянамъ болѣе и болѣе укрѣпляться въ Сибири заложеніемъ новыхъ городовъ отъ рѣки Печоры до Кети и Тары, для безопаснаго сообщенія съ Пермію и съ Уфою[40], тогда же построеннаго, вмѣстѣ съ *Самарою*, для обузданія Ногаевъ. Въ 1592 году, при Тобольскомъ Воеводѣ Князѣ Ѳедорѣ Михайловичѣ Лобановѣ-Ростовскомъ, были основаны Пелымъ, Березовъ, Сургутъ; въ 1594 Тара, въ 1596 Нарымъ и Кетскій Острогъ[41], неодолимыя твердыни для дикихъ Остяковъ, Вогуличей и всѣхъ бывшихъ Кучюмовыхъ Улусниковъ, которые иногда еще мыслили о сопротивле-

нiи, измѣняли и не хотѣли платить ясака: Г.
пакъ въ грамотахъ Царскихъ упоминается 1585.
о мятежѣ Пелымскаго Князя Аблегирима[42],
коего велѣно было Воеводѣ нашему схватить
хитростiю или силою, и казнить вмѣстѣ съ
сыномъ и съ пятью или шестью главными
бунтовщиками Вогульскими. Кромѣ воиновъ,
Стрѣльцевъ и Козаковъ, Годуновъ посылалъ
въ Сибирь и земледѣльцевъ изъ Перми,
Вятки, Каргополя, изъ самыхъ областей
Московскихъ[43], чтобы населить пустыни и
въ удобныхъ мѣстахъ завести пашню. Рас-
поряженiями благоразумными, обдуманными,
безъ усилiй тягостныхъ, онъ навѣки утверж-
дилъ сiе важное пріобрѣтенiе за Россiею,
въ обогащенiе Государства новыми доходами,
новыми способами торговли и промышлено-
сти народной. Около 1586 года Сибирь до-
ставляла въ казну 200,000 соболей, 10,000
лисицъ черныхъ и 500,000 бѣлокъ, кромѣ
бобровъ и горностаевъ[44].

Въ дѣлахъ внѣшней Политики Борисъ
слѣдовалъ правиламъ лучшихъ временъ Iоан-
новыхъ, изъявляя благоразумiе съ рѣшитель-
ностiю, осторожность въ соблюденiи цѣ-
лости, достоинства, величiя Россiи. Два Г.
Посла были въ Москвѣ свидѣтелями Ѳеодо- 1584
рова воцаренiя: Елисавета[45] и Липовскiй. — 87.
«Кончина Iоаннова (пишетъ Баусъ) измѣнила Сно-
«обстоятельства и предала меня въ руки шенiя
«главнымъ врагамъ Англiи: Боярину Юрьеву съ Ан-
«и Дьяку Андрею Щелкалову, которые въ гliею
и съ
Лив-
вою.

Г. 1584 — 87. «первые дни новаго царствованія овладѣли «Верховною Думою. Меня не выпускали изъ «дому, спрашали во время бунта Москов- «скаго, и Щелкаловъ велѣлъ мнѣ сказать въ «насмѣшку: *Царь Англійскій умеръ*[45]! Борисъ «Годуновъ, нашъ доброжелатель, еще не имѣлъ «погда власти.» Въ началѣ Мая объявили Баусу, что онъ можетъ ѣхать назадъ въ Англію; представили его Царю, отпустили съ честію, съ дарами и съ дружелюбнымъ письмомъ, въ коемъ Ѳеодоръ говорилъ Елисаветѣ: «Хотя дѣло о свайповствѣ и тѣс- «номъ союзѣ съ Англіею кончилось смертію «моего родителя, однакожь искренно желаю «твоей доброй пріязни, и купцы Лондонскіе «не лишаются выгодъ, данныхъ имъ послѣд- «нею жалованною грамотою[46].» Но Баусъ въ безразсудной досадѣ не хотѣлъ взять ни письма, ни даровъ Царскихъ; оставилъ ихъ въ Колмогорахъ, и вмѣстѣ съ Медикомъ Ро- бертомъ Якоби уѣхалъ изъ Россіи[47]. Уди- вленный такою дерзостію, Ѳеодоръ послалъ гонца Бекмана къ Королевѣ; жаловался на Бауса; снова предлагалъ ей дружбу, обѣщая милость купцамъ Англійскимъ, съ условіемъ, чтобы и наши могли свободно торговать въ Англіи. Сей гонецъ долго жилъ въ Лон- донѣ, не видя Елисаветы; наконецъ увидѣлъ въ саду, гдѣ и вручилъ ей письмо Государево. «Для чего нынѣшній Царь (спросила Коро- «лева) не любитъ меня? Отецъ его былъ «моимъ другомъ; а Ѳеодоръ гонитъ нашихъ

«купцевъ изъ Россіи.» Слыша отъ Бекмана, Г.
что Царь не гонитъ ихъ, но жалуетъ, и 1584
что они платятъ казнѣ вдвое менѣе иныхъ — 87
чужеземныхъ купцевъ въ Россіи, Елисавета
написала въ отвѣтъ къ Ѳеодору. «Братъ
«любезнѣйшій! съ неизъяснимою скорбію
«узнала я о преставленіи великаго Государя,
«отца твоего, славныя памяти, и моего нѣж-
«нѣйшаго друга. Въ его время смѣлые Ан-
«гличане, открывъ моремъ неизвѣстный
«дополѣ путь въ отдаленную страну вашу,
«пользовались тамъ важными правами, и если
«обогащались, то не менѣе и Россію обога-
«щали, благодарно хвалялся покровитель-
«ствомъ Іоанновымъ. Но имѣю утѣшеніе въ
«печали: гонецъ твой увѣрилъ меня, что
«сынъ достоинъ отца, наслѣдовавъ его пра-
«вила и дружество къ Англіи. Тѣмъ болѣе
«сожалѣю, что Посолъ мой Баусъ заслужилъ
«твое негодованіе: мужъ испытанный въ
«дѣлахъ государственныхъ, какъ здѣсь, такъ
«и въ иныхъ земляхъ, — всегда скромный и
«благоразумный. Удивляюся, хотя и вѣрю
«твоимъ жалобамъ, которыя могутъ быть
«изъяснены досадами, сдѣланными ему однимъ
«изъ твоихъ Совѣтниковъ Думныхъ» (Дья-
комъ Щелкаловымъ) «явнымъ доброхотомъ
«гостей Нѣмецкихъ. Но взаимная наша лю-
«бовь не измѣнится отъ сей непріятности.
«Требуешь свободной торговли для купцевъ
«Россійскихъ въ Англіи: чего никогда не бы-
«вало, и что несовмѣстно съ пользою на-

Г. 1584 — 87. «шихъ; но мы и тому не пропивимся, если ты «исполнишь обѣщаніе Іоанново и дашь новую «жалованную грамопу, для исключительной «торговли въ своемъ Царствѣ *обществу* «Лондонскихъ купцевъ, нами учрежденному, «не позволяя участвовать въ ея выгодахъ «*другимъ* Англичанамъ[48].» Не весьма довольный отвѣтомъ Елисаветы, ни холоднымъ пріемомъ Бекмана въ Лондонѣ, но желая сохранить полезную связь съ ея Державою, Царь велѣлъ (въ Сентябрѣ 1585 года) ѣхать къ Королевѣ Англійскому купцу, Іерониму Горсею, чтобы объясниться съ нею удовлетворительнѣе, и выборомъ такого Посланника доказать ей искренность нашего добраго расположенія[49]. «Предѣлы Россіи» — писалъ Ѳеодоръ къ Елисаветѣ съ Горсеемъ — «открыты для вольной торговли всѣхъ наро- «довъ, сухимъ путемъ и моремъ. Къ намъ ѣз- «дятъ купцы Султановы, Цесарскіе, Нѣмецкіе, «Испанскіе, Французскіе, Литовскіе, Персид- «скіе, Бухарскіе, Хивинскіе, Шамахинскіе и «многіе иные, такъ, что можемъ обойтися и «безъ Англичанъ, и въ угодность имъ *не* «*затворимъ дорогъ* въ свою землю. Для насъ «всѣ равны; а ты, слушаясь корысполю- «бивыхъ гостей Лондонскихъ, не хочешь «равнять съ ними и другихъ своихъ поддан- «ныхъ! Говоришь, что у васъ никогда не «бывало нашихъ людей торговыхъ — прав- «да: ибо они и дома торгуютъ выгодно; «слѣдственно могутъ и впредь не ѣздить

«въ Англію. Мы рады видѣть купцевъ Л. 1584
«Лондонскихъ въ Россіи, если не будешь —87
«пребовать для нихъ исключительныхъ
«правъ, несогласныхъ съ уставами моего
«Царства.» Сіи Ѳеодоровы мысли о воль-
ной торговлѣ удивили Англійскаго Истори-
ка, Юма, который находилъ въ нихъ гораздо
болѣе истины и проницанія, нежели въ Ели-
саветиныхъ понятіяхъ о купечествѣ[50].

Но Елисавета настояла: извиняясь предъ Ѳеодоромъ, что важныя государственныя дѣла мѣшали ей входить въ дальнія объясненія съ Бекманомъ, и что она видѣлась съ нимъ только въ саду, гдѣ обыкновенно *гуляетъ и бесѣдуетъ съ людьми ближними*[51], Королева уже не пребовала монополіи для купцевъ Лондонскихъ, убѣждала Царя единственно освободить ихъ отъ платежа тягостныхъ пошлинъ — и свѣдавъ отъ Горсея всѣ обстоятельства Двора Московскаго, писали особенно къ Царицѣ и къ брату ея, именуя первую *любезнѣйшею кровною сестрою*, а Годунова *роднымъ пріятелемъ*[52]; славила умъ и добродѣтель Царицы; увѣдомляла, что изъ дружбы къ ней снова отпускаетъ въ Москву Медика своего Якоби, особенно искуснаго въ цѣленіи женскихъ и *родильныхъ* болѣзней; благодарила Годунова за доброхотство къ Англичанамъ, надѣясь, что онъ, какъ мужъ ума глубокаго, будетъ и впредь ихъ милостивцемъ; сколько въ одолженіе ей, столько и для истинныхъ выгодъ

Г. 1584—87. Россіи. Такъ хитрила Елисавета — и не безполезно: Царица приняла ея ласковую грамоту съ любовію, Годуновъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ, и (въ 1587 году) далъ право Англичанамъ торговать безпошлинно (лишивъ казну болѣе двухъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода), съ обязательствомъ: 1) не привозить къ намъ чужихъ издѣлій; 2) не разсылать закупщиковъ по городамъ, но лично самимъ мѣняться товарами[53]; 3) не продавать ничего въ разницу, а только оптомъ: сукна, камки, бархаты кипами, вина куфами, и проч.; 4) не отправлять людей своихъ сухимъ путемъ въ Англію безъ вѣдома Государева; 5) въ тяжбахъ съ Россіянами зависѣть отъ суда Царскихъ Казначеевъ и Дьяка Посольскаго. Честолюбивый Борисъ не усомнился извѣстить Королеву, что *онъ* доставилъ сіи выгоды гостямъ Лондонскимъ, чувствуя ея милость, и желаетъ всегда *блюсти ихъ подъ своею рукою*, въ надеждѣ, что они будутъ вести себя тихо, честно, безъ обмановъ, не мѣшая Испанцамъ, Французамъ, Нѣмцамъ, ни *другимъ Англичанамъ* торговать въ нашихъ пристанихъ и городахъ: «ибо море Океанъ «есть путь Божій, всемірный, незагради«мый»[54]. Здѣсь въ первый разъ видимъ Великую Россійскаго въ перепискѣ съ иноземнымъ Вѣнценосцемъ: чего доселѣ не терпѣла осторожная Политика нашихъ Царей. Въ то же время получивъ бумагу отъ Ми-

ниспровъ Елисавепныхъ, о разныхъ неу- Г.
мѣренныхъ требованіяхъ ихъ купечеспва, 1584
Годуновъ велѣлъ Дьяку Щелкалову напи- —87.
сапь въ опивѣпъ, чпо все возможное для Англіи сдѣлано, а болѣе уже ничего не сдѣлается; чпо имъ спыдно безпокоипь *такого великаго человѣка* суесловіемъ, и чпо шурину Царскому, знаменипѣйшему Бояри-ну великой Державы Россійской, не приличпо самому опивѣчашь на бумагу нескромную[55]. Высоко цѣня благосклонноспь славной Коро-левы, и чувспвипельный къ ея лесши, Го-дуновъ зналъ однакожъ мѣру угожденія. Ан-гличане спарались низвергнупь ненависпнаго для нихъ Щелкалова; но Борисъ, уважая его опыпноспь и способносши, ввѣрялъ ему всѣ дѣла иноземныя и далъ новое, знамениное шипло Дьяка *Ближняго*[56].

Еще гораздо важнѣе и запруднипельнѣе были для насъ сношенія съ Липвою: ибо Спефанъ, какъ бы предчувспвуя, чпо ему жипь недолго, неперпѣливо хопѣлъ довер-шипь начапое: возвысипь Державу свою униженіемъ Россіи, и счипая Ливонію поль-ко задашкомъ, а миръ опдохновеніемъ, меч-палъ о возспановленіи древнихъ границъ Виповпповыхъ на берегахъ Угры. Посолъ его Сапѣга, узнавъ въ Москвѣ о кончинѣ Іоан-новой, сказалъ Боярамъ, чпо онъ безъ но-ваго Королевскаго наказа не можепъ видѣпь новаго Царя, ни говорипь съ ними о дѣ-лахъ[57]; ждалъ сего наказа при мѣсяца, и

г. 1584—87. предсπавленный Θеодору (22 Іюня), объявилъ ему за πайну, будπо бы въ знакъ искренняго доброжелаπельсπва, о намѣреніи Сулπана воеваπь Россію — πо есπь, Баπорій хоπѣлъ испугаπь Θеодора и сπрахомъ расположиπь къ усπуπчивосπи πропивъ Липвы!... Во время сего пышнаго, какъ обыкновенно, предсπавленія Царь сидѣлъ на πронѣ съ державою и скипеπромъ; близъ него сποяли Рынды въ бѣлой одеждѣ и въ *злаπыхъ цπяхъ*[58]; у πрона *одинъ* Годуновъ: всѣ иные Вельможи сидѣли далѣе. Но Послу оказали чесπь безъ ласки: не πриглашенный Θеодоромъ къ обѣду, онъ съ сердцемъ уѣхалъ домой и не впусπилъ къ себѣ чиновника съ блюдами сποла Царскаго. Начавъ переговоры, Сапѣга πребовалъ, чπобы Θеодоръ далъ Королю 120 πысячь золоπыхъ за нашихъ πлѣнниковъ, освободилъ Липовских безъ выкуπа, удовлеπворилъ всѣмъ жалобамъ его подданныхъ на Россіянъ и не именовалъ себя въ государсπвенныхъ бумагахъ *Ливонскимъ* Княземъ, если не желаеπъ войны: ибо смерπь Іоаннова, какъ думалъ Баπорій, уничπожала договоръ Запольскій. Ему оπвѣπсπвовали, чπо Θеодоръ, движимый единсπвенно человѣколюбіемъ, уже освободилъ 900 военоπлѣнныхъ, Поляковъ, Венгровъ, Нѣмцевъ, въ день своего Царскаго вѣнчанія; чπо мы ожидаемъ πакого же Хриспіанскаго дѣла оπъ Сπефана; чπо справедливыя жалобы Липовскія не оспануπся

безъ удовлетворенія; что сынъ Іоанновъ, наслѣдовавъ Державу, наслѣдовалъ и имя отца, который именовался *Ливонскимъ*. Въ слѣдствіе многихъ прѣній Сапѣга заключилъ съ Боярами мирное условіе только на десять мѣсяцевъ; а Царь послалъ Боярина, Князя Ѳедора Михайловича Троекурова, и Думнаго Дворянина, Михайла Безнина, въ Варшаву, чтобы склонить Короля къ истинному миролюбію. Но Стефанъ болѣе нежели когда нибудь хотѣлъ войны и чаялъ въ ней успѣха, свѣдавъ, что дѣлалось тогда въ Москвѣ, и съ прибавленіями, внушенными злобою. Г. 1584—87.

Годуновъ, стараясь дѣятельнымъ, мудрымъ правленіемъ заслуживать благодарность отечества, а ласками пріязнь главныхъ Бояръ, спокойно властвовалъ 16 или 17 мѣсяцевъ, презиралъ недоброжелателей, имѣя въ рукѣ своей сердце Государево, и снискавъ особенную дружбу двухъ знаменитѣйшихъ Вельможъ, Никиты Романовича Юрьева и Князя Ивана Ѳеодоровича Мстиславскаго; одинъ правительствовалъ, но совѣтовался съ ними, удовлетворяя тѣмъ ихъ умѣренному честолюбію. Сія счастливая для него связь рушилась кончиною Юрьева[59]: ибо слабодушный Князь Мстиславскій, хотя и *названный отецъ Борисовъ*[60], будучи обманутъ кознями враговъ его: Шуйскихъ, Воротынскихъ, Головиныхъ, присталъ къ нимъ, и, если вѣрить Лѣтописцу, сдѣлался Заговоръ противъ Годунова.

Г. 1584—87. участникомъ заговора гнуснаго: хотѣли, чтобы онъ позвалъ Бориса на пиръ и предалъ въ руки убійцъ! Такъ сказали Годунову устрашенные друзья его, сведавъ о злобномъ ковѣ; такъ сказалъ Годуновъ Царю... Было ли законное слѣдствіе, разысканіе, неизвѣстно; знаемъ единственно, что Князя Ивана Мстиславскаго, неволею постриженнаго, сослали въ Обитель Кирилловскую; Воротынскихъ, Головиныхъ въ мѣста дальнія; иныхъ заключили въ темницу; Шуйскихъ не коснулись: для того ли, что не могли обличить ихъ, или изъ уваженія къ ходатайству Митрополита, связаннаго дружествомъ съ ними[61]? Вообще не казнили смертію ни одного человѣка. Можетъ быть, Годуновъ опасался кровопролитіемъ напомнить ненавистныя времена Іоанновы; можетъ быть — что еще вѣроятнѣе — онъ каралъ единственно личныхъ своихъ недоброжелателей, распустивъ слухъ о мнимомъ злодѣйскомъ умыслѣ. Даже сынъ Мстиславскаго, Князь Ѳедоръ Ивановичь, остался въ Думѣ первымъ или старѣйшимъ Боярином[62]. Не смотря на такую умѣренность въ наказаніи дѣйствительнаго или вымышленнаго преступленія, столица и Дворъ были въ тревогѣ: ближніе, друзья опальныхъ, спрашивались дальнѣйшей мести, и знатный чиновникъ, Михайло Головинъ, ушелъ изъ Медынской своей отчины къ Баторію[63], какъ бы въ оправданіе Годунова: ибо сей бѣ-

глецъ-измѣнникъ, милостиво принятый въ Липвѣ, заклиналъ Короля не мириться съ Царемъ, увѣряя, что Москва и Россія въ безначаліи, въ неустройствѣ, отъ малоумія Ѳеодорова и несогласія Вельможъ; что Королю надобно только идти и взять все, ему угодное, въ нашемъ сиромъ, бѣдномъ отечествѣ, гдѣ никто не хочетъ ни воевать, ни служить Государю[64]. Баторій вѣрилъ, и холодно принявъ Московскихъ Пословъ, сказалъ имъ, что можетъ изъ снисхожденія дать намъ перемиріе на десять лѣтъ, если *возвратимъ* Липвѣ Новгородъ, Псковъ, Луки, Смоленскъ, землю Сѣверскую, и примолвилъ: « Отецъ Ѳеодоровъ не хотѣлъ меня знать, но узналъ; сыну будетъ то же »[65]. г. 1584—87.

Послы доказывали безразсудность Королевскаго требованія: ихъ не слушали. Тогда они употребили хитрость: во-первыхъ, искусно разгласили, что Михайло Головинъ есть лазутчикъ, посланный къ Стефану Московскими Боярами[66]; во-вторыхъ, предложили Вельможамъ Короннымъ и Липовскимъ заключить тѣсный союзъ между ихъ Державою и Россіею для истребленія Хана Крымскаго. Та и другая мысль имѣла счастливое дѣйствіе. Въ Варшавѣ перестали вѣрить Головину, разсуждая, что знатные Россіяне могли естественно уходить изъ отечества въ царствованіе жестокаго Іоанна, а не Ѳеодора милосердаго; что сей мни-

Г. 1584—87. мый бѣглецъ сорипъ деньгами, безъ сомнѣнія данными ему изъ казны Царской для подкупа людей, и нелѣпо унижая Россію, будпо бы гоповую упасть къ ногамъ Стефановымъ, изобличаетъ пѣмъ свою ложь; чпо Король, обольщенный Давидомъ Бѣльскимъ, изгубилъ многочисленное войско подъ спѣнами ужаснаго Пскова, и не долженъ быпь новою жерпвою легковѣрія; чпо онъ уже близокъ къ спароспи; чпо незапная смерпь можетъ исхипить мечь, если и побѣдный, изъ рукъ неупомимаго вопнеля; чпо шумный Сеймъ будетъ спорипь о выборѣ Стефанова преемника, а сильный врагъ опустошапь Липву; чпо лучше воспользоваться извѣспною слабостію Ѳеодоровою для упвержденія съ Московскими Боярами искренняго, вѣчнаго союза между обоими Государспвами, независимо опъ жизни или смерпи ихъ Вѣнценосцевъ. Сіе мнѣніе одержало верхъ въ Думѣ Королевской, пакъ, чпо Троекуровъ и Безнинъ не полько возвращились въ Москву съ новою мирною грамопою, срокомъ на два года[67], но Король опправилъ къ намъ и своего Посла чрезвычайнаго, съ предложеніемъ споль неожиданнымъ, чпо оно изумило Совѣпъ Царскій!

Посломъ былъ знамениппый мужъ, Михайло Гарабурда, давно извѣспный и пріяпный Двору Московскому совершеннымъ знаніемъ нашего языка, умомъ гибкимъ, вѣжливоспію, а всего болѣе усердіемъ къ Закону Греческо-

му. Онъ вручилъ Боярамъ миролюбивыя, ласковыя письма отъ Вельможъ Королевскихъ[68], и въ тайной бесѣдѣ съ ними сказалъ: «Имѣя «полную довѣренность отъ Государя нашего, Духовенства и всѣхъ мужей Думныхъ, «Коронныхъ и Литовскихъ, объявляю, что «мы искренно хотимъ быть въ неразрывномъ союзѣ съ вашимъ отечествомъ и ревностно стоять противъ всѣхъ общихъ «недруговъ. Для того оставимъ суетныя «прѣнія о городахъ и волостяхъ, коихъ ни «вы намъ, ни мы вамъ не уступимъ безъ «кровопролитія[69]. Пусть каждый во вѣки «вѣковъ безспорно владѣетъ тѣмъ, чѣмъ «владѣетъ нынѣ! Ничего не требуемъ: не «требуйте и вы! . . . Слушайте далѣе. Мы «съ вами братья единаго Славянскаго племени, отчасти и единой Вѣры: для чего намъ «не имѣть и единаго Властителя? Господь «да продолжитъ лѣта обоихъ Вѣнценосцевъ; «но они смертные: мы готовы, въ случаѣ «Стефановой кончины, присоединить Великое Княжество Литовское и Польшу къ «Державѣ Ѳеодора (такъ, чтобы Краковъ «считался наравнѣ съ Москвою, а Вильна съ «Новымгородомъ), если, въ случаѣ Ѳеодоровой смерти, обяжетесь признать Стефана Государемъ всей Россіи. Вотъ самый «надежный способъ — и нѣтъ инаго — утвердить тишину, незыблемое, истинное дружество между нашими Государствами!» Бояре донесли Царю, и послѣ торжествен- Г. 1584—87.

Г. 1584—87. наго совѣщанія Думы съ знатнѣйшимъ Духовенствомъ, дали слѣдующій отвѣтъ: «Мы «не дозволяемъ себѣ и мыслить о кончинѣ «нашего Великаго Самодержца; не хотимъ «даже предполагать и Стефановой: у васъ «иное обыкновеніе, едва ли достохвальное: «ибо пристойно ли Послу ѣхать въ чужую «землю за тѣмъ, чтобы говорить о смер«ти своего Вѣнценосца? Устраняя сію не«пристойность, объявляемъ согласіе Госу«даря на миръ вѣчный.» Но Гарабурда не хотѣлъ слышать о томъ безъ договора о соединеніи Державъ, прибавивъ: «развѣ от«дадите намъ и Новгородъ и Псковъ: ибо «Стефанъ неудовольствуется ни Смолен«скою, ни Сѣверскою областію.» *А нашъ Государь* — сказали ему Бояре — *не дастъ вамъ ни драницы съ кровли*[70]. *Можемъ обойтися безъ мира. Россія нынѣ не старая; берегите отъ ея руки уже не Ливонію, не Полоцкъ, а Вильну*[71]! Изъявивъ сожалѣніе, что наши Вельможи и Духовенство не вразумились въ мысль великую, добрую, Гарабурда откланялся Царю, а послѣ Боярамъ, которые особенно принимали его въ *набережныхъ сѣняхъ*, сидя на рундукѣ (гдѣ Борисъ занималъ четвертое мѣсто, уступая первенство Князьямъ Мстиславскому, Ивану Петровичу Шуйскому, Дмитрію Ивановичу Годунову); *дали ему руку*, и письмо учтивое къ Королевскимъ Вельможамъ, сказавъ: «Ты былъ у насъ съ дѣломъ важнымъ, но

«ничего не сдѣлалъ. Ненавидя кровопролитіе, Г.
«Царь объяснится съ Королемъ чрезъ своего 1584
«Посла.» Гарабурда уѣхалъ (30 Апрѣля), а —87.
Князь Троекуровъ вторично отправился къ Стефану (28 Іюня) съ новымъ наказомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Баторій немедленно обнажилъ бы мечь на Россію, если бы Вельможные Паны, особенно Литовскіе, боясь разоренія земли своей, не противились его славолюбію и не грозили Королю отказомъ Сейма въ деньгахъ и въ людяхъ. Обольщенный успѣхами войны съ Іоанномъ, онъ только для вида и въ угодность Вельможамъ сносился съ нами, будто бы желая мира, и нелѣпо предлагая Думѣ Царской отдать ему Россію по смерти Ѳеодора, въ то же время просилъ денегъ у Папы, чтобы итти къ Москвѣ, для себя завоевать нашу землю, а для Рима нашу Церковь: Іезуитъ Антоній былъ его ревностнымъ ходатаемъ (злобясь на Россіянъ за худый успѣхъ своего Посольства къ Іоанну), и Сикстъ V обязался давать Стефану ежемѣсячно 25 тысячь скудій *для предпріятія столь великаго*[72]! Въ семъ расположеніи Стефанъ не думалъ слѣдовать примѣру Ѳеодорова милосердія: хваля безкорыстное освобожденіе Литовскихъ плѣнниковъ, требовалъ неумѣреннаго окупа за нашихъ; взявъ съ Царя 54 тысячи рублей, отпустилъ нѣкоторыхъ, но удержалъ знатнѣйшихъ[73], и не хотѣлъ возвратить серебра, отнятаго въ Литвѣ у гостей Мо-

Г. 1584—87. сковскихъ, которые ѣхали въ Грецію съ милостынею для поминовенія Царевича Іоанна; не унималъ Воеводъ своихъ, которые изъ Ливоніи, Витебска и другихъ мѣстъ посылали шайки разбойниковъ въ области Псковскую, Великолуцкую, Черниговскую[74]; однимъ словомъ, явно искушалъ терпѣніе Россіи, чтобы произвести войну.

Троекуровъ нашелъ Стефана въ Гроднѣ[75], и вручилъ его Панамъ грамоту нашихъ Бояръ. Прочитавъ ее, Паны изъявили сильное негодованіе. «Желая тишины (говорили «они), мы, вопреки Королю, предлагали вамъ «условія искренняго братства, согласныя съ «выгодами обѣихъ Державъ; а вы, не от- «вѣтствуя на главное предложеніе, пише- «те, что Царю угодно осчастливить Ко- «роля миромъ, если уступимъ вамъ Кіевъ, «Ливонію и все, что именуете древнею «собственностію Россіи! То есть, *мы кор- «мимъ Вельможъ Московскихъ хлѣбомъ, а «Вельможи Московскіе бросаютъ намъ камень!* «Отъ чего такая гордость? Развѣ мы не вѣда- «емъ нынѣшнихъ жалкихъ обстоятельствъ «вашей земли? У васъ есть Царь; но ка- «кой? едва дышетъ, и бездѣтенъ: умѣетъ «только молиться[76]. Бояре въ смутахъ, на- «родъ въ волненіи, Держава въ неустрой- «ствѣ, рать безъ усердія и безъ добрыхъ «Воеводъ. Знаемъ, что вы тайно сноситесь «съ братомъ Императора Нѣмецкаго: какое «ваше намѣреніе? можете ли найти защит-

«ника въ Цесарѣ, когда онъ и себѣ худый г.
«защипшикъ? Уже многіе Государи Европей- 1584
«скіе *мытятъ на васъ*. Сулшанъ пребуетъ — 87.
«Аспрахани и Казани; Ханъ съ огнемъ и ме-
«чемъ въ нѣдрахъ Россіи; народъ Черемис-
«скій бунпуетъ. Гдѣ умъ вашихъ Бояръ?
«Отечество въ несгодѣ, а они презираютъ
«наше доброжелапельспво и пвердятъ, чпо
«Царь гоповъ спояпь пропивъ всѣхъ не-
«друговъ! Увидимъ. Доселѣ мы удерживали
«Стефана опъ исполненія кляпвы, имъ
«данной при восшествіи на прespолъ: кляп-
«вы опняпь у Россіи все Липовское, чѣмъ
«она завладѣла послѣ Виповпа. Теперь не
«хопимъ досаждапь сму пересказомъ вашихъ
«рѣчей бездѣльныхъ, но скажемъ: *Иди на*
«*Россію, до береговъ Угры: вотъ наше золо-*
«*то, вотъ наши руки и головы.*»

Князь Троекуровъ слушалъ хладнокровно, опвѣпспвовалъ съ жаромъ: «Не мы, но вы «суесловипе, Паны Вельможные! Какіе рѣчи, «дерзоспные и нелѣпыя! Царспвованіе бла-«годапное именуепе несгодою и бѣдспвіемъ «для Россіи! Видипе гнѣвъ Божій, гдѣ мы «видимъ одну милоспь Небесную! А буду-«щее извѣспно ли смерпному? Вы не бесѣ-«довали со Всевышнимъ. Горе тому, кпю «злословипъ Вѣнценосца[77]. Имѣемъ Царя «здраваго душею и пѣломъ, умнаго и сча-«спливаго, доспойнаго своихъ великихъ «предковъ. Какъ опецъ, дѣдъ, прадѣдъ «Ѳеодоровъ, пакъ и Ѳеодоръ судипъ народъ,

Г. 1584. — 87. «строитъ землю, любитъ тишину, но го-
«товъ и разитъ недруговъ. Есть у него
«воинство, какого еще не бывало въ Россіи:
«ибо онъ милостивъ къ людямъ и жалуетъ
«ихъ щедро изъ казны своей; есть Воеводы
«добрые, ревнители славы умеретъ за оте-
«чество. Такъ, Феодоръ умѣетъ молиться,
«и Господь, благоволя о небесной вѣрѣ его,
«конечно дастъ ему побѣду — и миръ, и
«благоденствіе, и чадъ возлюбленныхъ, да
«царствуетъ племя Св. Владимира во вѣки
«вѣковъ! Пустъ измѣнники оглашаютъ землю
«безстыдными лжесловіями о смутахъ Вель-
«можъ и неустройствѣ нашего Царства: вѣ-
«перъ клевету развѣваетъ. Не хотимъ уподо-
«биться намъ дерзостію и въ истинѣ: мол-
«чимъ о томъ, что видимъ въ Липвѣ и въ
«Польшѣ, ибо мы присланы не для разде-
«ра.» Далѣе, сказавъ, что Вельможи Россій-
скіе знаютъ только своего Царя и не сно-
сятся съ иноземными Князьями; что Сул-
танъ требуетъ не Астрахани, не Казани, а
нашего дружества; что Ханъ, помня 1572
годъ и Князя Михайла Воротынскаго [78], не
смѣетъ загянуть и въ нашу Украйну; что
въ Россіи вездѣ тишина; что мы спокойно
властвуемъ и въ отдаленной Сибири — на
Кондѣ, въ *Пелымскомъ Государствѣ*, въ
странѣ *Пытихъ Коллаковъ* и на Оби, гдѣ
94 города платятъ намъ дань [79] — Посолъ
заключилъ сими словами: «То ли называете
«несогодою Россіи? Мира желаемъ, но *не*

«*купимъ*. Хотите ли войны? начинайте! Хо- Г.
«тите ли добраго дѣла? говорите о дѣлѣ!» 1584.
— 87.

Вступили въ переговоры. Царь соглашался не требовать Кіева, ни Волыніи, ни Подоліи, требуя для мира одной *Ливоніи*, по крайней мѣрѣ Дерпта, Нейгауза, Ацеля, Кремпе, Маріенбурга, Тарваспа. «Къ чему «такое великодушіе?» сказали Паны Князю Троекурову съ насмѣшкою: «мы дозволяемъ «вамъ опыскивать всей Липвы: завоюйте «и возьмите!» Они вторично предложили сосдинить объ Державы на вѣки вѣковъ, и для того съѣхаться Вельможамъ Московскимъ съ Королевскими на границѣ; а Троекуровъ изъяснялъ имъ, что Царь не можетъ рѣшить столь важнаго дѣла безъ общей Земской Думы; что нужно не мало времени для призванія всѣхъ государственныхъ людей въ Москву изъ Новагорода, Казани, Астрахани, Сибири — и требовалъ долгайшаго перемирія. «Въ Россіи нѣтъ обы- «чая совѣтоваться съ землею,» возражали Паны: «Царь вздумаетъ, Бояре скажутъ «*да*, и дѣло сдѣлано.» Споривъ нѣсколько дней, утвердили перемиріе еще на два мѣсяца (отъ 5 Іюня до Августа 1588), чтобы въ теченіе сего времени съѣхаться Великимъ Посламъ съ обѣихъ сторонъ на рѣкѣ Ивапѣ, между Оршею и Смоленскимъ, для условія о томъ, 1) «какъ Царю жить въ «любви братской съ Стефаномъ, и 2) *какъ* «*ихъ Государствамъ быть подъ единою дер-*

Г. 1584. — 87. «*жавою въ случаѣ Ѳеодоровой или Стефа-*«*новой кончины*[86], или 5) какими городами «Литвѣ и Россіи владѣть безспорно, *буде* «*онѣ не захотятъ соединиться.*» Хотя третья статья отнимала силу у второй; хотя въ самомъ дѣлѣ мы ничего не уступали и не вредили ни чести, ни безопасности государственной такими условіями: однакожъ сей договоръ былъ подписанъ Троекуровымъ уже въ крайности, когда Паны объявили ему отпускъ. Мы желали длить время, въ надеждѣ на будущее, и видя доброе расположеніе къ миру въ землѣ непріятельской. Самъ Архіепископъ Гнѣзненскій въ бесѣдѣ съ Царскимъ чиновникомъ (Новосильцовымъ, посланнымъ прежде въ Вѣну) сказалъ ему, что Россія имѣетъ одного непримиримаго врага въ Литвѣ и въ Польшѣ: Баторія, коему жить не долго; что у него открылись на ногѣ опасныя раны, и что Медики не смѣютъ цѣлить ихъ, боясь тѣмъ ускорить его смерть; что Стефанъ не любимъ народомъ за безмѣрное славолюбіе и за худое обхожденіе съ супругою; что и Вельможи и Дворянство хотятъ быть подъ рукою Ѳеодора, зная Христіанскія добродѣтели сего Вѣнценосца, умъ и благость Царицы, мудрость и высокія достоинства *Правителя*, Бориса Ѳеодоровича Годунова. «Сей мужъ «знаменитый (продолжалъ Архіепископъ) «питалъ, утѣшалъ нашихъ плѣнниковъ, «когда они еще сидѣли въ темницѣ, и давъ

«имъ свободу, милостиво угостилъ въ сво- Г.
«ихъ палатахъ, одаривъ каждаго сукнами и 1584
«деньгами. Слава его вездѣ разносится. Вы — 87.
«счастливы, имѣя нынѣ Властителя подоб-
«наго Алексѣю Адашеву, великому чело- Сравненіе
«вѣку, который управлялъ Россіею въ Годунова
«царствованіе Іоанново[81].» Еще не довольный съ Ада-
такимъ сравненіемъ, Новосильцовъ увѣрялъ, шевымъ.
что Годуновъ превосходитъ Адашева и зна-
менитостію сана и глубокимъ разумомъ. —
Однимъ словомъ, здравая Политика нудила
насъ удалять войну, сколько возможно. Еще
Стефанъ бодрствовалъ духомъ и тѣломъ,
отпуская Князя Троекурова; величавый и
гордый въ привѣтствіяхъ, съ видомъ суро-
вымъ далъ ему руку; велѣлъ кланяться Фео-
дору . . . . и симъ заключилъ свои дѣянія
въ отношеніи къ Россіи, которая ненави-
дѣла и чтила его: ибо онъ, враждуя намъ,
исполнялъ законный долгъ, предписываемый
Государю пользою Государства, и лучше лег-
комысленныхъ Пановъ вѣдалъ невозможность
истиннаго мира и трудность соединенія
Королевства ихъ съ Царствомъ Москов-
скимъ. Уже Баторій назначилъ день Сейма
въ Варшавѣ, чтобы утвердить будущую
судьбу Королевства заблаговременнымъ из-
браніемъ своего преемника, истиною и крас-
норѣчіемъ оживитъ въ сердцахъ любовь къ
отечеству, ревность ко славѣ; наконецъ
исторгнутъ согласіе на войну съ Россіею.
Но судьба не благопріятствовала замысламъ

г. великаго мужа, какъ увидимъ въ слѣдующей
1584. главѣ.
— 87.

Въ сихъ послѣднихъ сношеніяхъ съ Баторіемъ Правительство наше имѣло еще особенную, тайную цѣль: хотѣло возвратить отечеству изгнанниковъ и бѣглецовъ Іоаннова царствованія, не столько изъ милосердія, сколько для государственной выгоды. Слыша, что нѣкоторые изъ нихъ желаютъ, но боятся ѣхать въ Россію, Царь посылалъ къ нимъ милостивыя грамоты — именно къ Князю Гаврилу Черкасскому, Тимоѳею Тетерину, Мурзѣ Купкееву, Девятому Кашкарову, къ самому измѣннику Давиду Бѣльскому (свойственнику Годунова) — обѣщая имъ забвеніе вины, чины и жалованье, если они съ раскаяніемъ и съ усердіемъ явятся въ Москвѣ, чтобы *доставить намъ всѣ нужныя свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи Литвы*, о видахъ и способахъ ея Политики[82]. Ѳеодоръ прощалъ всѣхъ бѣглецовъ, кромѣ несчастнаго Курбскаго (вѣроятно, что его уже не было на свѣтѣ), и кромѣ новаго измѣнника, Михайла Головина: вывѣдавъ отъ него много тайнаго о Россіи, Баторій имѣлъ у насъ и собственныхъ лазутчиковъ, между купцами Литовскими: для чего Ѳеодоръ велѣлъ имъ торговать единственно въ Смоленскѣ, запретивъ ѣздить въ Москву[85].

Перемиріе съ Швеціею.

Стараясь удалить разрывъ съ Литвою, но ожидая его неизбѣжно, Царь оказывалъ болѣе миролюбія и снисходительно-

спи въ дѣлахъ съ Шведскимъ Королемъ, чтобы вдругъ не имѣть двухъ непріятелей, однакожь не забывая достоинства Россіи, чувствуя необходимость загладить ея стыдъ возвратомъ нашей древней собственности, похищенной Шведами, и только отлагая войну до удобнѣйшаго времени. Свѣдавъ о кончинѣ Іоанновой, Эстонскій Намѣстникъ де-ла-Гарди спрашивалъ у Новогородскаго Воеводы, Князя Василья Ѳедоровича Шуйскаго-Скопина, хотимъ ли мы паблюдать договоръ, заключенный на берегу Плюсы[84], и будутъ ли наши Послы въ Стокгольмѣ для условія о вѣчномъ мирѣ? Но въ письмѣ своемъ, какъ бы желая досадить Царю, онъ назвалъ Короля *Великимъ Княземъ Ижерскимъ и Шелонскія Пятины въ землѣ Русской*. Ему отвѣчали, что Россія никогда не слыхала о Шведскомъ Великомъ Князѣ Пятины Шелонской; что онъ (де-ла-Гарди) можетъ извиниться единственно невѣдѣніемъ государственныхъ обычаевъ, будучи иноземцемъ и пришлецомъ, удаленнымъ отъ Двора и дѣлъ Думныхъ; что Царь исполняетъ договоръ отца своего, не любитъ бѣдствій войны и ждетъ Пословъ Шведскихъ, а своихъ не можетъ отправить въ Стокгольмъ. Колкость произвела брань. Де-ла-Гарди въ новомъ письмѣ къ Шуйскому говорилъ о стыдомъ невѣжествѣ, о безумной гордости Россіянъ, еще не образумленныхъ худыми ея слѣдствіями[85]. «Знайте (писалъ

г. 1584 — 87.

Г. 1584 — 87. «онъ), что меня не именуютъ чужеземцемъ «въ *высокохвальномъ* Королевствѣ Швед- «скомъ: правда, не рѣдко удаляюсь отъ «Двора, но единственно для того, чтобы «учить васъ смиренію. Вы не забыли, ду- «маю, сколько разъ мои знамена встрѣча- «лись съ вашими; то есть, сколько разъ вы «уклоняли ихъ предо мною и спасались бѣг- «ствомъ?» Отвѣтомъ на сію непристой- ность было молчаніе презрѣнія. Еще благо- разумнѣе и достохвальнѣе поступилъ Ѳеодоръ въ личномъ сношеніи съ Королемъ Іоанномъ. Предлагая намъ не возобновлять гибельнаго кровопролитія, Іоаннъ въ грамотѣ къ Царю употребилъ слѣдующее выраженіе: «отецъ «твой, терзая собственную землю, питаясь «кровію подданныхъ, былъ злымъ сосѣдомъ «и для насъ и для всѣхъ иныхъ Вѣнценос- «цевъ.» Сію грамоту Ѳеодоръ возвратилъ Королю, велѣвъ сказать гонцу его, что къ сыну не пишутъ такъ о родителѣ[86]! Но слова не мѣшали дѣлу: Боярин, Князь Ѳе- доръ Дмитріевичь Шестуновъ, и Думный Дворянинъ, Игнатій Тапищевъ, съѣхались (25 Октября 1585) на усть Плюсы, близъ Нарвы, съ Шведскими знатными сановни- ками, Класомъ Тоттомъ, де-ла-Гардіемъ и другими[87]. Шведы требовали Новагорода и Пскова, а мы и взятыхъ ими городовъ Рос- сійскихъ и всей Эстоніи, и семисотъ пя- сячь рублей деньгами; смягчались, уступа- ли съ обѣихъ сторонъ, и не могли согла-

сипься. Шведы грозили намъ союзомъ съ Баторіемъ и наняпіемъ сіа пысячь воиновъ: мы грозили имъ силою одной Россіи, прибавляя: «не имѣемъ нужды, подобно вамъ, «закладывать города свои и нанимать воинов; дѣйспвуемъ собспвенными руками и «головами[88].» Послѣднія наши условія для мира, оппвергнупыя Шведами, сосповли въ помъ, чпобы Король возвратилъ намъ Иваньгородъ, Яму, Копорье за 10,000 рублей или 20,000 Венгерскихъ червонцевъ. Сказали: «да будепъ же война!» Но одумались, и въ Декабрѣ 1585 года упвердили перемиріе на чепыре года безъ всякихъ успупокъ, съ обязапельспвомъ вновь съѣхапься Послапъ обѣихъ Державъ въ Августѣ 1586 года для соглашенія о мирѣ вѣчномъ. — Во время сихъ переговоровъ надменный де-ла-Гарди упонулъ въ Наровъ[89]. Г. 1584. — 87.

Еще двѣ Державы Европейскія находились погда въ спошеніяхъ съ Ѳеодоромъ: Авспрія и Данія. Извѣспивъ Рудольфа о своемъ воцареніи, онъ предлагалъ ему дружбу и свободную торговлю между ихъ Государствами. Сановника Московскаго, Новосильцова[90], чеспили въ Прагѣ, гдѣ жилъ Имперапоръ: не только Авспрійскіе Министры, но и Легапъ Римскій, Послы Испанскій, Венеціянскій, давали ему обѣды; разспрашивали его о Воспокѣ и Сѣверѣ; о Персіи, земляхъ Каспійскихъ и Сибири; славили могущество Царя и хвалили разумъ Посланника, дѣй- Посольство въ Австрію.

Г. 1584 — 87. ствительно разумнаго, какъ по свидѣтельствуютъ его бумаги. Онъ доносилъ Боярской Думѣ, что Рудольфъ занимается болѣе своею великолѣпною конюшнею, нежели правленіемъ, уступивъ тягостную для него власть умному Вельможѣ Адаму Дитрихштейну; что Императоръ, бѣдный казною, не стыдится платить дань Султану, единственно на время удаляя тѣмъ грозу меча Оттоманскаго; что состояніе Европы печально; что Австрія бѣдствуетъ въ мирѣ, а Франція въ войнѣ междоусобной; что Филиппъ II, подозрѣвая сына (Карлоса) въ умыслѣ на жизнь отца, думаетъ объявить наслѣдникомъ Испаніи Эрнеста, Цесарева брата[91]. Въ сихъ донесеніяхъ Новосильцовъ описываетъ и предметы гражданской жизни, плоды народнаго образованія, заведенія полезныя или пріятныя, имъ видѣнныя и неизвѣстныя въ Россіи, даже сады и теплицы, исполняя Посольскій наказъ любопытнаго Годунова. Министры Австрійскіе за тайну объявили ему желаніе утвердить союзъ съ Россіею, чтобы низвергнуть Баторія и раздѣлить его Королевство[92]; но сія мысль, излишно смѣлая для слабаго Рудольфа, оспалась безъ дѣйствія: Императоръ хотѣлъ послать къ Царю собственнаго Вельможу, и не сдержалъ слова, написавъ съ Новосильцовымъ единственно учтивое письмо къ Ѳеодору.

Фридерикъ, Король Датскій, бывъ въ явной недружбѣ съ Іоанномъ[93], спѣшилъ увѣрить новаго Царя въ искреннемъ доброжелательствѣ; прислалъ въ Москву знатнаго чиновника; писалъ съ нимъ, что всемірная слава о *Христіанскомъ нравѣ и чувствѣ* Ѳеодоровомъ даетъ ему надежду прекратить всѣ старыя неудовольствія и возобновить дружественныя связи съ Россіею, государственныя и торговыя. Сіи связи дѣйствительно возобновились, и Данія уже не мыслила тревожить нашей морской сѣверной торговли, желая только участвовать въ ея выгодахъ. Г. 1584 — 87. Возобновление дружества съ Даніею.

Будучи въ мирѣ — по крайней мѣрѣ на время — съ Христіанскою Европою, Россія, спокойная внутри, хотя и не спрашилась, однакожь непрестанно береглась Тавриды. Магметъ-Гирей, обѣщая союзъ и Царю и Литвѣ, тайно сносясь съ Черемисою и явно посылая толпы разбойниковъ въ наши юго-восточные предѣлы[94], палъ отъ руки брата, Исламъ-Гирея, который съ Янычарскою дружиною и съ именемъ Хана прибылъ изъ Константинополя[95]. Убійствомъ наслѣдовавъ и тронъ и Политику своего предмѣстника, Исламъ писалъ къ Ѳеодору: «Отецъ твой «купилъ миръ съ нами десятью тысячами «рублей, сверхъ мѣховъ драгоцѣнныхъ, «присланныхъ отъ васъ моему брату. «Дай мнѣ еще болѣе — и мы раздавимъ Ли-«товскаго недруга: съ одной стороны мое Дѣла Крымскія.

Г. 1584 — 87 «войско, сьдругой Сулпанское, съ трепьей «Ногаи, съ чепвертой полки пвои устре- «мятся на его землю»[96] — и въ по же время Крымскія шайки, вмѣспѣ съ Азовцами, съ Ногаями Казыева Улуса, жгли селенія въ Уѣздахъ Бѣлевскомъ, Козельскомъ, Воропынскомъ, Мещовскомъ, Мосальскомъ[97]: Думный Дворянинъ, Михайло Безнинъ, съ легкою конницею вспрѣпилъ ихъ на берегу Оки, подъ Слободою Монастырскою, разбилъ на голову, отнялъ плѣнниковъ, и получилъ отъ Царя золотую медаль за свое мужество. Еще два раза Крымцы, числомъ отъ придцати до сорока пысячь [98], злодѣйствовали въ Украйнѣ: въ Іюнѣ 1587 года они взяли и сожгли Кропивну. Воеводы Московскіе били, гнали ихъ, слѣдомъ пепла и крови; не отходили отъ береговъ Оки; спояли въ Тулѣ, въ Серпуховѣ, ожидая самого Хана. Таврида уподоблялась для насъ ядовитому гаду, который издыхаетъ, но еще язвитъ смертоноснымъ жаломъ: ввергала огонь и смерть въ предѣлы Россіи, не взирая на свое изнуреніе и бѣдствія, коихъ она была тогда жертвою. Сыновья Магметъ-Гиреевы, Сайдетъ и Муратъ, изгнанные дядею, (въ 1585 году) возвратились съ пятнадцатью пысячами Ногаевъ, свергнули Исламъ-Гирея съ престола, взяли его женъ, казну, опустошили всѣ Улусы. Сайдетъ назвался Ханомъ; но Исламъ, бѣжавъ въ Кафу, черезъ два мѣсяца снова изгналъ племянниковъ, съ

4000 Сулпанскихъ воиновъ одержавъ надъ ними побѣду въ кровопролитной сѣчѣ; умерпвилъ многихъ Князей и Мурзъ, обвиняемыхъ въ измѣнѣ; окружилъ себя Турками и далъ имъ волю насильспвовашь, убиваш и грабишь[99]. Пользуясь сими обспояпельспвами, Царь предложилъ убѣжище изгнанникамъ Сайдепу и Мурапу: дозволилъ первому кочеваш съ полпами Ногайскими близъ Аспрахани; звалъ впораго въ Москву, чеспилъ, обязалъ присягою въ вѣрноспи, и съ двумя Воеводами оппуспилъ въ Аспрахань, гдѣ надлежало ему быпь орудіемъ нашей Полипики, и гдѣ вспрѣпили его какъ знаменишаго Князя Владѣпельнаго: войско спояло въ ружьѣ; въ крѣпоспи и въ прислани гремѣли пушки, *били въ набаты и въ бубны, играли въ трубы и въ сурны* [100]. Въ семъ древнемъ городѣ, наполненномъ купцами Воспочными, Мурапъ явился съ великолѣпіемъ Царскимъ: опкрылъ пышный Дворъ; поржеспвенно принималъ сосѣдспвенныхъ Князей и Пословъ ихъ; держа въ рукѣ харпію Ѳеодорову съ злапою печапію, именовалъ себя Владыкою чепырехъ рѣкъ: Дона, Волги, Яика и Терека, всѣхъ вольныхъ Улусниковъ и Козаковъ; хвалился распоппашь Ислама и смирипь надменнаго Сулпана; говорилъ: «милоспію и дружбою Царя Мо- «сковскаго будемъ Царями: брапъ мой Крым- «скимъ, я Аспраханскимъ; для пого *великіе* «*люди* Россійскіе даны мнѣ въ услугу.» Такъ г. 1584 —87.

Г. 1584. — 87. говорилъ онъ своимъ единовѣрцамъ, а Воеводу Аспраханскаго, Князя Ѳедора Михайловича Лобанова-Росповскаго, пайно убѣждалъ избавишь его опъ строгаго, явнаго присмотра, дабы Ногаи и Крымцы имѣли къ нему болѣе довѣренпости и це видали въ немъ раба Московскаго: ибо Лобановъ и другіе Воеводы, сохраняя приспойпость, наблюдали за всѣми движеніями Мурапа. Величаясь знаками наружнаго уваженія, онъ ѣздилъ въ мечеть сквозь ряды многочисленныхъ Спрѣльцевъ[101], но не могъ ни съ кѣмъ объясняться безъ свидѣпелей. Между пѣмъ служилъ намъ ревноспно: склонялъ Ногаевъ къ тишинѣ и къ покорноспи; увѣрялъ, чпо Царь единспвенно для ихъ безопасноспи и для обузданія хищныхъ Козаковъ спроипъ города на Самарѣ и на Уфѣ[102]; грозилъ огнемъ и мечемъ мяпежному Князю сей Орды, Якшисапу, за непріязнь къ Россіи, и вмѣспѣ съ брапомъ своимъ, Сайдепомъ, гоповился ударипь на Тавриду, съ Ногаями, Козаками, Черкесами, ожидая только Ѳеодорова повелѣнія, пушекъ и десяти пысячь обѣщанныхъ ему Спрѣльцевъ для сего предпріяпія.

Но Царь медлилъ. Опасаясь Спефана гораздо болье, нежели Ислама, и не увѣренный въ мирѣ съ первымъ, онъ писалъ къ Мурапу (въ Февралѣ 1587 года): «Благо- «пріятное время для завоеванія Тавриды «еще не наспупило: мы должны прежде

«усмиришь иного врага, сильнѣйшаго. Будь Г.
«гетовъ съ вѣрными Ногаями и Козаками 1584.
«шли къ Вильнѣ, гдѣ вспрѣтишься со мною; —87.
«и когда управимся съ своимъ Литовскимъ
«недругомъ, тогда легко испребимъ и ва-
«шего: поздравимъ Сайдетъ-Гирея Ханомъ
«Улусовъ Крымскихъ[103].» А къ Исламу при-
казывалъ Государь въ сіе же время: «Ханъ
«Сайдетъ-Гирей, Царевичь Мурашъ, Князья
«Ногайскіе, Черкесскіе, Шавкальскіе, Тюмен-
«скіе и Горскіе моляшъ насъ о дозволеніи
«свергнуть тебя съ престола. Еще удер-
«живаемъ ихъ на время; еще можемъ за-
«быть твои разбои[104], буде искренно же-
«лаешь ополчиться на Литву, когда вый-
«детъ срокъ перемирія, заключеннаго нами
«съ ея Властителемъ кровожаднымъ: ибо
«мы вѣрны слову и договорамъ. Я самъ по-
«веду рать свою отъ Смоленска къ Вильнѣ;
«а ты съ главною силою иди въ Волынію,
«въ область Галицкую и далѣе; вели иной
«рати идти къ Путивлю, гдѣ она соеди-
«нится съ нашею Сѣверскою, чтобы оса-
«дить Кіевъ, имѣя съ правой стороны мое
«войско Астраханское, коему должно съ Ца-
«ревичемъ Мурашомъ также вступить
«въ Литву. Испытавъ худыя слѣдствія впа-
«дешій въ Россію, испытай счастія союзомъ
«съ нею.» Предвидя, что Сайдетъ, низвер-
гнувъ Ислама, подобно ему сдѣлался бы для
насъ атаманомъ разбойниковъ, и что мы про-
мѣняли бы только одного варвара на другаго,

г. 1584. —87. Ѳеодоръ обольщалъ сыновей Магмета-Гиреевыхъ Крымскимъ Ханствомъ, а Хана ужасалъ ими, чтобы имѣть болѣе силы для войны съ Баторіемъ. Сія хитрость не осталась безъ дѣйствія: Исламъ, боясь племянниковъ, увѣрялъ Ѳеодора, что впаденія Крымцевъ въ Россію происходили отъ своевольства нѣкоторыхъ Мурзъ, казненныхъ за то безъ милосердія; что онъ ждетъ Московскаго Посла съ Шертною грамотою, и наступитъ всѣми силами на Липву. Исламъ въ самомъ дѣлѣ объявилъ своимъ Улусникамъ, что имъ до времени лучше грабить Стефанову землю, нежели Ѳеодорову!

Всего болѣе занимаясь Баторіемъ, Швеціею, Тавридою, мы видѣли опасность важную и съ другой стороны, будучи въ сосѣдствѣ съ Державою страшною для цѣлой Европы, и конечно не имѣли нужды въ предостереженіяхъ Австрійскаго Двора, чтобы ожидать грозы съ береговъ Воспора. Трофеи Сулпанскіе въ нашихъ рукахъ, замыселъ Солимановъ на Астрахань, бѣгство и гибель Селимовой рати въ пустыняхъ Каспійскихъ[105], не могли остаться безъ слѣдствія: вся хитрость Московской Политики должна была состоять въ томъ, чтобы удалить начало неминуемаго, ужаснаго боренія до времень благопріятнѣйшихъ для Россіи, коей надлежало еще усилиться и внѣшними пріобрѣтеніями и внутреннимъ образованіемъ, дабы вступить въ смертный

бой съ сокрушителями Византійскаго Цар- г.
ства. Такъ дѣйствовали Іоаннъ Великій, 1584
сынъ, внукъ его, умѣвъ даже иногда пріяз- — 87.
нію Султановъ обуздывать и Крымъ и
Литву; того хотѣлъ и Ѳеодоръ, отправивъ
(въ Іюлѣ 1584 года) Посланника Благова въ
Конспантинополь, извѣстить Султана о вос-
шествіи своемъ на престолъ[106], объяснить
ему миролюбивую систему Россіи, въ раз- Посольство
сужденіи Турціи, и склонить Амурата къ въ Константинополь.
дружественной связи съ нами. «Наши пра-
«дѣды (Іоаннъ и Баязетъ)» — писалъ Ѳео-
доръ къ Султану — «дѣды (Василій и Соли-
«манъ), отцы (Іоаннъ и Селимъ) назывались
«братьями, и въ любви ссылались другъ съ
«другомъ: да будетъ любовь и между нами.
«Россія открыта для купцевъ твоихъ, безъ
«всякаго завѣта въ товарахъ и безъ пош-
«лины. Требуемъ взаимности, и ничего бо-
«лѣе.» А Посланнику велѣно было сказать
Пашамъ Амуратовымъ слѣдующее: «Мы
«знаемъ, что вы жалуетесь на разбои *Тер-*
«*скихъ* Козаковъ, мѣшающихъ сообщенію
«между Конспантинополемъ и Дербентомъ,
«гдѣ нынѣ Султанъ властвуетъ, отнявъ
«его у Шаха Персидскаго: отецъ Госуда-
«ревъ, Іоаннъ, для безопасности Черкесска-
«го Князя, Темгрюка, основалъ крѣпость на
«Терекѣ, но въ удовольствіе Селима вывелъ
«своихъ ратниковъ: съ сего времени живутъ
«въ ней Козаки Волжскіе, опальные бѣглецы,
«безъ Государева вѣдома. Жалуетесь еще

Г. 1584—87. «на упѣсненіе Магомепанской Вѣры въ Рос-
«сіи: но кого же упѣсняемъ? Въ сердцѣ
«Московскихъ владѣній, въ Касимовѣ,
«споятъ мечепи и памятники Мусульман-
«скіе: Царя Шигъ-Алея, Царевича Кайбулы.
«Саинъ-Булатъ, нынѣ Симеонъ, Великій
«Князь Тверскій, принялъ Христіанспво до-
«бровольно, а на мѣспо его сдѣланъ Царемъ
«Касимовскимъ Муспафалей, Закона Магоме-
«пова, сынъ Кайбулинъ[107]. Нѣпъ, мы ни-
«когда не гнали и не гонимъ иновѣрцевъ.»
Не имѣя приказа входипь въ дальнѣйшія
объясненія, Благовъ, чеспимый въ Конспан-
пинополѣ на равнѣ съ Господаремъ Волош-
скимъ и болѣе Посла Венеціянскаго[108], не
безъ пруда убѣдилъ Амурата послапь соб-
спвеннаго чиновника въ Москву. Паши гово-
рили: «Сулпанъ еспь великій Самодержецъ;
«Послы его ѣздятъ полько къ знаменипымъ
«Монархамъ: къ Цесарю, къ Королю Фран-
«цузскому, Испанскому, Англійскому: ибо они
«имѣюпъ съ нимъ важныя дѣла государ-
«спвенныя и *присылаютъ ему казну* или
«богапую дань; а съ вами у насъ одни ку-
«печескія дѣла.» Благовъ опвѣпспвовалъ:
«Сулпанъ великъ между Государями Мусуль-
«манскими, Царь великъ между Христіан-
«скими. Казны и дани не присылаемъ нико-
«му. Торговля важна для Государспвъ: мо-
«гупъ вспрѣпипься и другія дѣла важнѣй-
«шія; но если Сулпанъ не опправипъ со
«мною знапнаго чиновника въ Москву, по

«Посламъ его уже никогда не видать очей Г. 1584
«Царскихъ[109].» Сулпанъ велѣлъ надѣть на —87.
Благова кафтанъ бархатный съ золотомъ и
ѣхать съ нимъ въ Москву Чаушу своему,
Адзію Ибрагиму, коего встрѣтили, на бере-
гахъ Дона, Воеводы Россійскіе, высланные
для безопасности его путешествія[110]. Вру-
чивъ Ѳеодору письмо Сулпанское (въ Де-
кабрѣ 1585), Ибрагимъ отказался отъ вся-
кихъ переговоровъ съ Боярами; а Сулпанъ,
называя Ѳеодора *Королемъ Московскимъ*, изъ-
являлъ ему благодарность за добрую волю
быть въ дружбѣ съ Оттоманскою Импе-
ріею, подтверждалъ свободу торговли для на-
шихъ купцевъ въ Азовѣ, и Восточнымъ сло-
гомъ превозносилъ счастіе мира; но требо-
валъ въ доказательство искренней любви,
чтобы Царь выдалъ Ибрагиму измѣнника,
Магметъ-Гиреева сына, Мураша, и неме-
дленно унялъ Донскаго Атамана, Кишкина,
злаго разбойника Азовскихъ предѣловъ[111].
Видя, что система Константинопольскаго
Двора въ отношеніи къ Россіи не измѣни-
лась — что Сулпанъ не думаетъ о заклю-
ченіи дружественнаго, государственнаго до-
говора съ нею, желая единственно свобод-
ной торговли между обѣими Державами, до
перваго случая объявить себя нашимъ вра-
гомъ[112], Царь отпустилъ Ибрагима съ отка-
зомъ, что на Дону злодѣйствуютъ бо-
лѣе Козаки Липовскіе, нежели Россійскіе;
что Атаманъ Кишкинъ отозванъ въ Мос-

Г. кву, и поварищамъ его не велѣно прево-
1584. жить Азовцевъ; что о сынѣ Магмет-Гире-
— 87. евѣ, нашемъ слугѣ и присяжникѣ, будетъ наказано къ Султану съ новымъ Посломъ Царскимъ. Но въ теченіе слѣдующихъ шести лѣтъ мы уже никого не посылали въ Константинополь, и даже явно дѣйствовали противъ Оттоманской Имперіи.

Царь Иверскій, данникъ Россіи.

Въ самый день Ибрагимова отпуска (5 Октября 1586) Государь торжественно вступилъ въ обязательство, которое могло и долженствовало быть весьма непріятно для Султана. Около ста лѣтъ мы не упоминали о Грузіи[113]: въ сей несчастной землѣ, угнетаемой Турками и Персіянами, властвовалъ тогда Князь или Царь Александръ, который, прославъ въ Москву Священника, Монаха и наѣздника Черкесскаго, слезно молилъ Ѳеодора взять древнюю знаменитую Иверію подъ свою высокую руку, говоря: «Настали «времена ужасныя для Христіанства, пред-«видѣнныя многими боговдохновенными мужа-«ми. Мы, единовѣрные братья Россіянъ, «стенаемъ отъ злочестивыхъ: единъ ты, «Вѣнценосецъ Православія, можешь спасти «нашу жизнь и душу. Бью тебѣ челомъ до «лица земли со всѣмъ народомъ: да будемъ «твои во вѣки вѣковъ[114]!« Столь убѣди-тельно и жалостно предлагали Россіи новое Царство, неодолимое для воинственныхъ древнихъ Персовъ и Македонянъ, блестящее завоеваніе Помпеево! Она взяла его: даръ

опасный! ибо мы, господствомъ на берегахъ Кура, ставили себя между двумя сильными воюющими Державами. Уже Турція владѣла Западною Иверіею и спорила съ Шахомъ о Восточной, требуя дани съ Кахетіи, гдѣ царствовалъ Александръ, и съ Картлиніи, подвластной Князю Симеону, его зятю.[115] Но дѣло шло болѣе о чести и славѣ нашего имени, нежели о существенномъ господствѣ въ мѣстахъ столь отдаленныхъ и едва доступныхъ для Россіи, такъ, что Ѳеодоръ, объявивъ себя верховнымъ Владыкою Грузіи, еще не зналъ пути въ сію землю! Александръ предлагалъ ему основать крѣпости на Терекѣ, послать тысячь двадцать воиновъ на мятежнаго Князя Дагестанскаго, Шавкала(или Шамхала)[116], овладѣть его столицею, Тарками, и берегомъ Каспійскаго моря открыть сообщеніе съ Иверіею чрезъ область ея данника, Князька Сафурскаго. Для сего требовалось не мало времени и приготовленій: избрали другой, вѣрнѣйшій путь, чрезъ землю мирнаго Князя Аварскаго; отправили сперва гонцевъ Московскихъ[117], чтобы обязать Царя и народъ Иверскій клятвою въ вѣрности къ Россіи; а за гонцами послали и знатнаго сановника Князя Симеона Звенигородскаго, съ жалованною грамотою. Александръ, цѣлуя крестъ клялся вмѣстѣ съ тремя сыновьями, Иракліемъ, Давидомъ и Георгіемъ, вмѣстѣ со всею землею, быть въ вѣчномъ, неизмѣнномъ

г. 1584. — 87.

Г. 1584. — 87. поддансπвъ у Θеодора, *у будущихъ* его дъπей и наслѣдниковъ, имѣπь однихъ друзей и враговъ съ Россіею, служиπь ей усердно *до издыханія*, присылаπь ежегодно въ Москву пяπьдесяπъ злаπоπканцыхъ камокъ Персидскихъ и десяπь ковровъ съ золоπомъ и серебромъ, или, въ ихъ цѣну, собсπвенныя *узорочья* земли Иверской; а Θеодоръ обѣщалъ всѣмъ ея жиπелямъ *безсπрашное πребываніе въ его державной защиπѣ* — и сдѣлалъ, чπо могъ.

Въ удовольсπвіе Сулπана осπавленный нами городокъ *Терскій*, нѣсколько времени служивъ дѣйсπвиπельно приспанищемъ для однихъ Козаковъ вольныхъ, былъ немедленно исправленъ и занянъ дружинами Сπрѣльцевъ, подъ начальсπвомъ Воеводы, Князя Андрея Ивановича Хворосπинина, коему надлежало уπвердиπь власπь Россіи надъ Князьями Черкесскими и Кабардинскими, ея присяжниками со временъ Іоанновыхъ, и вмѣсπѣ съ ними блюсπи Иверію. Другое Асπрахансκое войско смирило Шавкала, и завладѣло берегами Койсы[118]. Доспавивъ Александру снарядъ огнесπрѣльный, Θеодоръ обѣщалъ πрислаπь къ нему и масπеровъ искусныхъ въ лиπіи пушекъ. Ободренный надеждою на Россію, Александръ умножилъ собсπвенное войско: собралъ πысячь пяπнадцаπь всадниковъ и πѣшихъ; вывелъ въ поле, сπроилъ, училъ; давалъ имъ знамена кресπоносныя, Епископовъ, Моπаховъ въ пред-

водипели, и говорилъ Князю Звенигород- г.
скому: «Слава Россійскому Вѣнценосцу! Это 1584.
«не мое войско, а Божіе и Ѳеодорово.» Въ — 87.
сіе время Паши Оттоманскіе пребовали опъ него запасовъ для Баки и Дербента: онъ не далъ, сказавъ: «я холопъ великаго «Царя Московскаго!» и на возраженіе ихъ, что Москва далеко, а Турки близко, отвѣтствовалъ: «Терекъ и Астрахань не далеко.» Но Царская наша Дума благоразумно совѣтовала ему *манить Султана*[119] и не раздражать до общаго возстанія Европы на Оттоманскую Имперію. Встревоженный слухомъ, что Царевичь Мурадъ, будучи зятемъ Шавкаловымъ, мыслитъ измѣнить намъ, тайно ссылаясь съ шестемъ, съ Ногаями, съ вѣроломными Князьями Черкесскими, чтобы незапно овладѣть Астраханью и отдать ее Султану, Александръ заклиналъ Государя не вѣрить Магометанамъ, прибавляя: «если что сдѣлается надъ «Астраханью, то я кину свое бѣдное Цар- «ство и побѣгу, *куда несутъ очи.*» Но Князь Звенигородскій успокоилъ его. «Мы не спу- «скаемъ глазъ съ Мурата (говорилъ онъ) и «взяли аманатовъ у всѣхъ Князей Ногайскихъ, «Казыева Улуса и Заволжскихъ. Султанъ «съ Ханомъ постыдно бѣжали отъ Астра- «хани (въ 1569 году); а нынѣ она еще бо- «лѣе укрѣплена и наполнена людьми воин- «скими. Россія умѣетъ спокойно за себя и «своихъ[120]. Между тѣмъ, занимаясь государ-

Г. 1584. — 87. сπвенною безопасностію Иверіи, мы усердно благотворили ей въ дѣлахъ Вѣры: прислали ученыхъ Іереевъ исправить ея церковные обряды, и живописцевъ для украшенія храмовъ святыми иконами[121]. Александръ съ умиленіемъ повторялъ, что жалованная грамота Царская *упала ему съ неба и вывела его изъ тьмы на свѣтъ*; что наши Священники суть Ангелы для Духовенства Иверскаго, омраченнаго невѣжествомъ[122]. Въ самомъ дѣлѣ, славясь древностію Христіанства въ землѣ своей, сіе несчастное Духовенство уже забывало главные уставы Вселенскихъ Соборовъ и святые обряды Богослуженія. Церкви, большею частію на крутизнѣ горъ, стояли уединенны и пусты: осматривая ихъ съ любопытствомъ, Іереи Московскіе находили въ нѣкоторыхъ остатки древней богатой утвари съ означеніемъ 1441 года: «Тогда — изъяснялъ имъ Александръ — «владѣлъ Иверіею великій Деспотъ Георгій; «она была еще единымъ Царствомъ: къ не- «счастію, прадѣдъ мой раздѣлилъ ее на три «Княжества и предалъ въ добычу врагамъ «Христовымъ. Мы окружены невѣрными; «но еще славимъ Бога истиннаго и Царя «благовѣрнаго[123]». Князь Звенигородскій именемъ Россіи обѣщалъ свободу всей Иверіи, возстановленіе ея храмовъ и городовъ, коихъ онъ вездѣ видѣлъ развалины, упоминая въ своихъ донесеніяхъ о двухъ бѣдныхъ городкахъ, Крымѣ и Загемѣ[124], нѣкоторыхъ

селеніяхъ и монастыряхъ. Съ того времени г. Ѳеодоръ началъ писаться въ пипулъ *Государемъ земли Иверской, Грузинскихъ Царей и Кабардинской земли, Черкасскихъ и Горскихъ Князей.* 1584—87.

Возспановленіемъ Терской крѣпости и присвоеніемъ Грузіи досаждая Сулпану, мы еще болѣе возбуждали его негодованіе дружбою съ Персіею. Извѣстивъ Ѳеодора о своихъ мнимыхъ побѣдахъ надъ Турками, Шахъ Годабендъ (или Худабендѣй) предложилъ ему изгнапь Турковъ изъ Баки и Дербенпа, обязываясь уступипь намъ въ вѣчное владѣніе сіи издавна Персидскіе города, если и самъ возмепъ ихъ[125]. Чпобы заключипь союзъ на шакомъ условіи, Ѳеодоръ послалъ къ Шаху (въ 1588 году) Дворянина Васильчикова, копорый нашелъ Годабенда уже въ пемницѣ: воцарился сынъ его Мирза Аббасъ, свергнувъ опца. Но сія перемѣна не нарушила добраго согласія между Россіею и Персіею. Новый Шахъ, съ великою чеспію принявъ въ Казбинѣ сановника Ѳеодорова[126], послалъ двухъ Вел можъ, Бупакбека и Андибея, въ Москву, объявипь Царю, чпо успупаепъ намъ не полько Дербенпъ съ Бакою, но и Таврисъ и всю Ширванскую землю[127], если нашимъ усерднымъ содѣйспвіемъ Турки будупъ выпѣснены оппуда; чпо Сулпанъ предлагалъ ему миръ, желая выдапь дочь свою за его племянника, но чпо онъ (Аббасъ) не хочепъ и слышапь о

Г. семъ, въ надеждѣ на союзъ Россіи и Вѣнце-
1584. носца Испанскаго, коего Посолъ находил-
— 87. ся тогда въ Персіи[123]. Особенно пред-
спавленные Годунову, Вельможи Шаховы
сказали ему: «Если Государи наши будупъ
«въ искренней любви и дружбѣ, по чего не
«сдѣлаюпъ общими силами? Мало выгнапь
«Турковъ изъ Персидскихъ владѣній: можно
«завоеваπь и Конспаншинополь [129]. Но па-
«кія великія дѣла совершаюпся людьми ума
«великаго: какая для тебя слава, мужъ зна-
«менишый и доспоπисπвами и милосπію
«Царскою, если πвоими мудрыми совѣпами
«избавишся міръ опъ насилія Оππоманова!»
Имъ опвѣπисπвовали, чπо мы уже дѣй-
спвуемъ проπивъ Амурапа; чπо войско наше
на Терекѣ и загражданпъ пупь Сулпан-
скому опъ Чернаго моря къ Персидскимъ
владѣніямъ; чπо другое, еще сильнѣйшее,
въ Аспрахани; чπо Амурапъ велѣлъ-было
своимъ Пашамъ идπи къ морю Каспійскому,
но удержалъ ихъ, свѣдавъ о новыхъ Россій-
скихъ πвердыняхъ въ сихъ мѣспахъ опас-
ныхъ, о соединеніи всѣхъ Князей Черкесскихъ
и Ногайскихъ, гоπовыхъ подъ Московскими
знаменами усπремиπься на Турковъ. Съ симъ
оππусπили Пословъ, сказавъ, чπо наши выѣ-
дупъ въ слѣдъ за ними къ Шаху; но они
еще не успѣли выѣхапь, когда узнали въ
Москвѣ о мирѣ Аббаса съ Сулпаномъ[130].

Такъ дѣйспвовала внѣшняя, и мирная и
чесπолюбивая Полиπика Россіи въ πеченіе

первыхъ лѣтъ Ѳеодорова царствованія или Годунова владычества, не безъ хитрости и не безъ успѣха, болѣе осторожно, нежели смѣло, — грозя и маня, обѣщая, и не всегда искренно. Мы не шли на войну, но къ ней готовились, вездѣ укрѣпляясь, вездѣ усиливая рать [131]: желая какъ бы невидимо присутствовать въ ея станахъ, Ѳеодоръ учредилъ общіе смотры, избирая для того воинскихъ царедворцевъ, способныхъ, опытныхъ, которые ѣздили изъ полку въ полкъ, чтобы видѣть исправность каждаго, оружіе, людей, устройство, и доносить Государю [132]. Воеводы, неуступчивые между собою въ зловредныхъ спорахъ о родовомъ старѣйшинствѣ, безъ прекословія отдавали себя на судъ Дворянамъ, Стольникамъ, Дѣтямъ Боярскимъ, представлявшимъ лице Государево въ сихъ смотрахъ. г. 1584—87. Дѣла внутреннія.

Внутри Царства все было спокойно. Правительство занималось новою описью людей и земель пашенныхъ [133], уравненіемъ налоговъ, населеніемъ пустынь, строеніемъ городовъ. Въ 1584 году Московскіе Воеводы, Нащокинъ и Волоховъ, основали на берегу Двины городъ Архангельскъ, близъ того мѣста, гдѣ стоялъ монастырь сего имени и дворъ купцевъ Англійскихъ [134]. Астрахань, угрожаемую Султаномъ и столь важную для нашихъ торговыхъ и государственныхъ дѣлъ съ Востокомъ, для обузданія Ногаевъ, Черкесскихъ и всѣхъ сосѣдственныхъ съ ними Основаніе Архангельска.

Г. Князей, укрѣпили каменными спѣнами[135]. Въ
1584. Москвѣ, вокругъ Большаго Посада, заложили
—87. (въ 1586 году) *Бѣлый* или *Царевъ городъ*,
Строе- начавъ опъ Тверскихъ воропъ (спроипе-
ніе Бѣла- лемъ онаго названъ въ лѣпописи Русскій ху-
го или дожникъ Кононъ Ѳедоровъ) а въ Кремлѣ
Царе- многія палапы: Денежный Дворъ, Приказы
ва го- Посольскій и Помѣспный, Большой Приходъ,
рода въ или Казначейспво, и Дворецъ Казанскій[136].
Мо- Упомянемъ здѣсь также о началѣ нынѣшняго
сквѣ. Уральска. Около 1584 года шеспь или семь сопъ
Нача- Волжскихъ Козаковъ выбрали себѣ жилище
ло на берегахъ Яика, въ мѣспахъ привольныхъ
Ураль- для рыбной ловли; окружили его земляными
ска. укрѣпленіями, и сдѣлались ужасомъ Ногаевъ,
въ особенноспи Князя Уруса, Измаилова сы-
на, копорый непреспанно жаловался Царю
на пхъ разбои, и коему Царь всегда опвѣп-
спвовалъ, чпо они бѣглецы, бродяги, и жи-
вупъ памъ самовольно; но Урусъ не вѣрилъ
и писалъ къ нему: «Городъ сполъ значи-
«пельный можепъ ли сущеспвовапь безъ
«пвоего вѣдома? Нѣкопорые изъ сихъ гра-
«бипелей, взяпые нами въ плѣнъ, имену-
«юпъ себя людьми Царскими[137].» Замѣпимъ,
чпо погдашнее время было самымъ цвѣ-
пущимъ въ Испоріи нашихъ Донскихъ или
Волжскихъ Козаковъ-випязей. Опъ Азова до
Искера гремѣла слава ихъ удальспва, раз-
дражая Сулпана, грозя Хану, смиряя Нога-
евъ, утверждая власпь Московскихъ Вѣн-
ценосцевъ надъ Сѣвером Азіи.

Въ сихъ обстоятельствахъ, благопріятныхъ для величія и цѣлости Россіи, когда все доказывало умъ и дѣятельность Правительства, то есть, Годунова, онъ былъ предметомъ ненависти и злыхъ умысловъ, не смотря на всѣ его уловки въ искусствѣ обольщать людей. Сносясь отъ лица своего съ Монархами Азіи и Европы, мѣняясь дарами съ ними, торжественно принимая ихъ Пословъ у себя въ домѣ[138], высокомѣрный Борисъ желалъ казаться скромнымъ: для того уступалъ первыя мѣста въ Совѣтѣ инымъ старѣйшимъ Вельможамъ[139]; но, сидя въ немъ на *четвертомъ* мѣстѣ, однимъ словомъ, однимъ взоромъ и движеніемъ перста загражадалъ уста пропиворѣчію. Вымышлялъ отличія, знаки Царской милости, чтобы плѣнять суетность Бояръ, и для того ввелъ въ обыкновеніе званые обѣды, для мужей Думныхъ, во внутреннихъ комнатахъ дворца[140], гдѣ Ѳеодоръ угощалъ вмѣстѣ и Годуновыхъ и Шуйскихъ, иногда не приглашая Бориса: хитрость безполезная! Кого *Великій Боярин*ъ приглашалъ въ сіи дни къ своему обѣду, тому завидовали гости Царскіе. Всѣ знали, что Правитель оставляетъ Ѳеодору единственно имя Царя — и не только многіе изъ первыхъ людей государственныхъ, но и граждане столицы изъявляли вообще нелюбовь къ Борису. Господство безпредѣльное въ самомъ доспойномъ Вельможѣ бываетъ противно народу. Адашевъ

г. 1584. —87.

Опасности для Годунова.

Г. имѣлъ нѣкогда власпь надъ сердцемъ Іоанно-
1584. вымъ и судьбою Россіи, но споялъ смиренно за
—87. Монархомъ умнымъ, пылкимъ, дѣяпельнымъ, какъ бы исчезая въ его славѣ: Годуновъ самовластвовалъ явно и величался предъ пропомъ, закрывая своимъ надменіемъ слабую пѣнь Вѣнценосца. Жалѣли о ничтожности Ѳеодоровой и видѣли въ Годуновѣ хищника правъ Царскихъ; помнили въ немъ Четово Могольское племя[141] и спыдились униженія Рюриковыхъ Державныхъ наслѣдниковъ. Льспецовъ его слушали холодно, непріяпелей со вниманіемъ, и легко вѣрили имъ, что зять Малюпинъ, временщикъ Іоанновъ, есть ширанъ, хотя еще и робкій! Самыми общеспвенными благодѣяніями, самыми счаспливыми успѣхами своего правленія онъ усиливалъ зависпь, осприлъ ея жало и гоповилъ для себя бѣдспвенную необходимоспь дѣйспвовапь ужасомъ; но еще спарался удалипь сію необходимоспь: для пого хопѣлъ мира съ Шуйскими, копорые, имѣя друзей въ Думѣ и приверженниковъ въ народѣ, особенно между людьми торговыми, не преспавали враждовапь Годунову, даже опкрыпо[142]. Первосвяпипель Діонисій взялся быпь миропворцемъ: свелъ враговъ въ своихъ палапахъ Кремлевскихъ, говорилъ именемъ опечеспва и Вѣры; пронулъ, убѣдилъ — пакъ казалось — и Борисъ съ видомъ умиленія подалъ руку Шуйскимъ: они клялися жипь въ любви брапской, искренно до-

брохотспивовапь другъ другу, вмѣспѣ радѣпь о Государспвѣ — и Князь Иванъ Пепровичь Шуйскій съ лицемъ веселымъ вышелъ опъ Мипрополипа на площадь къ Грановипой палапѣ извѣспишь любопыпный народъ о семъ счасппливомъ мирѣ: доказапельспво, какое живое учаспіе принимали погда граждане въ дѣлахъ общеспвенныхъ, уже имѣвъ время опдохнупь послѣ *Грознаго!* Всѣ слушали любимаго, уважаемаго Героя Псковскаго въ пишинѣ безмолвія; но два купца, выспупивъ изъ шолпы, сказали: «Князь Иванъ Пепровичь! вы-мирипесь на-«шими головами: и намъ и вамъ будепъ ги-«бель опъ Бориса?» Сихъ двухъ купцевъ въ пу же ночь взяли и сослали въ неизвѣспное мѣспо, по указу Годунова, копорый, желавъ миромъ обезоружишь Шуйскихъ, скоро увидѣлъ, чпо они, не усцупая ему въ лукавспвѣ, подъ личиною мнимаго новаго дружеспва оспавались его люпыми врагами, дѣйспвуя за-одно съ инымъ, важнымъ и дополѣ пайнымъ непріятелемъ Великаго Боярина. 1584 — 87.

Хопя Духовенспво Россійское никогда сильно не изъявляло мірскаго власполюбія, всегда болѣе угождая, нежели пропивясь волѣ Государей въ самыхъ дѣлахъ церковныхъ; хопя, со временъ Іоанна III, Мипрополипы наши въ разныхъ случаяхъ опзывались поржесптвенно, чпо занимаюпся единспвенно успройспвомъ Богослуженія, Хриспіанскимъ

Г. ученіемъ, совѣстію людей, спасеніемъ душъ[143]:
1584. однакожь, присутствуя въ Думахъ Земскихъ,
—87. сзываемыхъ для важныхъ государственныхъ постановленій — не законодательствуя, но одобряя или утверждая законы гражданскіе[144] — имѣя право совѣтовать Царю и Боярамъ, толковать имъ уставы Царя Небеснаго для земнаго блага людей — сіи Іерархи участвовали въ дѣлахъ правленія соотвѣтственно ихъ личнымъ способностямъ и характеру Государей: мало при Іоаннѣ III и Василіи, болѣе во время дѣтства и юности Іоанна IV, менѣе въ годы его тиранства. Ѳеодоръ, духомъ младенецъ, превосходя старцевъ въ набожности, занимаясь Церковію ревностнѣе, нежели Державою, бесѣдуя съ Иноками охотнѣе, нежели съ Боярами, какую государственную важность могъ бы дать сану Первосвятительства, безъ руководства Годунова, при Митрополитѣ честолюбивомъ, умномъ, сладкорѣчивомъ? ибо таковъ былъ Діонисій, прозванный *мудрымъ Грамматикомъ*[145]. Но Годуновъ не для того хотѣлъ Державной власти, чтобы уступить ее Монахамъ: чествилъ Духовенство, какъ и Бояръ, только знаками уваженія, благосклонно слушалъ Митрополита, разсуждалъ съ нимъ, но дѣйствовалъ независимо, досаждая ему непреклонностію своей воли. Симъ объясняется непріязненное расположеніе Діонисія къ Годунову и тѣсная связь съ Шуйскими. Зная, что Правитель великъ Царицею — умая, что слабодушный Ѳеодоръ не мо-

жепъ имѣпь и сильной привязанноспи, ни къ Борису, ни къ самой Иринѣ; чпо дѣйспвіемъ незапноспи и спраха легко склонипь его ко всему чрезвычайному — Митрополипъ, Шуйскіе, друзья ихъ пайно условились съ госпями Московскими, купцами[146], нѣкоторыми гражданскими и воинскими чиновниками именемъ всей Россіи поржеспвенно ударипь челомъ Ѳеодору, чпобы онъ развелся съ неплодною супругою, оппуспивъ ее, какъ впорую Соломонію, въ монаспырь, и взялъ другую, дабы имѣпь наслѣдниковъ, необходимыхъ для спокойспвія Державы. Сіе моленіе народа, будпо бы успрашаемаго мыслію видѣпь конецъ Рюрикова племени на пронѣ, хопѣли подкрѣпипь волненіемъ черни. Выбрали, какъ пишупъ, и невѣспу: сеспру Князя Ѳедора Ивановича Мспиславскаго, коего опецъ, низверженный Годуновымъ, умеръ въ Кирилловской Обипели. Написали бумагу; упвердили оную цѣлованіемъ креспа..... Но Борисъ, имѣя множеспво преданныхъ ему людей и лазупчиковъ, откры лъ сей ужасный для него заговоръ еще во-время, и поспупилъ, казалось, съ рѣдкимъ великодушіемъ: безъ гнѣва, безъ укоризнъ хопѣлъ усовѣспипь Митрополипа; предспавлялъ ему, чпо разводъ еспь беззаконіе; чпо Ѳеодоръ еще можепъ имѣпь дѣпей опъ Ирины, цвѣпущей юноспію, красопою и добродѣпелію; чпо во всякомъ случаѣ пронъ не будепъ безъ наслѣдниковъ,

г. 1584. — 87

Г. 1584. —87. ибо Царевичь Димитрій живетъ и здравствуетъ. Обманутый, можетъ быть, сею кротостію, Діонисій извинялся, спараясь извинить и своихъ единомышленниковъ ревностною, болзливою любовію къ спокойствію Россіи, и далъ слово, за себя и за нихъ, не мыслить болѣе о разлученіи супруговъ нѣжныхъ; а Годуновъ, обѣщаясь не мстить ни виновникамъ, ни участникамъ сего кова, удовольствовался одною жертвою: несчастную Княжну Мстиславскую[147], какъ опасную совмѣстницу Ирины, постригли въ Монахини. Все было тихо въ столицѣ, въ Думѣ и при Дворѣ; но не долго. Чтобы явно не нарушить даннаго обѣщанія, Годуновъ, лицемѣрно совѣстный, искалъ другаго предлога мести, оправдываясь въ умѣ своемъ злобою враговъ непримиримыхъ, закономъ безопасности собственной и государственной, всѣми услугами, оказанными имъ Россіи и еще замышляемыми въ ревности къ ея пользѣ — искалъ, и не усомнился прибѣгнуть къ средству низкому, къ ветхому орудію Іоаннова тиранства: ложнымъ доносамъ. Слуга Шуйскихъ, какъ увѣряютъ, продалъ ему честь и совѣсть; явился во дворцѣ съ извѣтомъ, что они въ заговорѣ съ Московскими купцами и думаютъ измѣнить Царю[148]. Шуйскихъ взяли подъ стражу; взяли и друзей ихъ, Князей Тапчевыхъ, Урусовыхъ, Колычевыхъ, Быкасовыхъ, многихъ Дворянъ и купцевъ богатыхъ. Нарядили

судъ; допрашивали обвиняемыхъ и свидѣпе- Г.
лей; людей знатныхъ и чиновныхъ не косну- 1584.
лись тѣлесно, купцевъ и слугъ пытали, —87.
безжалостно и безполезно: ибо никто изъ
нихъ не подтвердилъ клеветы доносчика —
такъ говорилъ народъ; но судъ не оправ-
далъ судимыхъ. Шуйскихъ удалили, хваляся
милосердіемъ и признательностію къ заслу- Ссылки и
гъ Героя Псковскаго: Князя Андрея Иванови- казнь.
ча, объявленнаго главнымъ преступникомъ,
сослали въ Каргополь; Князя Ивана Петро-
вича, будто бы имъ и его братьями обольщеннаго, на Бѣлоозеро; у старшаго изъ
нихъ, Князя Василія Ѳедоровича Скопина-
Шуйскаго, отняли Каргопольское Намѣстничество, но дозволили ему, какъ невинно-
му, жить въ Москвѣ; другихъ започили въ
Буй-городокъ, въ Галичь, въ Шую; Князя
Ивана Ташева въ Астрахань, Крюка-Колы-
чева въ Нижній Новгородъ, Быкасовыхъ и
многихъ Дворянъ на Вологду, въ Сибирь,
въ разныя пустыни; а купцамъ Мо-
сковскимъ (участникамъ заговора противъ
Ирины), Ѳедору Нагаю съ шестью това-
рищами, отсѣкли головы на площади. Еще
не трогали Митрополита; но онъ не хо-
тѣлъ быть робкимъ зрителемъ сей опалы,
и съ великодушною смѣлостію, торжествен-
но, предъ лицемъ Ѳеодора назвалъ Годунова
клеветникомъ, тираномъ, доказывая, что
Шуйскіе и друзья ихъ гибнутъ единствен-
но за доброе намѣреніе спасти Россію отъ

Г. 1584. —87. алчнаго власполюбія Борисова. Такъ же смѣло обличалъ Правителя и Крупицкій Архіепископъ Варлаамъ, грозя ему казнію Небесною и не бояся земной, укоряя Ѳеодора слабостію и поспыднымъ ослѣпленіемъ. Обоихъ, Діонисія и Варлаама, свели съ преспола (кажется, безъ суда): перваго започили въ монастырь Хутынскій, впораго въ Антоніевъ Новогородскій, посвятивъ въ Митрополиты Росповскаго Архіепископа Іова. Опасаясь людей, но уже не спрашась Бога, Правитель — такъ увѣряютъ Лѣтописцы — велѣлъ удавить двухъ главныхъ Шуйскихъ въ започеніи: Боярина Андрѣя Ивановича, отличнаго умомъ[149], и знаменитаго Князя Ивана Петровича . . . . . Спаситель Пскова и нашей чести воинской, мужъ безсмертный въ Исторіи, коего великій подвигъ описанъ современниками на разныхъ языкахъ Европейскихъ[150] ко славѣ Русскаго имени, лаврами увѣнчанную главу свою предалъ срамной петлѣ въ душной темницѣ или въ ямѣ! Тѣло его погребли въ Обители Св. Кирилла . . . . . Такъ начались злодѣйства; такъ обнаружилось сердце Годунова, упоенное прелестями владычества, раздраженное кознями враговъ, ожесточенное местію! — Надѣясь спрахомъ обуздывать недоброжелательство, милостями умножать число приверженниковъ и мудростію въ дѣлахъ государственныхъ сомкнуть уста злословію, Борисъ дерзнулъ погда же на обманъ вѣроломный и

Жалостная смерть Героя Шуйскаго.

новую любость. Мнимый, единственный въ Г. Исторіи Король Ливонскій, бѣдный Магнусъ, 1584. еще въ Іоанново время кончилъ жизнь въ —87. Пильтенѣ[151], гдѣ вдовствующая супруга его, Марія Владиміровна, и двулѣтняя дочь Евдокія оставались безъ имѣнія, безъ опечества, безъ друзей: Годуновъ призвалъ ихъ въ Москву, обѣщая богатый Удѣлъ и знаменитаго жениха юной вдовѣ, Маріи; но *предвидя будущее* — опасаясь, чтобы, *въ случаѣ Ѳеодоровой и Димитріевой кончины*, сія правнука Іоанна Великаго не вздумала, хотя и безпримѣрно, хотя и несогласно съ нашими государственными уставами, объявить себя наслѣдницею трона (коимъ онъ уже располагалъ въ мысляхъ) — Борисъ, вмѣсто Удѣла и жениха, предсталъ ей на выборъ монастырь или темницу! Инокиня неволею, Марія требовала одного утѣшенія: не быть разлученною съ дочерью; но скоро оплакала ея смерть *неестественную*, какъ думали, и еще жила лѣтъ восемь въ глубокой печали, съ горькими слезами воспоминая судьбу родителей, мужа и дочери[152]. Сіи двѣ жертвы подозрительнаго беззаконія, Марія и Евдокія, лежатъ въ Троицкой Сергіевской Лаврѣ, близъ того мѣста, гдѣ, внѣ храма, видимъ и смиренную, какъ бы опальную могилу ихъ гонителя, ни величіемъ, ни славою не спасеннаго отъ праведной мести Небесной! Судьба Магнусова семейства.

Но сія месть еще ожидала дальнѣйшихъ

г. преступленій .... Смиривъ Дворъ опалою
1584. Шуйскихъ, Духовенство сверженіемъ Ми-
—87. трополита, а гражданъ столицы казнію знатныхъ гостей Московскихъ — окруживъ Царя и занявъ Думу своими ближними родственниками, Годуновъ уже не видалъ никакого сопротивленія, никакой важной для себя опасности до конца Ѳеодоровой жизни — или дремоты: ибо такъ можно назвать смиренную праздность сего жалкаго Вѣнценосца, которую современники описываютъ слѣдующимъ образомъ[153].

Праздность Ѳеодорова.

«Ѳеодоръ вставалъ обыкновенно въ четыре часа утра, и ждалъ Духовника въ спальнѣ, наполненной иконами, освѣщенной днемъ и ночью лампадами. Духовникъ приходилъ къ нему съ крестомъ, благословеніемъ, Святою водою и съ иконою Угодника Божія[154], празднуемаго въ тотъ день Церковію. Государь кланялся до земли, молился въ слухъ минутъ десять и болѣе: шелъ къ Иринѣ, въ ея комнаты особенныя, и вмѣстѣ съ нею къ Заутренѣ; возвратясь, садился на креслахъ въ большой горницѣ, гдѣ привѣтствовали его съ добрымъ днемъ нѣкоторые ближніе люди и Монахи; въ 9 часовъ ходилъ къ Литургіи, въ 11 обѣдалъ, послѣ обѣда спалъ не менѣе трехъ часовъ; ходилъ опять въ церковь къ Вечернѣ, и все остальное время до ужина проводилъ съ Царицею, съ шутами и съ карлами, смотря на ихъ кривлянья или слушая пѣсни — иногда же лю-

буясь работою своихъ ювелировъ, золотарей, швецовъ, живописцевъ; ночью, готовясь ко сну, опять молился съ Духовникомъ и ложился съ его благословеніемъ. Сверхъ того всякую недѣлю посѣщалъ монастыри въ окрестностяхъ столицы, и въ праздничные дни забавлялся медвѣжьею правлею. Иногда челобитчики окружали Ѳеодора при выходѣ изъ дворца: *избывая мірскія суеты и докуки*, онъ не хотѣлъ слушать ихъ и посылалъ къ Борису»[155]! г. 1584—87.

Внутренно радуясь сему уничижительному бездѣйствію Царя, хитрый Годуновъ тѣмъ болѣе старался возвысить Ирину въ глазахъ Россіянъ, однимъ ея Державнымъ именемъ, безъ Ѳеодорова, издавая милостивые указы, прощая, жалуя, утѣшая людей[156], чтобы общею къ ней любовію, соединенною съ уваженіемъ и благодарностію народа, утвердить свое настоящее величіе и приготовить будущее.

ГЛАВА II.

Г. 1587 — 1592.

Смерть Баторія. Важные переговоры съ Литвою. Перемиріе. Сношенія съ Австріею и съ Тавридою. Война Шведская. Новое перемиріе съ Литвою. Величіе Го-

дунова. Учрежденіе Патріаршества въ Россіи. Замыселъ Годунова. Убіеніе Царевича Димитрія. Пожаръ въ Москвѣ. Нашествіе Хана и битва подъ Москвою. Новый санъ Годунова. Донскій монастырь. Клевета на Правителя и месть его. Милосердіе и слава Годунова. Беременность Ирины. Рожденіе и кончина Царевны Ѳеодосіи.

Смер. Батторія.

12 Декабря 1586 года скончался Стефанъ Баторій (или отъ [157] яда или отъ неискусства врачей, какъ думали), одинъ изъ знаменитѣйшихъ Вѣнценосцевъ въ мірѣ, одинъ изъ опаснѣйшихъ злодѣевъ Россіи, коего смерть болѣе обрадовала насъ, нежели огорчила его Державу: ибо мы боялись увидѣть въ немъ новаго Гедимина, новаго Витовта; а Польша и Литва неблагодарныя предпочитали деше-вое спокойствіе драгоцѣнному величію. Если бы жизнь и Геній Баторія не угасли до конца Годунова, то слава Россіи могла бы навѣки померкнуть въ самомъ первомъ десятилѣтіи новаго вѣка: сколь зависима судьба Государствъ отъ лица и случая, или отъ воли Провидѣнія!

20 Декабря Боярская Дума получила изъ разныхъ мѣстъ извѣстіе о смерти Короля, хотя еще и не совсѣмъ достовѣрное: Воеводы наши съ Литовской границы писали о томъ къ Царю какъ о слухѣ, прибавляя, что Вельможные Паны мыслятъ избрать себѣ въ Государи Стефанова брата, Князя Седмиградскаго, или Шведскаго Королевича, Сигизмунда, или его (Ѳеодора). Честь и

польза сего возможнаго соединенія прехъ Державъ казались Годунову очевидными: немедленно послали Дворянина, Елизарія Ржевскаго, въ Липву, удосповѣриться въ Спефановой кончинѣ[153], изъявить Панамъ участіе въ ихъ горести и предложить имъ избраніе Царя въ Короли. Ржевскій возвратился изъ Новагородка съ благодарнымъ письмомъ Липовскихъ Вельможъ; но они не хотѣли входить въ переговоры, сказавъ, что дѣло споль великое будетъ рѣшено Сеймомъ въ Варшавѣ, куда Царь долженъ прислать своихъ Пословъ; тайно же дали чувствовать Ржевскому, что Ѳеодоръ и Бояре Московскіе пишутъ къ нимъ слишкомъ холодно, не слѣдуя примѣру Императора, Франціи и Швеціи, которые осыпаютъ ихъ (Пановъ) не только ласковыми словами, но и дарами богатыми. Между тѣмъ Польша и Липва были въ сильномъ волненіи; спраспи кипѣли; Вельможи и Дворянспво раздѣлились: одни держали спорону Замойскаго, сподвижника Спефанова; другіе Зборовскихъ, враговъ Баторія, такъ, что они въ поржествен-ныхъ собраніяхъ обнажали мечи на усердныхъ чтителей его славной памяти. Объ спорены ждали Сейма какъ битвы: ополчались, нанимали воиновъ, имѣли спражу и спаны въ полѣ. Но смежная съ нами Липва опасалась Россіи: для того знатные Послы, Вельможи Черниковскій и Князь Огинскій, прибыли въ Москву (6 Апрѣля), и молили Ѳео-

Г. 1587. Важные переговоры съ Липвою.

Г. дора упвердипь новою записью перемиріе съ
1587. ихъ сирописпвующею Державою до конца 1588 года. Охопно заключая сей договоръ, Бояре сказали имъ, чпо опъ Вельможъ Коропныхъ и Липовскихъ зависипъ счасптіе и бѣдспвіе опечеспва: счасптіе, если поддадупся великому Монарху Россіи; бѣдспвіе, если вновь обрапятся къ Седмиградскому варвару или къ пѣни Шведскаго Королевспва. «Вы уже «имѣли Бапорія на пресполъ (говорили они), «и съ нимъ войну, разореніе, спыдъ: ибо «руками своего Вѣнценосца плапили дань «Сулпану. Можно ли ожидапь великодушія «опъ пришельца, низкаго родомъ и духомъ, «алчнаго единспвенно къ корыспи и безжа- «лосптнаго къ Хриспіанспву? Въ его ли «сердцѣ обипаепъ свяпая любовь, безъ коей «и власпь двигапь горы, по выраженію «Апоспола, еспь ничпо? Не въ угодноспь «ли Оппоманамъ хопипе избрапь и Швед- «скаго Королевича? Безъ сомнѣнія угодипе «нимъ: ибо они радуюпся междоусобію Хри- «спіанъ; а кровопролипіе неминуемо, если «Сигизмундъ съ ненависпію къ Россіи сядепъ «на пресполъ Ягеллоновъ. Монарха нашего «вы уже знаепе, равно великаго и милосер- «даго; знаепе, чпо первымъ дѣйспвіемъ его «воцаренія было безкорыспное освобожденіе «ваших плѣнниковъ: великодушіе непоняп- «ное для Бапорія, ибо опъ пторговалъ Рос- «сійскими плѣнниками до конца дней своихъ.

«Баторій въ могилѣ, и Ѳеодоръ не радуется, г. 1587.
«не мыслитъ о мести, но изъявляетъ вамъ
«сожалѣніе и предлагаетъ способъ навѣки
«успокоить Литву съ Польшею; желаетъ
«Королевства не для умноженія силъ и бо-
«гатства Державы своей (ибо силенъ и бо-
«гатъ Россіею), но для защиты васъ отъ
«невѣрныхъ; не хочетъ никакихъ прибыт-
«ковъ; уступитъ Панамъ и Рыцарству все,
«что земля Королю платила: даетъ имъ
«сверхъ того помѣстья въ новыхъ Россій-
«скихъ владѣніяхъ, и собственною казною
«воздвигнетъ крѣпости на берегахъ Днѣпра,
«Донца и Дона, чтобы нога Оттоманова и
«Крымцевъ не топтала ни Кіевской, ни Во-
«лынской, ни Подольской области. Цари не-
«вѣрные опустятъ руки; заключенные въ
«своихъ предѣлахъ, едва ли и въ нихъ удер-
«жатся. Россія возметъ для себя Азовъ,
«Кафу, Ханство Крымское; для васъ земли
«Дунайскія. Многочисленныя воинства ожи-
«даютъ слова Государева, чтобы устре-
«мились.... на кого? рѣшите.... на враговъ
«ли Христіанства, если будете имѣть
«единаго Монарха съ нами, или на Литву и
«на Ливонію, если предпочтете намъ Шве-
«довъ. Думайте не о дружбѣ Султана: ибо
«какое согласіе между свѣтомъ и тьмою,
«какое общеніе вѣрному съ невѣрнымъ? ду-
«майте о славѣ и побѣдѣ. Что мѣшаетъ
«нашему братству? закоренѣлая ваша, по
«грѣхамъ, ненависть къ Россіи. Обратимся

Г. «къ любви: все зависитъ отъ начала, и ма-
1587. «лый огонь производитъ великій пламень.
«Государь Россійскій, обѣщая вамъ безопас-
«ность и величіе, не требуетъ отъ васъ
«ничего, кромѣ *ласки.*» Послы убѣждали Царя
отправить на Сеймъ кого нибудь изъ Вель-
можъ своихъ, и два Боярина, Степанъ Ва-
сильевичь Годуновъ, Князь Ѳедоръ Михай-
ловичъ Троекуровъ, съ знатнымъ Дьякомъ
Васильемъ Щелкаловымъ, немедленно выѣха-
ли изъ Москвы въ Варшаву, имѣя полную
довѣренность Государеву и 48 писемъ къ
духовнымъ и къ свѣтскимъ, Короннымъ и
Литовскимъ сановникамъ, но безъ даровъ.
Ѳеодоръ предлагалъ Сейму слѣдующія усло-
вія:

1) «Государю Россійскому быть Королемъ
«Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ;
«а народамъ обѣихъ Державъ соединиться
«вѣчною, неразрывною пріязнію.

2) «Государю Россійскому воевать *лично*,
«и всѣми силами, Оттоманскую Имперію,
«низвергнуть Хана Крымскаго, посадить на
«его мѣсто Сайдетъ-Гирея, слугу Россіи, и
«заключивъ союзъ съ Цесаремъ, Королемъ
«Испанскимъ, Шахомъ Персидскимъ, освобо-
«дить Молдавію, землю Волошскую, Бо-
«снію, Сербію, Венгрію, отъ ига Султан-
«скаго, чтобы присоединить оныя къ Ли-
«твѣ и Польшѣ, коихъ войско въ семъ слу-
«чаѣ будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Россій-
«скимъ.

3) «Рапь Московская, Казанская, Астра- г.
«ханская, безъ найма и платы будетъ всег- 1587.
«да готова для защиты Литвы и Поль-
«ши.

4) «Государю не измѣнять ни въ чемъ
«ихъ правъ и вольностей безъ приговора
«Вельможной Думы: она располагаетъ неза-
«висимо казною и всѣми доходами государ-
«ственными.

5) «Россіянамъ въ Литвѣ и Польшѣ, Ли-
«товцамъ и Полякамъ въ Россіи, вольно жить
«и совокупляться бракомъ.

6) «Государь жалуетъ земли бѣднымъ
«Дворянамъ Литовскимъ и Польскимъ на Дону
«и Донцѣ.

7) «Кому изъ ратныхъ людей Стефанъ
«Баторій остался должнымъ, тѣмъ ла-
«титъ Государь изъ собственной казны,
«до ста тысячь золотыхъ монетъ Венгер-
«скихъ.

8) «Деньги, которыя шли на содержаніе
«крѣпостей, уже не нужныхъ, между Лит-
«вою и Россіею, употребить обѣимъ Держа-
«вамъ на войну съ невѣрными.

9) «Россія, изгнавъ Шведовъ и Датчанъ
«изъ Эстоніи, уступитъ всѣ города ея,
«кромѣ Нарвы, Литвѣ и Польшѣ.

10) «Купцамъ Литовскимъ и Польскимъ
«открытъ свободный путь во всѣ земли
«Государства Московскаго, и чрезъ оныя въ
«Персію, въ Бухарію и другія Восточныя
«страны, также моремъ къ устью Двины,

Г 1587. «въ Сибирь и въ Великое *Китайское* Госу-
«дарство, гдѣ родятся камни драгоцѣнные и
«золото[159].»

Въ письменномъ наставленіи, данномъ Посламъ, достойна замѣчанія статья о Царевичѣ Димитріи, гдѣ сказано: «если Паны «упомянутъ о томъ братѣ Государевомъ, «то изъяснить имъ, что онъ младенецъ, не «можетъ быть у нихъ на престолѣ и дол-«женъ воспитываться въ своемъ отечествѣ.» Правитель готовилъ ему иную долю!

Нѣтъ сомнѣнія, что Ѳеодоръ, подобно отцу и дѣду, искренно хотѣлъ Королевскаго сана, чтобы соединить Державы, нѣкогда враждебныя, узами братства, предлагая Вельможной Думѣ условія выгодныя, съ обѣщаніями лестными, съ надеждами блестящими, — жертвуя милліономъ нынѣшнихъ рублей, и въ противность главному Іоаннову требованію соглашаясь быть Королемъ избраннымъ, съ властію ограниченною, безъ всякаго наслѣдственнаго права для его дѣтей или рода. Дѣйствительно ли мыслилъ Царь, или Правитель, ополчиться на Султана, чтобы завоеваніемъ богатыхъ земель Дунайскихъ усилить Литву и Польшу, которыя могли впредь имѣть особеныхъ Властителей и снова враждовать Россіи? Но онъ для такого важнаго предпріятія составилъ въ условіе союзъ Императора, Испаніи, Персіи, и не входилъ въ обязательство рѣшительное; прельщая воображеніе Пановъ

мыслію смѣлою и великою. Готовый по ви- Г.
димому къ уступчивости и снисхожденію 1587.
для успѣха въ своемъ исканіи, Ѳеодоръ ока-
залъ и хладнокровную непреклонность, когда
Сеймъ безразсудно попребовалъ опъ него
жертвъ несовмѣстныхъ съ Православіемъ,
достоинствомъ и пользою Россіи.

Боярѣ нашихъ, Степана Годунова и Князя Троекурова, именемъ Польской Думы остановили (12 Іюля) въ селѣ Окуневѣ, въ пятнадцати верстахъ опъ Варшавы, сказавъ имъ, что для нихъ нѣтъ безопаснаго мѣста въ столицѣ, исполненной неистовыхъ людей воинскихъ, мятежа и раздоровъ. Такъ было дѣйствительно. Духовенство, Вельможи, Рыцарство или Шляхта не могли согласиться въ избраніи Короля: Замойскій и друзья его, въ угодность вдовствующей супругѣ Баторіевой, предлагали Шведскаго Принца, Сигизмунда, сына ея сестры; Зборовскіе Австрійскаго Герцога, Максимиліана; Паны Липовскіе и Примасъ, Архіепископъ Гнѣзненскій, Ѳеодора; а Султанъ, доброхотствуя Стефанову брапу, грозилъ имъ войною, если они, вмѣсто его, изберутъ Максимиліана или Царя Московскаго, враговъ Оттоманской Имперіи. Такъ называемое *Рыцарское Коло*, мѣсто шумныхъ совѣщаній, представляло иногда зрѣлище битвы: толпы вооруженныхъ спорѣляли другъ въ друга. Наконецъ условились благоразумно прекратить междоусобіе и выставить въ полѣ при знаме-

Г. 1587. ни: Россійское, Цесарское, Шведское, чтобы видѣть подъ каждымъ число избирателей, и тѣмъ рѣшить большинство голосовъ. Знаменемъ Ѳеодоровымъ была *Московская шапка*, Австрійскимъ *шляпа Нѣмецкая*, Шведскимъ *сельдь* — и первое одержало верхъ: подъ нимъ стеклося такое множество людей, что друзья Австріи и Шведовъ, видя свою малочисленность, опъ стыда присоединились къ нашимъ. Но сіе блестящее торжество Россійской стороны оказалось безплоднымъ, когда дѣло дошло до условій.

4 Августа Духовенство, Сенаторы, Дворянство обѣихъ соединенныхъ Державъ съ великою честію приняли Годунова и Троекурова въ *Рыцарскомъ Колѣ*[160]; выслушали предложенія Ѳеодоровы, и желая дальнѣйшихъ объясненій, избрали 15 Вельможъ, духовныхъ и свѣтскихъ, коимъ надлежало съѣхаться для того съ нашими Послами въ селѣ Каменцѣ, близъ Варшавы. Тамъ, къ удивленію Годунова и Троекурова, сіи Депутаты вспрѣтили ихъ слѣдующими, неожиданными вопросами: «Соединитъ ли Государь Московскій Россію съ Королевствомъ такъ, какъ Литва соединилась съ Польшею, навѣки и неразрывно? приступитъ ли къ Вѣрѣ Римской? будетъ ли послушенъ Намѣстнику Апостольскому? будетъ ли вѣнчаться на Королевство и пріобщится ли Святыхъ Таинъ въ Латинской церкви, въ Краковѣ, опъ Архіепископа Гнѣзненскаго? будетъ ли

въ Варшавѣ чрезъ 10 недѣль? и напишетъ ли въ своемъ пипулѣ Королевспво Польское выше Царспва Московскаго?» Бояре опвѣщспвовали: «1) Государь желаетъ навѣки соединить Липву и Польшу съ Россіею пакъ, чпобы онѣ всѣми силами помогали другъ другу въ случаѣ непріятельскаго нападенія, и чпобы ихъ жипели могли свободно ѣздить изъ земли въ землю: Липовцы къ намъ, Россіяне въ Липву, *съ дозволенія Государя.* 2) Онъ родился и будетъ жить всегда въ Греческой православной Вѣрѣ, слѣдуя святымъ обрядамъ ея; вѣнчаться на Королевспво долженъ въ Москвѣ, или въ Смоленскѣ, въ присупспвіи вашихъ Чиновъ Государспвенныхъ; обязывается чтить Папу и не мѣшать дѣйспвію его власти надъ Духовенспвомъ Польскимъ, но не допуспитъ его мѣшаться въ дѣла Греческой Церкви. 3) Царь пріѣдетъ къ вамъ, когда успѣетъ. 4) *Корона Ягайлова будетъ подъ шапкою Мономаха*, и пипулъ Ѳеодоровъ: *Царь и Великій Князь всея Россіи, Владимірскій и Московскій, Король Польскій и Великій Князь Литовскій.* Если бы и Римъ Спарый и Римъ Новый, или царспвующій градъ Визанпія, приложились къ намъ[161]: по и древняго, славнаго ихъ имени Государь не поспавилъ бы въ своемъ шипулѣ выше Россіи.» г. 1587.

«И пакъ Ѳеодоръ не желаетъ быпь на-
«шимъ Королемъ,» возразили Паны: «оп-

Г. 1587. «казываетъ рѣшительно, обѣщаетъ не-
«искренно; пишетъ, на примѣръ, что его
«войско готово защитить насъ отъ Султа-
«на: Турки обыкновенно впадаютъ въ нашу
«землю изъ Молдавіи съ Дуная, изъ Тран-
«сильваніи, отъ Бѣлагорода; а войско Мо-
«сковское далеко, еще далѣе Астраханское и
«Казанское. Султанъ, Цесарь, Шведы гро-
«зятъ намъ войною въ случаѣ, если изберемъ
«Короля не по ихъ желанію: что же дастъ
«намъ Царь, и сколько денегъ будетъ давать
«ежегодно для содержанія ваши? ибо у насъ
«довольно своихъ людей: Московскихъ не
«требуемъ. Деньги нужны и для того, что-
«бы усилить сторону вашихъ доброжелате-
«лей на Сеймѣ. Знаете ли, что Императоръ
«за избраніе Максимиліана обязывается пол-
«часъ прислать Вельможной Думѣ 600 ты-
«сячь золотыхъ и ежегодно присылать
«столько же въ теченіе шести лѣтъ; а
«Король Испанскій 800 тысячь и столько
«же ежегодно въ теченіе осьми лѣтъ?» —
Послы сказали: «У Царя готово многочислен-
«ное легкое войско для вашей защиты: Ко-
«заки Волжскіе, Донскіе, и самые Крымцы:
«ибо Ханомъ ихъ будетъ присяжникъ Госу-
«даревъ, Сайдетъ-Гирей. Царь намѣренъ по-
«могать вамъ и казною, но безъ всякаго
«обязательства. Хвалитесь щедростію Ав-
«стріи и Короля Испанскаго; но разсудите,
«что благовѣрный Царь желаетъ вѣнца
«Королевскаго не для своей пользы и чести,

«а единственно ради вашего спокойствія и г.
«величія. Сколько лѣтъ Христіанская кровь 1587.
«лилася въ битвахъ Россіянъ съ Литвою?
«Государь мыслитъ навѣки удалитъ сіе
«бѣдствіе; а вы, Паны, не думая о томъ,
«вѣсите золото Испанское и Австрійское!
«Да будетъ, какъ вамъ угодно; и если казна
«для васъ милѣе покоя Христіанскаго, то
«знайте, что Государь не хочетъ быть
«купцемъ, и за деньги ему не надобно до-
«брожелателей, ни вашего Королевства; не
«хочетъ питать сребролюбія людей без-
«чувственныхъ ко благу отечества и воору-
«жатъ ихъ другъ на друга въ мятежныхъ
«распряхъ Сейма: ибо не любитъ ни дракъ,
«ни беззаконія!»

Сія твердость произвела сильное дѣйствіе въ Депутатахъ: они вспали, нѣсколько минутъ разсуждали между собою тихо, и наконецъ съ досадою объявили Посламъ, что Ѳеодору не быть на престолѣ Ягеллоновъ; когда же Годуновъ и Трекуровъ предложили имъ отсрочить избраніе Короля и послать Вельможъ въ Москву для новыхъ объясненій съ Царемъ, Кардиналъ Радзивилъ и другіе Депутаты отвѣчали: «Вы смѣе-
«тесь надъ нами. Изъ всѣхъ краевъ Литвы
«и Польши мы съѣхались въ Варшаву, жи-
«вемъ здѣсь осьмую недѣлю какъ на войнѣ,
«прапимъ спокойствіе и деньги; а вы хо-
«тите еще другаго Сейма! Не разъѣдемся
«безъ выбора.» Тогда Ѳеодоровы Послы со-

Г. 1587. вѣповали имъ избрать Максимиліана, благопріятеля Россіи. «Не имѣемъ нужды въ «вашихъ наспавленіяхъ,» сказали Паны съ грубостію: «намъ указываетъ Богъ, а не «Царь Русской.» — Хотѣли по крайней мѣрѣ заключить миръ, но также не могли согласиться въ условіяхъ: Липва пребовала Смоленска и земли Сѣверской, а Ѳеодоръ Дерпта. Разошлися съ неудовольспвіемъ; но симъ еще не кончились переговоры.

Въ сей самый день и въ слѣдующіе были жаркія прѣнія между Государспвенными Чинами Сейма, друзьями Авспріи, Швеціи и Россіи[162]. Первые, особенно Духовенспво и всѣ Епископы, говорили, что совѣспь не дозволяетъ имъ имѣпь Королемъ иновѣрца, ерепика; а единомышленники ихъ, свѣпскіе Вельможи, прибавляли: «еспесспвеннаго, за«коренѣлаго врага Липвы и Польши, копо«рый сядетъ на Королевспво съ пяжкимъ «могущесптвомъ Россіи, чтобы подавить на«шу вольноспь, всѣ права и законы. Вы «жаловались на угнѣтеніе, когда Спефанъ «привелъ къ намъ нѣсколько сопъ Гайдуковъ «Венгерскихъ: что будетъ, когда увидимъ «здѣсь грозную *Опричнину*, несмѣтныя ты«сячи надменныхъ, суровыхъ Москвитянъ[163]? «Повѣрите ли, чтобы они въ гордосты «своей захотѣли къ намъ *присоединиться*? «не скорѣе ли захотятъ *приставить Дер«жаву нашу къ Московской, какъ рукавъ къ «кафтану*?» Другіе унижали Ѳеодора, назы-

вая его скудоумнымъ, неспособнымъ блюспи Государспво, обуздывапь своевольспво, дапь силу Королевской власпи, прибавляя, чпо онъ едва ли чрезъ шеспь мѣсяцевъ можепъ быпь къ нимъ, а Турки, непримиримые враги Царя, завоевапеля двухъ или прехъ Державъ Мусульманскихъ, успѣюпъ между пѣмъ взяпь Краковъ. Вельможи нашей спороны возражали пакъ: «Первый законъ для «Государспва еспь безопасноспь: избраніемъ «Ѳеодора мы примиряемъ врага сильнаго, «Россію, и находимъ въ ней защипу опъ «другаго, не менѣе опаснаго: опъ Турковъ. «Сулпанъ запрещаепъ намъ возвеспи Ѳео- «дора на пресполъ Королевспва; но должно «ли слушапься непріяпеля? не должно ли «именно сдѣлапь, чего онъ не желаепъ? «Чпо касаепся до Вѣры, по Ѳеодоръ кре- «щенъ во имя Свяпой Троицы, и мы знаемъ, «чпо въ Римѣ есть церковь Греческая: «слѣдспвенно Папа не осуждаепъ сей Вѣры, «и безъ сомнѣнія дозволипъ ему въ ней «оспапься, съ нѣкоторыми, можепъ быпь, «условіями. Ѳеодоръ великодушно освободилъ «нашихъ плѣнниковъ, усмирилъ мяпежи въ «своемъ Царспвѣ, два раза побѣдилъ Хана; «желаепъ въ духѣ любви соединипь Держа- «вы, коихъ взаимная ненависпь произвела «спольско бѣдспвій, и будучи Власпипелемъ «Самодержавнымъ, господспвовапь именемъ «закона надъ людьми свободными: гдѣ же «его скудоумie? Не видимъ ли въ немъ Мо-

г. 1587.

Г. «нарха человѣколюбиваго и мудраго? Могъ
1587. «ли бы онъ безъ ума правишь Россіянами,
«непоспоянными и лукавыми? Къ тому же
«скудоуміе Властителя менѣе гибельно для
«Государства, чѣмъ внутренніе раздоры.
«Мы замышляемъ не новое: сколь многіе изъ
«васъ, до избранія и послѣ бѣгства Генри-
«кова, хотѣли Царя Московскаго, въ удосто-
«вѣреніи, что Іоаннъ оставилъ бы тиранство
«въ Россіи, а къ намъ прибылъ бы только
«съ могуществомъ спасительнымъ? Перемѣ-
«нилось ли что нибудь съ того времени?
«развѣ къ лучшему: ибо Ѳеодоръ и въ Россіи
«не тиранствуетъ, но любитъ подданныхъ
«и любимъ ими.»

Сіи убѣжденія заставили Сеймъ возобно-вить переговоры: Депутаты его вторично съѣхались съ Московскими Послами въ Ка-менцѣ, и хотѣли, чтобы Царь немедленно далъ Вельможной Думѣ 100 тысячь золотыхъ на военныя издержки, основалъ крѣпости не на Дону, гдѣ онѣ могутъ быть полезны только для Россіи, а на Литовской юго-западной границѣ, — платилъ жалованье Ко-закамъ Днѣпровскимъ изъ казны своей, от-велъ земли Польской Шляхтѣ не въ дальнихъ, дикихъ степяхъ, какихъ много и въ Литвѣ за Кіевомъ, но въ областяхъ Смоленской и Сѣвер-ской. Послы изъявили нѣкоторую уступчи-вость: соглашались дать Панамъ 100 тысячь золотыхъ; не отвергали и другихъ требо-ваній; предложили, чтобы Ѳеодору писаться

въ титулѣ *Царемъ всея Россіи, Королемъ Польскимъ, Великимъ Княземъ Владимірскимъ, Московскимъ и Литовскимъ.* Самое главное препятствіе въ разсужденіи Вѣры уменьшилось, когда Воевода Виленскій, Христофоръ Радзивилъ, и Троцкій, Янъ Глѣбовичь, тайно сказали нашимъ Посламъ, что Ѳеодоръ можетъ, вопреки ихъ Духовенству, остаться въ Греческой Вѣрѣ, если испросить только благословеніе у Папы и дастъ ему надежду на соединеніе Церквей[164]. «Для своего и нашего блага (говорили они) Ѳеодоръ должень быть снисходителенъ: ибо мы, въ случаѣ его упрямства, изберемъ врага Россіи, Шведа, а не Максимиліана, о коемъ въ Литвѣ никто слышать не хочетъ, для того, что онъ корыстолюбивъ и бѣденъ: заведетъ насъ въ войну съ Султаномъ, и не поможетъ Королевству ни людьми, ни казною. Самъ Императоръ великъ единственно титуломъ и богатъ только долгами. Знаемъ обычай Австрійцевъ искоренять права и вольности въ земляхъ, которыя имъ поддаются, и вездѣ обременять жителей несносными налогами[165]. Къ тому же у насъ писано въ книгахъ и вошло въ пословицу, что Славянскому языку не видать добра отъ Нѣмецкаго!»

1587 г.

Но Ѳеодоръ не хотѣлъ искать милости въ Папѣ, ни манить его лживымъ обѣщаніемъ соединенія Церквей; не хотѣлъ также чего неотмѣнно требовали и всѣ Литовскіе

Г. Паны) вѣнчаться на Королевство въ Поль-
1587. шѣ, опъ Святителя Латинскаго, ужасаясь мысли измѣнить шѣмъ Православію или достоинству Россійскаго Монарха — и Послы наши, имѣя дружелюбныя свиданія съ Депутатами Сейма, 13 Августа услышали опъ нихъ, что Канцлеръ Замойскій и немногіе Паны выбрали Шведскаго Принца, а Воевода Познанскій, Станиславъ Згурка, и Зборовскіе Максимиліана[166]. Тщетно Вельможи Липовскіе увѣряли нашихъ Бояръ, что сіе избраніе, какъ не законное, останется безъ дѣйствія; что если Ѳеодоръ искренно желаетъ быть Королемъ, и рѣшится, не упуская времени, къ нимъ пріѣхать: то они всѣ *головами своими кинутся* къ Кракову и не дадутъ короны ни Шведу, ни Австрійцу! Замойскій мечемъ и золотомъ вдохновенную Королевы Анны доставилъ престолъ Сигизмунду, уничтоживъ избраніе Максимиліана. Послы наши успѣли только въ одномъ: заключили съ Вельможною Думою пятнадцатилѣтнее перемиріе безъ всякихъ уступокъ и выгодъ, единственно на томъ условіи, чтобы обѣимъ Державамъ владѣть, чѣмъ владѣютъ, и чтобы избранному Королю подтвердить сей договоръ въ Москвѣ чрезъ своихъ Уполномоченныхъ[167]. — Еще Ѳеодоръ, выслушавъ донесеніе Степана Годунова и Троекурова, надѣялся, что по крайней мѣрѣ Литва не признаетъ Сигизмунда Королемъ, и для того еще писалъ ласковыя грамоты

Перемиріе.

къ ея Вельможамъ, соглашаясь быпь особенным Великимъ Княземъ Липовскимъ, Кіевскимъ, Волынскимъ, Мазовскимъ, обѣщая имъ независимоспь и безопасноспь; писалъ къ нимъ и Годуновъ, опправивъ къ каждому дары богапые (цѣною въ 20 пысячь нынѣшнихъ рублей).....но поздно! Дворянинъ Ржевскій возвращился изъ Липвы съ вѣспію, чпо 16 Декабря Сигизмундъ коронованъ въ Краковѣ, и чпо Вельможи Липовскіе согласились на сей выборъ. Ржевскій уже знаЛъ о помъ, но вручилъ имъ дары: они взяли ихъ съ изъявленіемъ благодарноспи и желали, чпобы Царь всегда былъ милоспивъ къ Липвѣ единовѣрной! Г. 1587.

Царь изъявилъ досаду, не за опверженіе его условій на Сеймѣ, но за избраніе Сигизмунда: мы видѣли, чпо Ѳеодоръ, подобно Іоанну, охопно усшупалъ Королевспво Эрцгерцогу, не имѣя никакихъ соспязаній съ Авспріею; но пѣсная связь Шведской Державы съ Польскою усиливала спхъ двухъ нашихъ непріяпелей, и главное обязапельспво, взяпое Замойскимъ съ Сигизмунда, соспояло въ помъ, чпобы ему вмѣспѣ съ опцемъ его, Королемъ Іоанномъ, ополчипься на Россію: или *завоевать Москву*[163], или по крайней мѣрѣ Смоленскъ, Псковъ, а Шведскому флопу Двинскую гавань Св. Николая, чпобы уничпожипь нашу морскую порговлю. Духъ Баторіевъ, казалось, еще

1587 —91. жилъ и враждовалъ намъ въ Замойскомъ! — Тѣмъ болѣе Ѳеодоръ желалъ согласить виды и дѣйствія нашей Политики съ Австрійскою: съ 1587 года до 1590 мы слали гонца въ Вѣну[169], убѣждая Императора доставить Максимиліану всѣми способами корону Польскую, если не избраніемъ, то силою — вызывались снабдить его и деньгами для вооруженія — увѣряли, что намъ будетъ даже пріятнѣе уступить сію Державу Австріи, нежели соединить съ Россіею — живо описывали счастіе спокойствія, которое утвердится тогда въ Сѣверной Европѣ и дастъ ей возможность заняться великимъ дѣломъ изгнанія Турковъ изъ Византіи — хвалились нашими силами, говоря, что отъ Россіи зависитъ устремить безчисленные сонмы Азіатскіе на Султана; что Шахъ Персидскій выведетъ въ поле 200 тысячь воиновъ, Царь Бухарскій 100 тысячь, Хивинскій 50 тысячь, Иверскій 50 тысячь, Владѣтель Шавкалскій 30 тысячь, Князья Черкесскіе, Тюменскій, *Окутскій*, 70 тысячь, Ногаи 100 тысячь; что Россія, легко усмиривъ Шведа и не имѣя уже иныхъ враговъ, примкнетъ крепконосные легіоны свои къ войскамъ Австріи, Германіи, Испаніи, Папы, Франціи, Англіи — и варвары Оттоманскіе оспанутся единственно въ памяти! Гонцевъ Московскихъ задерживали въ Липвѣ и въ Ригѣ: для того мы открыли путь въ Австрію чрезъ Сѣверный Океанъ и Гам-

Сношенія съ Австріею и Бургундіею.

бургъ[170]; хотѣли, чтобы Рудольфъ и Максимиліанъ немедленно прислали Уполномоченныхъ въ Москву для договора, гдѣ и какъ дѣйствовать. Свѣдавъ же, что Замойскій, слѣдуя за бѣгущимъ Максимиліаномъ, вступилъ въ Силезію, одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду, взялъ его въ плѣнъ, помилъ, безчестилъ въ неволѣ, Ѳеодоръ стыдилъ Рудольфа неслыханнымъ уничиженіемъ Австріи. Но все было безполезно. Императоръ въ своихъ отзывахъ изъявлялъ только благодарность за доброе расположеніе Царя; вмѣсто знатнаго Вельможи прислалъ (въ Іюнѣ 1589) маловажнаго сановника Варкоча въ Москву[171], извиняясь недосугами и неудобствами сообщенія между Вѣною и Россіею; писалъ, что о войнѣ Турецкой должно еще условиться съ Испаніею и таить намѣреніе столь важное отъ Англіи и Франціи, ибо онѣ ищутъ милости въ Султанѣ; что война съ Польшею необходима, но что надобно прежде освободить Максимиліана..... И Царь узналъ, что Императоръ, вымоливъ свободу брата, клятвенно обязался не думать о коронѣ Польской и жить въ вѣчномъ мирѣ съ сею Державою. «Вы начинаете великія дѣла, но не вершите ихъ,» писалъ Борисъ Годуновъ къ Австрійскому Министерству[172]: «для васъ «благовѣрный Царь нашъ не хотѣлъ слушать никакихъ дружественныхъ предложе«ній Султановыхъ и Ханскихъ; для васъ мы

г. 1587—91.

Г. 1587 — 91. «въ оспудѣ съ ними и съ Липвою: а вы, «не думая о чеспи, миришесь съ Сулпаномъ «и съ Сигизмундомъ!» Однимъ словомъ, мы прапили время и деньги въ сношеніяхъ съ Авспріею, совершенно безполезныхъ.

Гораздо усерднѣе, въ смыслѣ нашей Политики, дѣйспвовалъ погда варваръ, новый Ханъ Крымскій, преемникъ умершаго (въ 1588 году) Ислама, брапъ его, именемъ Казы-Гирей. Пріѣхавъ изъ Конспантинополя съ Султанскою милоспивою грамопою и съ премя спами Янычаръ господспвовапь надъ Улусами разоренными[173], онъ видѣлъ необходимоспь поправипь ихъ, по еспь, искапь добычи, не зная другаго промысла, кромѣ хищенія. Надлежало избрапь Липву или Россію въ ѳеапръ убійспвъ и пожаровъ: Ханъ предпочелъ Липву, въ надеждѣ на ея безначаліе или слабоспь новаго Короля; и готовясь силою опуспошипь Сигизмундову землю, хопѣлъ леспію выманипь богапые дары у Ѳеодора: писалъ къ нему, чпо доброжелапельспвуя намъ искреннѣе всѣхъ своихъпредмѣспниковъ, онъ убѣдилъ Сулпана не мыслипь впредь о завоеваніи Аспрахани[174]; чпо Москва и Таврида будупъ всегда имѣпь однихъ непріяпелей. Въ концѣ 1589 года Казы-Гирей извѣспилъ Ѳеодора о сожженіи Крымцами многихъ городовъ и селъ въ Липвѣ и въ Галиціи: хваля его *доблесть* и дружеспвенное къ намъ расположеніе, Царь въ знакъ признапельноспи чеспилъ Хана умѣ-

ренными дарами, однакожь держалъ сильное войско на берегахъ Оки[175]: слѣдственно худо ему вѣрилъ. Г. 1587. — 91.

Но Бапорія уже не было, Сулпанъ не ополчался на Россію, Ханъ громилъ Липву: Война Шведская. сіи обстоятельства казались Царю благопріятными для важнаго подвига, коего давно пребовала честь Россіи. Мы хвалились могуществомъ, имѣя дѣйствительно многочисленнѣйшее войско въ Европѣ; а часть древней Россіи была Шведскимъ владѣніемъ! Срокъ перемирія, заключеннаго съ Королемъ Іоанномъ, уже исходилъ въ началѣ 1590 года[176], и вторичный съѣздъ Пословъ на берегу Плюсы (въ Сентябрѣ 1586 года) остался безплоднымъ: ибо Шведы не согласились возвратить намъ своего завоеванія: безъ чего мы не хотѣли слышать о мирѣ. Они предлагали только мѣну: отдавали Копорье за погостъ Сумерскій и за берега Невы. Іоаннъ жаловался, что Россіяне превожатъ набѣгами Финляндію, свирѣпствуя въ ней какъ тигры[177]; Ѳеодоръ же упрекалъ Воеводъ Шведскихъ разбоями въ областяхъ Заонежской, Олонецкой, на Ладогѣ и Двинѣ: лѣтомъ въ 1589 году они приходили изъ Каяніи грабить волости монастыря Соловецкаго и Печенскаго, Колу, Керсть, Ковду, и взяли добычи на полмилліона нынѣшнихъ рублей серебряныхъ[178]. Склоняя Короля къ уступкамъ, Царь писалъ къ нему о своихъ великихъ союзникахъ, Императорѣ и Шахѣ.

Г. 1587 — 91. Король отвѣтствовалъ съ насмѣшкою: «Радуюсь, что ты нынѣ знаешь свое безсиліе «и ждешь помощи отъ другихъ[179]: увидимъ, «какъ поможешъ тебѣ свапъ пашъ, Рудольфъ; «а мы и безъ союзниковъ управимся съ тобою.» Не взирая на сію грубость, Іоаннъ желалъ еще третьяго съѣздаОсловъ, когда Ѳеодоръ велѣлъ объявить ему, что мы не хотимъ ни мира, ни перемирія, если Шведы, сверхъ Новогородскихъ земель, ими захваченныхъ, не уступятъ намъ Ревеля и всей Эстоніи[180]; то есть, мы объявили войну!

Доселѣ Годуновъ блисталъ умомъ единственно въ дѣлахъ внутренней и внѣшней Политики, всегда осторожной и миролюбивой; не имѣя духа ратнаго, не алкая воинской славы, хотѣлъ однакожь доказать, что его миролюбіе не есть малодушная боязливость, въ такомъ случаѣ, гдѣ безъ стыда и безъ явнаго нарушенія святыхъ обязанностей власти не льзя было миновать кровопролитія. Исполняя сей важный долгъ, онъ употребилъ всѣ способы для несомнительнаго успѣха: вывелъ въ поле (если вѣрить свидѣтельству нашихъ приказныхъ бумагъ сего времени) около трехъ сотъ тысячь воиновъ, конныхъ и пѣшихъ, съ тремя стами легкихъ и тяжелыхъ пушекъ[181]. Всѣ Бояре, всѣ Царевичи (Сибирскій Маметкулъ, Русланей Кайбуличь, Уразъ-Магметъ Ондановичь Киргизскій), всѣ Воеводы изъ ближ-

нихъ и дальнихъ мѣспъ, городовъ и дере- Г.
вень, гдѣ они жили на покоѣ[182], должны были 1587
въ назначенный срокъ явиппься подъ Цар- — 91.
скими знаменами: ибо пихій Ѳеодоръ, не
безъ сожалѣнія оспавивъ свои мирныя, бла-
гочеспивыя упражненія, сѣлъ на браннаго
коня (пакъ хопѣлъ Годуновъ!), чпобы вой-
ско оживипь усердіемъ, а главныхъ сановни-
ковъ обуздываппь въ ихъ мѣспничеспвѣ без-
разсудномъ. Князь Ѳеодоръ Мспиславскій,
знапнѣйшій изъ родовыхъ Вельможъ, началь-
спвовалъ въ Большемъ Полку, въ передовомъ
Князь Дмипрій Ивановичь Хвоpоспининъ,
Воевода славнѣйшій умомъ и доблеспію[183].
Годуновъ и Ѳеодоръ Никипичь Романовъ-
Юрьевъ (будущій знаменипый Филарепъ),
двоюродный брапъ Царя, находились при
немъ, именуясь *Дворовыми* или *Ближними*
Воеводами. Царица Ирина ѣхала за супру-
гомъ изъ Москвы до Новагорода, гдѣ Госу-
дарь распорядилъ полки: велѣлъ однимъ вое-
вапь Финляндію, за Невою; другимъ Эспо-
нію, до моря; а самъ съ главною силою, 18
Генваря 1590, выспупилъ къ Нарвѣ[184]. По-
ходъ былъ пруденъ опъ зимней спужи, но
веселъ ревноспію войска: Россіяне шли взяпь
свое — и взяли Яму, Генваря 27. Двадцапь
пысячь Шведовъ, конныхъ и пѣшихъ, подъ
начальспвомъ Гуспава Банера, близъ Нарвы
вспрѣпили Князя Дмипрія Хвоpоспинина,
копорый разбилъ ихъ и впоппалъ въ го-
родъ, наполненный людьми, но скудный за-

Г. 1587. — 91. пасами: для того Банеръ, оспавивъ въ крѣпости нужное число воиновъ, ночью бѣжалъ отпуда къ Везенбергу, гонимый нашею Азіапскою конницею, и бросивъ ей въ добычу весь обозъ, всѣ пушки; въ числѣ многихъ плѣнниковъ находились и знатные чиновники Шведскіе. 4 Февраля Россіяне обложили Нарву; сильною пальбою въ трехъ мѣстахъ разрушили стѣну и пребовали сдачи города. Тамошній Воевода, Карлъ Горнъ, величаво звалъ ихъ на приступъ, и мужественно опразилъ его (18 Февраля): Воеводы Сабуровъ и Князь Иванъ Токмаковъ легли въ проломѣ, вмѣстѣ со многими Дѣтьми Боярскими, Стрѣльцами, Мордовскими и Черкесскими воинами[188]. Однакожь сіе блистательное для Шведовъ дѣло не могло бы спасти города: пальба не умолкала, стѣны падали, и многочисленное войско осаждающихъ готовилось къ новому приступу (21 Февраля). Въ то же время Россіяне безпрепятственно опустошали Эстонію до самаго Ревеля, а Финляндію до Абова: ибо Король Іоаннъ имѣлъ болѣе гордости, нежели силы. Начались переговоры. Мы пребовали Нарвы и всей Эстоніи, чтобы дать миръ Шведамъ; но Царь[186], *исполняя Христіанское моленіе Годунова* (какъ сказано въ нашихъ приказныхъ бумагахъ), удовольствовался возстановленіемъ древняго рубежа: Горнъ именемъ Королевскимъ (25 Февраля) заключилъ перемиріе на годъ, уступивъ Царю, сверхъ Ямы,

Ивань-городъ и Копорье, со всѣми ихъ за- г.
пасами и снарядомъ огнеспрѣльнымъ, усло- 1587.
вясь рѣшишь судьбу Эспоніи на будущемъ — .91
съѣздѣ Пословъ, Московскихъ и Шведскихъ — даже обѣщая уступишь Россіи всю землю Корельскую, Нарву и другіе города Эспонскіе. Мы хвалились умѣренностію. Оставивъ Воеводъ въ трехъ взятыхъ крѣпостяхъ, Ѳеодоръ спѣшилъ возвратиться въ Новгородъ къ супругѣ, и съ нею въ Москву, торжествовать побѣду надъ одною изъ Державъ Европейскихъ, съ коими отецъ его не совѣтовалъ ему воевать, боясь ихъ превосходства въ ратномъ искусствѣ[187]! Духовенство со крестами встрѣтило Государя внѣ столицы, и Первосвятитель Іовъ въ пышной рѣчи сравнивалъ его съ Конспантиномъ Великимъ и Владиміромъ, именемъ отечества и Церкви благодаря за изгнаніе *невѣрныхъ* изъ нѣдръ святой Россіи и за возстановленіе олтарей истиннаго Бога во градѣ Іоанна III и въ древнемъ владѣніи Славянъ Ильменскихъ[188].

Скоро вѣроломство Шведовъ доставило новый значительный успѣхъ оружію миролюбиваго Ѳеодора. Король Іоаннъ, упрекая Горна малодушіемъ, объявилъ договоръ, имъ заключенный, преступленіемъ, усилилъ войско въ Эспоніи и выслалъ двухъ Вельможъ, Намѣстниковъ Упсальскаго и Вестергопскаго, на съѣздъ съ Княземъ Ѳедоромъ Хворостининымъ и Думнымъ Дворяниномъ Пи-

Г. семскимъ къ устью рѣки Плюсы, не для
1587. шого, чтобы отдать Россіи Эстонію, но
— 91. чтобы требовать возвращенія Ямы, Иваня-
города и Копорья. Не только Ѳеодоровы
Послы, но и Шведскіе воины, узнавъ о семъ,
изъявили негодованіе: стоя на другомъ бе-
регу Плюсы, кричали нашимъ: «не хотимъ
кровопролитія»[189]! и принудили своихъ Упол-
номоченныхъ быть снисходительными, такъ
что они, уже ничего не требуя, кромѣ
мира, наконецъ уступали Россіи Корельскую
область. Мы неотмѣнно хотѣли Нарвы —
и Послы разъѣхались; а Шведскій Генералъ,
Іоранъ Бое, въ ту же ночь вѣроломно оса-
дилъ Ивань-городъ: ибо срокъ Нарвскаго
договора еще не вышелъ. Но мужественный
Воевода, Иванъ Сабуровъ, въ сильной вы-
лазкѣ на голову разбилъ Шведовъ: и Гене-
рала Бое и самаго Герцога Зюдерманланд-
скаго, который съ нимъ соединился. Глав-
ная рать Московская стояла въ Новѣгородѣ:
она не приспѣла къ битвѣ, нашла крѣпость
уже освобожденною, и только издали видѣ-
ла бѣгство непріятеля.

Воюя съ Шведами, Ѳеодоръ желалъ соблюсти
миръ съ Литвою, и въ то время, когда полки Мос-
ковскіе шли громить Эстонію, Годуновъ извѣ-
стилъ всѣхъ градоначальниковъ въ Ливоніи Поль-
ской, что они могутъ быть спокойны, и что мы
не коснемся областей ея, въ точности исполняя
договоръ Варшавскій[190]. Но Сигизмундъ мол-
чалъ: чтобы узнать его расположеніе, Дума

Московская послала гонца въ Вильну съ письмомъ къ тамошнимъ Вельможамъ, увѣдомляя ихъ о намѣреніи Хана снова итти на Литву, и прибавляя: «Казы-Гирей убѣждалъ «Государя нашего вмѣстѣ съ нимъ воевать «вашу землю, и предлагалъ ему Султанскимъ «именемъ вѣчный миръ; но Государь опка- «зался, искренно вамъ доброжелательствуя. «Остерегаемъ васъ, думая, что рано или «поздно вы увидите необходимость соеди- «ниться съ Россіею для общей безопасности «Христіанъ.« Сіе лукавство не обмануло Пановъ: читая письмо, они усмѣхались, и весьма учтивою грамотою изъявили намъ благодарность, сказавъ однакожь, что у нихъ другіе слухи; что самъ Ѳеодоръ, если вѣритъ плѣнникамъ Крымскимъ, обѣщаніями и дарами склоняетъ Хана ко вторженіямъ въ Литву[191]. Между тѣмъ 600 Литовскихъ Козаковъ разбойничали въ южныхъ предѣлахъ Россіи, сожгли новый городъ Воронежъ, убили тамошняго начальника, Князя Ивана Долгорукаго: мы требовали удовлетворенія, и велѣли Царевичу Арасланъ-Алею, Кайбулину сыну, итти съ войскомъ въ Черниговъ. Наконецъ, въ Октябрѣ 1590 года, Послы Сигизмундовы, Станиславъ Радомин- ской и Гаврило Война, пріѣхали въ Москву договариваться о мирѣ и союзѣ; но въ первой бесѣдѣ съ Боярами объявили, что Россія нарушила перемиріе взятіемъ Шведскихъ городовъ и должна возвратить ихъ. Имъ

г. 1587 — 91.

Г. 1587 — 91. оповѣщствовали, что Швеція не Литва; что родственная связь Королей не уважается въ Политикѣ, и что мы взяли свое, казнивъ неправду и вѣроломство. О вѣчномъ мирѣ говорили долго: Сигизмундъ какъ бы изъ великодушія опказывался опъ Новагорода, Пскова, Сѣверскихъ городовъ и проч., но безъ Смоленска не хотѣлъ мириться. Бояре же Московскіе твердили: «не дадимъ «вамъ ни деревни Смоленскаго Уѣзда.» Съ обѣихъ сторонъ около двухъ мѣсяцевъ велерѣчили о выгодахъ тѣснаго Христіанскаго союза всѣхъ Державъ Европейскихъ. Бояре съ живостію представляли Вельможамъ Литовскимъ, что Король безъ сомнѣнія весьма неискренно желаетъ сего союза, испрашивая въ то же время (какъ было намъ извѣстно) милость у Султана; что Сигизмунда ожидаетъ Баторіева участь, стыдъ, униженіе безполезное предъ надменностію Оттомановъ; что Баторій думалъ угодить Амурату злодѣйскимъ убіеніемъ славнѣйшаго изъ всѣхъ рыцарей Литовскихъ, *Подковы*[192], и не угодилъ: ибо до смерти трепеталъ гнѣвнаго Султана и платилъ ему дань рабскую; что одна Россія, въ чувствѣ своего величія отвергнувъ ложную дружбу невѣрныхъ, есть надежный щитъ Христіанства; что Ханъ, сколь ужасный для Сигизмундовой Державы, не смѣетъ ни дѣломъ, ни словомъ оскорбить Ѳеодора, коему болѣе двухъ сотъ Крымскихъ Князей и Мурзъ служатъ въ

войскѣ. Хотя Послы уже не оказывали спеси и грубости, какъ бывало въ Стефаново время, однакожь не принимали нашего снисходительнаго условія: «владѣть обѣимъ Державамъ, «чѣмъ владѣютъ.» Испощивъ всѣ убѣжденія, Царь (1 Генваря 1591) призвалъ на совѣтъ Духовенство, Бояръ, сановниковъ, и рѣшился единственно подтвердить заключенное въ Варшавѣ перемиріе впредь еще на двѣнадцать лѣтъ, съ новымъ условіемъ, чтобы ни Шведы насъ, ни мы Шведовъ не воевали въ теченіе года[193]. Ѳеодоръ, исполняя древній обычай, далъ присягу въ соблюденіи договора, и послалъ Окольничаго Салтыкова - Морозова взять такую же съ Сигизмунда. Г. 1587 — 91.

Новое перемиріе съ Литвою.

Россія наслаждалась миромъ, коего не было только въ душѣ Правителя! . . . Успранимъ дѣла внѣшней Политики, чтобы говорить о любопытныхъ, важныхъ происшествіяхъ внутреннихъ.

Величіе Годунова.

Въ сіе время Борисъ Годуновъ въ глазахъ Россіи и всѣхъ Державъ, сносящихся съ Москвою, стоялъ на вышней степени величія, какъ полный властелинъ Царства, не видя вокругъ себя ничего, кромѣ слугъ безмолвныхъ[194] или громко-славословящихъ его высокія достоинства; не только во дворцѣ Кремлевскомъ, въ ближнихъ и въ дальнихъ краяхъ Россіи, но и внѣ ея предъ Государями и Министрами иноземными, знатные сановники Царскіе такъ изъяснялись по своему наказу[195]: «Борисъ Ѳедоровичь Годуновъ

Г. 1587. — 91. «есть начальникъ земли; она вся приказана «ему отъ Самодержца, и такъ нынѣ устрое- «на, что люди дивятся и радуются. Цвѣ- «тетъ и воинство и купечество и народъ. «Грады украшаются каменными зданіями «безъ налоговъ, безъ работы невольной, «отъ Царскихъ избытковъ, съ богатою «платою за трудъ и художество. Земледѣль- «цы живутъ во льготѣ, не зная даней. «Вездѣ правосудіе свято: сильный не оби- «дитъ слабаго; бѣдный сирота идетъ смѣ- «ло къ Борису Ѳедоровичу жаловаться на «его брата или племянника, и сей испинный «Вельможа обвиняетъ своихъ ближнихъ, «даже безъ суда, ибо пристрастенъ къ без- «защитнымъ и слабымъ!» — Не скромно хва- ляся властію и добродѣтелію, Борисъ, равно славолюбивый и хитрый, примыслилъ еще дать новый блескъ своему господству важною церковною новостію.

Учрежденіе Патріаршества въ Россіи

Имя Патріарховъ означало въ древнѣйшія времена Христіанства единственно смиренныхъ наставниковъ Вѣры, но съ четвертаго вѣка сдѣлалось пышнымъ, громкимъ титломъ главныхъ Пастырей Церкви въ трехъ частяхъ міра, или въ трехъ знаменитѣйшихъ городахъ погдашней всемірной Имперіи: въ Римѣ, въ Александріи и въ Антіохіи. Мѣсто священныхъ воспоминаній, Іерусалимъ, и Константинополь столица торжествующаго Христіанства, были также признаны особенными, Великими Патріар-

хіями. Сей чести не искала Россія, опъ временъ Св. Владиміра до Ѳеодоровыхъ. Византія державная, гордая, не согласилась бы на равенство своей Іерархіи съ Кіевскою или съ Московскою: Византія раба Оттоманов не опказала бы въ томъ Іоанну III, сыну и внуку его; но они молчали, изъ уваженія ли къ первобытному уставу нашей Церкви, или опасаясь великимъ именемъ усилить духовную власть, ко вреду Монаршей. Борисъ мыслилъ иначе: свергнувъ Митрополита Діонисія за козни и дерзость, онъ не усомнился возвысить смиреннаго Іова, ему преданнаго, ибо хотѣлъ его важнаго содѣйствія въ своихъ важныхъ намѣреніяхъ. Еще въ 1586 году пріѣзжалъ въ Москву за милостынею Антіохійскій Патріархъ Іоакимъ, коему Царь изъявилъ желаніе учредить Патріархію въ Россіи[196]: Іоакимъ далъ слово предложить о томъ Собору Греческой церкви, и предложилъ съ усердіемъ, славя чистоту нашей Вѣры. Въ Іюлѣ 1588 года, къ великому удовольствію Ѳеодора, явился въ Москвѣ и Патріархъ Константинопольскій, Іеремія. Вся столица была въ движеніи, когда сей главный Святитель Христіанскій (ибо престолъ Византійскаго Архіерейства уже давно считался первымъ), старецъ знаменитый несчастіемъ и добродѣтелію, съ любопытствомъ взирая на ея многолюдство и красоту церквей, благословляя народъ и душевно умиляясь его радостнымъ привѣт- 1587. — 91.

Г. 1587. — 91. спвіемъ, ѣхалъ на осляпи къ Царю по спогнамъ Московскимъ; за нимъ ѣхали Мипрополипъ Монемвасійскій (или Мальвазійскій) Іероѳей и Архіепископъ Элассонскій Арсеній[197]. Когда они вошли въ Златую палапу, Ѳеодоръ вспалъ, чпобы вспрѣпипь Іеремію въ нѣсколькихъ шагахъ опъ прона; посадилъ близъ себя; съ любовію принялъ дары его, икону съ памяпниками Спраспей Господнихъ, сь каплями Христовой крови, съ мощами Св. Царя Конспанпина — и велѣлъ Борису Годунову бесѣдовапь съ нимъ наединѣ. Папріарха опвели въ другую компапу, гдѣ онъ разсказалъ Борису свою испорію. Лѣпъ десяпь управлявъ Церковію, Іеремія, обнесенный какимъ-по злымъ Гречкомъ, былъ сосланъ въ Родосъ, и Сулпанъ, вопреки поржеспвенному обѣщу Магомепа II не мѣшапься въ дѣла Христіанской духовной власпи, беззаконно далъ Папріаршеспво Ѳеолиппу. Чрезъ пяпь лѣпъ возвращили изгнаннику санъ Іерарха; но въ древнемъ храмѣ Византійскихъ Первосвяпипелей уже славили Аллу и Магомепа: сія церковь сдѣлалась мечепію[198]. «Обливаясь слезами» (говорилъ Іеремія) «я вымолилъ у «жеспокаго Амурапа дозволеніе ѣхапь въ «земли Христіанскія для собранія милоспыни, чпобы посвяпипь новый храмъ ис«пинному Богу въ древней сполицѣ Право«славія: гдѣ же, кромѣ Россіи, могъ я найпи «усердіе, жалоспь и щедроспь?» Далѣе бесѣдуя съ Годуновымъ, онъ похвалилъ мысль

Ѳеодорову имѣпь Папріарха Россійскаго; а лукавый Годуновъ предложилъ сіе доспоинспво самому Іереміи, съ условіемъ жипь въ Владимірѣ. Іеремія соглашался, но хопѣлъ жипь памъ, гдѣ Царь, по еспь въ Москвѣ[199]: чего не хопѣлъ Годуновъ, доказывая, чпо несправедливо удалипь Іова, мужа свяпаго, опъ Московскаго храма Богомапери; чпо Іеремія, не зная ни языка, ни обычаевъ Россіи, неможепъ быпь въ духовныхъ дѣлахъ наспавникомъ Вѣнценосца безъ полмача, коему неприспойно чипапь во глубинѣ души Государевой. «Да исполнипся же воля Цар-«ская!» опвѣпспвовалъ Папріархъ: «Упол-«номоченный нашею Церковію, благословлю «и поспавлю, кого изберепъ Ѳеодоръ, вдох-«новенный Богомъ.» Въ выборѣ не было сомнѣнія; но, для обряда, Свяпипели Россійскіе назначили прехъ кандидаповъ: Мипрополипа Іова, Архіепископа Новогородскаго Александра, Варлаама Росповскаго, и поднесли докладъ Царю, копорый избралъ Іова[200]. 23 Генваря (1589), послѣ Вечерни, сей *наименованный* Первосвяпипель, въ епипрахили, въ омоѳорѣ и въ ризѣ, пѣлъ молебенъ въ храмѣ Успенія, со всѣми Епископами, въ присупспвіи Царя и безчисленнаго множеспва людей; вышелъ изъ Олпаря и спалъ на амвонѣ, держа въ рукѣ свѣчу, а въ другой письмо благодарспвенное къ Государю и къ Духовенспву[201]. Тупъ одинъ изъ знапныхъ сановниковъ приближился къ

г. 1587. — 91.

Г. нему, держа въ рукѣ пакже пылающую свѣ-
1587 чу, и сказалъ громко: «Православный Царь,
— 91. «Вселенскій Патріархъ и Соборъ Освящен-
«ный возвышаютъ тебя на пресполъ Вла-
«димірскій, Московскій и всея Россіи.« Іовъ
опвѣщспвовалъ: «Я рабъ грѣшный; но
«если Самодержецъ, *Вселенскій Господинъ*
«Іеремія и Соборъ удоспоиваютъ меня споль
«великаго сана, по пріемлю его съ благо-
«дареніемъ:» смиренно преклонилъ главу,
обратился къ Духовенспву, къ народу, и
съ умиленіемъ произнесъ обѣтъ ревноспно
блюспи ввѣренное ему опъ Бога спадо.
Симъ исполнился *уставъ избранія*; порже-
спвенное же *посвященіе* совершилось 26 Ген-
варя, на Липургіи, какъ обыкновенно спа-
вили Мипрополиповъ и Епископовъ, безъ
всякихъ новыхъ обрядовъ[202]. Среди *Великой*
или Соборной церкви, на помоспѣ, былъ
изображенъ *мѣломъ* орелъ двоеглавый, и
сдѣланъ *ѳеатронъ о двѣнадцати степеняхъ*
и двѣнадцати огненникахъ[205]: памъ спарѣй-
шій Паспырь Воспочнаго Православія, бла-
гословивъ Іова какъ сопреспольника великихъ
Опцевъ Хриспіанспва, и возложивъ на не-
го дрожащую руку, молился, да будепъ
сей Архіерей Іисусовъ неугасаемымъ свѣ-
шильникомъ Вѣры. Имѣя на главѣ мипру
съ крespомъ и съ короною [204], новопоспа-
вленный Московскій Патріархъ священнодѣй-
спвовалъ вмѣспѣ съ Византійскимъ; и ко-
гда, оппѣвъ Липургію, разоблачился, Госу-

дарь собспвенною рукою возложилъ на него драгоцѣнный креспъ съ живопворящимъ древомъ, бархапную зеленую манпію съ источниками или полосами, низанными жемчугомъ, и бѣлый клобукъ съ знаменіемъ креспа; подалъ ему жезлъ Св. Пепра Миперополипа, и въ привѣпспвенной рѣчи велѣлъ именоваться Главою Епископовъ, Опцемъ Опцевъ, Папріархомъ всѣхъ земель сѣверныхъ, по милоспи Божіей и волѣ Царской. Іовъ благословилъ Ѳеодора и народъ; а лики многолѣпспвовали Царю и двумъ Первосвяпипелямъ, Византійскому и Московскому, копорые сидѣли съ нимъ рядомъ на спульяхъ[205]. Выпедъ изъ церкви, Іовъ, провождаемый двумя Епископами, Боярами, многими чиновниками, ѣздилъ на осляпи вокругъ спѣнъ Кремлевскихъ, кропя ихъ Свяпою водою, осѣняя креспомъ, чипая молипвы о цѣлоспи града[206], и вмѣспѣ съ Іереміею, со всѣмъ Духовенспвомъ, Синклипомъ, обѣдалъ у Государя. г. 1587 — 91.

Чпобы упвердипь доспоинспво и права Россійскаго Священноначалія, написали успавную грамопу[207], изъясняя въ ней, чпо *Ветхій Римъ* палъ *отъ ереси Аполлинаріевой*[208]; чпо *Новый Римъ*, Конспанпинополь, обладаемъ безбожными племенами Агарянскими; чпо *третій Римъ* есть Москва; чпо вмѣспо лжепаспыря Западной Церкви, омраченной духомъ суемудрія, первый Вселенскій Свяпипель есть Папріархъ Конспанпино-

Г. польскій, впорый Александрійскій, трепій
1587. *Московскій и всея Россіи*, четверпый Ан-
— 91. піохійскій, пяпый Іерусалимскій[209]; чпо въ Россіи должно молипься о Греческихъ, а въ Греціи о нашемъ, копорый впредь, до скончанія вѣка, будепъ избираемъ и посвящаемъ въ Москвѣ независимо опъ ихъ согласія или одобренія. Къ наружнымъ опличіямъ сего Архипаспыря нашей Церкви прибавили слѣдующія: «Выходъ его долженъ быпь всегда съ лампадою, съ пѣніемъ и звономъ; для облаченія имѣпь ему амвонъ о прехъ спепеняхъ; въ будни носипь клобукъ съ Серафимами и креспами обнизными, манпіи объяринныя и всякія иныя съ полосами; ходипь въ пупи съ креспомъ и жезломъ; ѣздипь на шеспи коняхъ[210].» Тогда же Государь съ двумя Папріархами соборно уложилъ быпь въ Россіи *четыремъ Митрополитамъ*: Новогородскому, Казанскому, Росповскому и Крупицкому[211]; *шести Архіепископамъ*: Вологодскому, Суздальскому, Нижегородскому, Смоленскому, Рязанскому, Тверскому — *и осьми Епископамъ*: Псковскому, Ржевскому, Успюжскому, Бѣлоозерскому[2], Коломенскому, Сѣверскому, Дмипровскому.

Учаспвуя болѣе именемъ, нежели дѣломъ, въ сихъ церковныхъ распоряженіяхъ, Іеремія, Мипрополипъ Монемвасійскій и Архіепископъ Элассонскій ѣздили между пѣмъ въ Лавру Сергіеву[213], гдѣ, равно какъ и въ Московскихъ храмахъ, удивлялись богапспву

иконъ, сосудовъ, ризъ служебныхъ; въ спо- Г.
лицѣ обѣдали у Папріарха Іова, славя муд- 1587
ростпь его бесѣды; славили также высокія — 91.
достоинспва Годунова и рѣдкій умъ спарца Андрея Щелкалова[214]; всего же болѣе хвали-ли щедроспь Россійскую: ибо ихъ непре-спанно дарили, серебряными кубками, ков-шами, перлами, шелковыми шканями[215], со-болями, деньгами. Предспавленные Царицѣ, они восхипились ея свяпоспію, смиреннымъ величіемъ, Ангельскою красопою, сладоспію рѣчей[216], равно какъ и наружнымъ велико-лѣпіемъ. На ней была корона съ двѣнад-цапью жемчужными зубцами, діадима и на груди злапая цѣпь, украшенная драгоцѣнными каменьями; одежда бархапная, длинная, об-саженная крупнымъ жемчугомъ, и манпія не менѣе богапая. Подлѣ Царицы споялъ Царь, а съ другой спороны Борисъ Годуновъ, безъ шапки, смиренно и благоговѣйно; далѣе мно-гія жены знапныя, въ бѣлой одеждѣ, сло-живъ руки. Ирина съ умиленіемъ просила Свяшипелей Греческихъ молипь Бога, чпо-бы Онъ даровалъ ей сына, наслѣдника Дер-жавѣ — «и всѣ мы, пронупые до глубины «сердца» (говорипъ Архіепископъ Элассонскій въ описаніи своего пупешесшвія въ Москву), «вмѣспѣ съ нею обливаясь слезами, едино-«гласно воззвали ко Всевышнему, да испол-«нипся чисшое, сполъ усердное моленіе сей «души благочесшивой!» — Наконецъ Госу-дарь (въ Маіѣ 1589) оппусшилъ Іеремію въ

г. 1587 — 91. Конспанпинополь, съ письмомъ къ Сулпану, убѣждая его не пѣспипь Хриспіанъ[217], и сверхъ даровъ послалъ пуда 1000 рублей, или 2000 золопыхъ монепъ Венгерскихъ, на спроеніе новой Папріаршей церкви, къ живѣйшей признапельноспи всего Грече-скаго Духовенспва, копорое, Соборною гра-мопою одобривъ учрежденіе Московской Па-пріархіи[218], доспавило Ѳеодору сію харпію (въ Іюнѣ 1591) чрезъ Мипрополипа Терновскаго, вмѣспѣ съ мощами Свяпыхъ и съ двумя коронами, для Царя и Царицы[219].

Такимъ образомъ успавилась новая верховная спепень въ нашей Іерархіи, чрезъ 110 лѣпъ испроверженная Самодержцемъ великимъ, какъ безполезная для Церкви и вредная для единовласпія Государей, хопя разумный учредипель ея не далъ пѣмъ Духовенспву никакой новой государспвенной силы, и перемѣнивъ имя, оспавилъ Іерарха въ полной зависимоспи опъ Вѣнценосца. Пепръ I зналъ испорію Никона, и *раздѣлилъ*, чпобы ослабипь, власпь духовную; онъ уничпожилъ бы и санъ Мипрополипа, если бы въ его время, какъ въ Іоанново или въ древнѣйшія, *одинъ* Мипрополипъ управлялъ Россійскою Церковію. Пепръ царспвовалъ, и хопѣлъ полько слугъ: Годуновъ, еще называясь подданнымъ, искалъ опоры: ибо предвидѣлъ обспояпельспва, въ коихъ дружба Царицы не могла быпь доспапочна для его власполюбія и — спасенія;

обуздывалъ Бояръ, но чипалъ въ ихъ сердцѣ злую зависпь, ненависпь справедливую къ убійцѣ Шуйскихъ; имѣлъ друзей: но они имъ держались, и съ нимъ бы пали, или измѣнили бы ему въ превратноспи рока; благопворилъ народу, но худо вѣрилъ его благодарноспи въ невольномъ чувспвѣ своихъ внупренних недобродѣпельныхъ побужденій къ добру, и зналъ, чпо сей народъ въ случаѣ важномъ обрапитъ взоръ недоумѣнія на Бояръ и Духовенспво. Годуновъ на мѣспѣ Петра Великаго могъ бы пакже уничпожить санъ Папріарха; но, будучи въ иныхъ обспоятельспвахъ, хопѣлъ польспить честолюбію Іова пипломъ высокимъ, чпобы имѣпь въ немъ пѣмъ усерднѣйшаго и знаменипѣйшаго пособника: ибо наспупалъ часъ рѣшипельный, и самовласпный Вельможа дерзнулъ наконецъ приподнять для себя завѣсу будущаго?

Если бы Годуновъ и не хопѣлъ ничего болѣе, имѣя все, кромѣ Ѳеодоровой короны, по и въ семъ предположеніи могъ ли бы онъ спокойно наслаждаться величіемъ, помышляя о близкой кончинѣ Царя, слабаго не полько духомъ, но и пѣломъ — о законномъ его наслѣдникѣ, воспипываемомъ маперію и родными въ явной, хопя и въ чеспной ссылкѣ, въ ненависпи къ Правипелю, въ чувспвахъ злобы и меспи? Чпо ожидало въ пакомъ случаѣ Ирину? монаспырь: Годунова? пемница пли плаха — пого, кпо мановеніемъ дви- г. 1591. Замыселъ Годунова.

г. галъ Царство, ласкаемый Царями Востока
1591 и Запада!.... Уже дѣла обнаружили душу Борисову: въ ямахъ, на лобномъ мѣстѣ изгибли несчастные, коихъ опасался Правитель: кто же былъ для него опаснѣе Димитрія?

Но Годуновъ еще томился душевнымъ гладомъ, и желалъ, чего не имѣлъ. Надменный своими достоинствами и заслугами, славою и лестію; упоенный счастіемъ и могуществомъ, волшебнымъ для души самой благородной; кружась на высотѣ, куда не восходилъ доселѣ ни одинъ изъ подданныхъ въ Россійской Державѣ, Борисъ смотрѣлъ еще выше, и съ дерзкимъ вожделѣніемъ: хотя властвовалъ безпрекословно, но не своимъ именемъ; сіялъ только заимствованнымъ свѣтомъ; долженъ былъ въ самой надменности прудить себя личиною смиренія, торжественно унижаться предъ тѣнію Царя и бить ему челомъ вмѣстѣ съ рабами. Престолъ казался Годунову не только святымъ, лучезарнымъ мѣстомъ истинной, самобытной власти, но и райскимъ мѣстомъ успокоенія, до коего стрѣлы вражды и зависти не досягаютъ, и гдѣ смертный пользуется какъ бы Божественными правами. Сія мечта о прелестяхъ верховнаго Державства представлялась Годунову живѣе и живѣе, болѣе и болѣе волнуя въ немъ сердце, такъ что онъ наконецъ непрестанно занимался ею. Лѣтописецъ разсказываетъ слѣдующее, любопытное, хотя и сомнительное обстоя-

тельспво[220]: «Имѣя умъ рѣдкій, Борисъ вѣ- Г.
«рилъ однакожь искусспву гадапелей; при- 1591.
«звалъ нѣкопорыхъ изъ нихъ въ тихій часъ
«ночи, и спрашивалъ, чпо ожидаепъ его въ
«будущемъ? Льспивые волхвы или звѣздоче-
«пы опвѣпспвовали: *тебя ожидаетъ вѣ-*
«*нецъ*..... но вдругъ умолкли, какъ бы испу-
«ганные дальнѣйшимъ предвидѣніемъ. Нетер-
«пѣливый Борисъ велѣлъ имъ договорить;
«услышалъ, чпо ему царспвовапь полько
«семь лѣпъ, и съ живѣйшею радоспію об-
«нявъ предсказапелей, воскликнулъ: *хотя*
«*бы семь дней, но только царствовать!*»
Сполъ нескромно Годуновъ опкрылъ будпо бы внупренноспь души мнимымъ мудрецамъ суевѣрнаго вѣка! По крайней мѣрѣ онъ уже не пался опъ самого себя; зналъ, чего хо-пѣлъ! Ожидая смерпи бездѣпнаго Царя, располагая волею Царицы, наполнивъ Думу, Дворъ, Приказы родспвенниками и друзья-ми, не сомнѣваясь въ преданноспи великои-менипаго Іерарха Церкви, надѣясь пакже на блескъ своего правленія и замышляя новыя хипроспи, чпобы овладѣпь сердцемъ или воображеніемъ народа, Борисъ не спрашился случая безпримѣрнаго въ нашемъ опечеспвѣ опъ временъ Рюриковыхъ до Ѳеодоровыхъ: прона упраздненнаго, конца племени Держав-наго, мяпежа спраспей въ выборѣ новой Динасптіи, и пвердо увѣренный, чпо ски-пепръ, выпавъ изъ руки послѣдняго Вѣнце-носца Мономаховой крови, будепъ вручень

Г. 1591. шому, кпо уже давно и славно царспвовалъ безъ имени Царскаго, сей алчный власполюбецъ видѣлъ, между собою и прессломъ, одного младенца безоружнаго, какъ алчный левъ видитъ агнца..... Гибель Диминрiева была неизбѣжна!

Приступая къ исполненiю своего ужаснаго намѣренiя, Борисъ мыслилъ сперва объявить злосчаспнаго Царевича незаконнорожденнымъ, какъ сына шесспой или седьмой Іоанновой супруги[221]: не велѣлъ молиться о немъ и поминать его имени на Литургiи; но разсудивъ, чпо сiе супружесспво, хотя и дѣйспвипельно беззаконное, было однакожь упверждено или терпимо Церковною власпiю, копорая поржесспвеннымъ уничпоженiемъ онаго призналась бы въ своей человѣческой слабоспи, къ двойному соблазну Хриспiанъ — чпо Диминрiй, не взирая на по, во мнѣнiи людей оспался бы Царевичемъ, единспвеннымъ Ѳеодоровымъ наслѣдникомъ — Годуновъ прибѣгнулъ къ вѣрнѣйшему способу успранипь совмѣсспника, оправдываясь слухомъ, безъ сомнѣнiя его же друзьями распущеннымъ о мнимой преждевременной наклонноспи Диминрiевой ко злу и къ жесспокоспи[222]: въ Москвѣ говорили всенародно (слѣдспвенно безъ спраха оскорбипь Царя и Правипеля), чпо сей младенецъ, еще имѣя не болѣе шесспи или семи лѣпъ опъ роду, еспь будпо бы совершенное подобiе опца: любипъ муки и кровь; съ веселiемъ смоприпъ на убiе-

ніе живопныхъ: даже самъ убиваепъ ихъ. Г. 1591,
Сею сказкою хопѣли произвеспи ненависпь къ Димипрію въ народѣ; выдумали и другую для сановниковъ знапныхъ: разсказывали, чпо Царевичь, играя однажды на льду съ другими дѣпьми, велѣлъ сдѣлапь изъ снѣгу двадцапь человѣческихъ изображенiй, назвалъ ихъ именами первыхъ мужей государспвенныхъ, поспавилъ рядомъ и началъ рубипь саблею: изображенiю Бориса Годунова опсѣкъ голову, инымъ руки и ноги, приговаривая: «пакъ вамъ будепъ въ мое «царспвованiе»[223]! Въ пропивность клевепѣ нелѣпой, многiе упверждали, чпо юный Царевичь оказываепъ умъ и свойспва доспойныя опрока Державнаго[224]; говорили о помъ съ умиленiемъ и спрахомъ, ибо угадывали опасноспь невиннаго младенца, видѣли цѣль клевепы — и не обманулись: если Годуновъ боролся съ совѣспiю, по уже побѣдилъ ее, и пригоповивъ легковѣрныхъ людей услышапь безъ жалоспи о злодѣйспвѣ, держалъ въ рукѣ ядъ и ножъ для Димипрiя; искалъ полько, кому опдашь ихъ для совершенiя убiйспва!

Довѣренноспь, опкровенноспь свойспвенна ли въ пакомъ умыслѣ гнусномъ? Но Борисъ, имѣя нужду въ пособникахъ, опкрылся ближнимъ, изъ коихъ одинъ, Дворецкiй Григорiй Васильевичь Годуновъ, залился слезами, изъявляя жалоспь, человѣчеспво, спрахъ Божiй: его удалили опъ совѣпа. Всѣ

Г. 1591. другіе думали, что смерть Димитріева необходима для безопасности Правителя и для государственнаго блага. Начали съ яда. Мамка Царевича, Боярыня Василиса Волохова[225], и сынъ ея, Осипъ, продавъ Годунову свою душу, служили ему орудіемъ; но зелье смертоносное не вредило младенцу, по словамъ Лѣтописца, ни въ ясляхъ, ни въ пищи[226]. Можетъ быть, совѣсть еще дѣйствовала въ исполнителяхъ адской воли; можетъ быть, дрожащая рука бережно сыпала отраву, уменьшая мѣру ея, къ досадѣ нетерпѣливаго Бориса, который рѣшился употребить иныхъ смѣлѣйшихъ злодѣевъ. Выборъ палъ на двухъ чиновниковъ, Владиміра Загряжскаго и Никифора Чепчугова, одолженныхъ милостями Правителя; но оба уклонились отъ сдѣланнаго имъ предложенія: готовые умереть за Бориса, мерзили душегубствомъ; обязались только молчать, и съ сего времени были гонимы[227]. Тогда усерднѣйшій клевретъ Борисовъ, дядька Царскій, Окольничій Андрей Луптъ-Клешнинъ, представилъ человѣка надежнаго: Дьяка Михайла Битяговскаго, ознаменованнаго на лицѣ печатію звѣрства, такъ, что дикій видъ его ручался за вѣрность во злѣ. Годуновъ высыпалъ золото; обѣщалъ болѣе, и совершенную безопасность; велѣлъ извергу ѣхать въ Угличь, чтобы править тамъ земскими дѣлами и хозяйствомъ вдовствующей Царицы, не спускать глазъ съ обреченной жертвы и

не упустить первой минуты благопріятной. Битяговскій далъ и сдержалъ слово. г. 1591.

Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали въ Угличь сынъ его, Данило, и племянникъ Никиша Качаловъ, также удостоенные совершенной довѣренности Годунова. Успѣхъ казался легкимъ: съ утра до вечера они могли быть у Царицы, занимаясь ея домашнимъ обиходомъ, надзирая надъ слугами и надъ сподломъ; а мамка Димитріева съ сыномъ помогала имъ совѣтомъ и дѣломъ. Но Димитрія хранила нѣжная мать?.... Извѣщенная ли нѣкоторыми тайными доброжелателями или своимъ сердцемъ, она удвоила попеченія о миломъ сынѣ; не разставалась съ нимъ ни днемъ ни ночью; выходила изъ комнаты только въ церковь; питала его изъ собственныхъ рукъ, не ввѣряла ни злой мамкѣ Волоховой, ни усердной кормилицѣ, Иринѣ Ждановой. Прошло не мало времени; наконецъ убійцы, не видя возможности совершить злодѣяніе впайнѣ, дерзнули на явное, въ надеждѣ, что хитрый и сильный Годуновъ найдетъ способъ прикрыть оное для своей чести въ глазахъ рабовъ безмолвныхъ: ибо думали только о людяхъ, не о Богѣ! Наспалъ день, ужасный происшествіемъ и слѣдствіями долговременными: 15 Мая, въ Субботу, въ шестомъ часу дня, Царица возвратилась съ сыномъ изъ церкви, и готовилась обѣдать[228]; братьевъ ея не было во дворцѣ; слуги носили кушанье. Въ сію ми-

Г. 1591. Убіеніе Царевича Димитрія.

нупу Боярыня Волохова позвала Димитрія гулять на дворъ: Царица, думая ипти съ ними же, въ какомъ-по несчастномъ разсѣяніи остановилась. Кормилица удерживала Царевича, сама не зная, для чего; но мамка силою вывела его изъ горницы въ сѣни и къ нижнему крыльцу, гдѣ явились Осипъ Волоховъ, Данило Битяговскій, Никита Качаловъ. Первый, взявъ Димитрія за руку, сказалъ: «Государь! у тебя новое ожерелье.» Младенецъ, съ улыбкою невинности поднявъ голову, отвѣчалъ «нѣтъ, старое».... Тутъ блеснулъ надъ нимъ убійственный ножъ; едва коснулся гортани его, и выпалъ изъ рукъ Волохова. Закричавъ отъ ужаса, кормилица обняла своего Державнаго питомца. Волоховъ бѣжалъ; но Данило Битяговскій и Качаловъ вырвали жертву, зарѣзали и кинулись внизъ съ лѣстницы, въ самое то мгновеніе, когда Царица вышла изъ сѣней на крыльцо... Девятилѣтній Святый Мученикъ лежалъ окровавленный въ объятіяхъ той, которая воспитала и хотѣла защитить его своею грудью; онъ *трепеталъ какъ голубь*, испуская духъ, и скончался, уже не слыхавъ вопля отчаянной матери.... Кормилица указывала на безбожную мамку, омраченную злодѣйствомъ, и на убійцъ, бѣжавшихъ дворомъ къ воротамъ: не кому было остановить ихъ; но Всевышній Мститель присутствовалъ!

Черезъ минуту весь городъ предсталъ 1591
зрѣлище мятежа неизъяснимаго. Пономарь Соборной церкви[220] — самъ ли, какъ пишутъ, видѣвъ убійство, или извѣщенный о томъ слугами Царицы — ударилъ въ набатъ, и всѣ улицы наполнились людьми, встревоженными, изумленными; бѣжали на звукъ колокола; смотрѣли дыма, пламени, думая, что горитъ дворецъ; вломились въ его ворота; увидѣли Царевича мертваго на землѣ: подлѣ него лежали мать и кормилица безъ памяти; но имена злодѣевъ были уже произнесены ими. Сіи изверги, невидимымъ Судіею ознаменованные для праведной казни, не успѣли или боялись скрыться, чтобы не обличить инымъ своего дѣла; въ замѣшательствѣ, въ исступленіи, устрашенные набатомъ, шумомъ, стремленіемъ народа, вбѣжали въ Избу Розрядную; а тайный вождь ихъ, Михайло Битяговскій, бросился на колокольню, чтобы удержать звонаря: не могъ отбить запертой имъ двери, и безстрашно явился на мѣстѣ злодѣянія: приближился къ трупу убіеннаго; хотѣлъ утишить народное волненіе; дерзнулъ сказать гражданамъ (заблаговременно изготовивъ сію ложь съ Клешниным или съ Борисомъ), что младенецъ умертвилъ самъ себя ножемъ въ падучей болѣзни. «Душегубецъ!» завопили толпы; камни посыпались на злодѣя. Онъ искалъ убѣжища во дворцѣ, своднымъ изъ клевретовъ своихъ, Даниломъ

г. Трепьяковымъ: народъ схвапилъ, убилъ ихъ;
1591. шакже и сына Михайлова, и Никипу Качалова, выломивъ дверь Розрядной Избы[230]. Трепій убійца, Осипъ Волоховъ, ушелъ въ домъ Михайла Бипяговскаго: его взяли, привели въ церковь Спаса, гдѣ уже споялъ гробъ Димипріевъ, и памъ умерпвили, въ глазахъ Царицы; умерпвили еще слугъ Михайловыхъ, прехъ мѣщанъ уличенныхъ или подозрѣваемыхъ въ согласіи съ убійцами, и *женку юродивую*, копорая жила у Бипяговскаго и часпо ходила во дворецъ; но мамку оспавили живую для важныхъ показаній: ибо злодѣи, издыхая, облегчили свою совѣспь, какъ пишупъ[231], искреннимъ призпаніемъ; наименовали и главнаго виновника Димипріевой смерпи: Бориса Годунова. Вѣроятно, чпо успрашенная мамка пакже не запиралась въ адскомъ ковѣ; но судіею преспупленія былъ самъ преспупникъ!

Беззаконно совершивъ меспь, хопя и праведную — опъ ненависпи къ злодѣямъ, опъ любви къ Царской кровн забывъ граждансків успавы — извиняемый чувспвомъ усердія, но виновный предъ судилищемъ государственной власпи, народъ опомнился, упихъ, и съ безпокойспівомъ ждалъ указа изъ Москвы, куда градоначальники послали гонца съ донесеніемъ о бѣдспвенномъ происшеспвіи, безъ всякой упайки, надписавъ бумагу на имя Царя. Но Годуновъ бодрспвовалъ: вѣрные ему чиновники были разспавлены

по Углицкой дорогѣ; всѣхъ ѣдущихъ задер- г.
живали, спрашивали, осматривали; схватили 1591.
ли гонца и привели къ Борису. Желаніе зла-
го властолюбца исполнилось! . . . Надлежа-
ло только запмить истину ложью, если
не для совершеннаго удостовѣренія людей
безпристрастныхъ, по по крайней мѣрѣ для
вида, для приспойностпи. Взяли и переписа-
ли грамоты Углицкія: сказали въ нихъ, что
Царевичь въ судорожномъ припадкѣ закололъ
себя ножемъ, опъ небреженія Нагихъ, копю-
рые, закрывая вину свою, безстыдно окле-
ветали Дьяка Битяговскаго и ближнихъ его
въ убіеніи Димитрія, взволновали народъ,
злодѣйски исперзали невинныхъ. Съ симъ
подлогомъ Годуновъ спѣшилъ къ Ѳеодору,
лицемѣрно изъявляя скорбь душевную; пре-
пепалъ, смотрѣлъ на небо[232] — и вымол-
вивъ ужасное слово о смерпи Димитріевой,
смѣшалъ слезы крокодиловы съ искренними
слезами добраго, нѣжнаго брата. Царь, по
словамъ Лѣтописца, горько плакалъ, долго
безмолвствуя; наконецъ сказалъ: «да будетъ
воля Божія!» и всему повѣрилъ. Но требо-
валось чего нибудь болѣе для Россіи: хо-
тѣли оказать усердіе въ изслѣдованіи всѣхъ
обстоятельствъ сего несчастія: ни мало не
медля, послали для того въ Угличь двухъ
знатныхъ сановниковъ государственныхъ —
и кого же? Окольничаго Андрея Клешнина,
главнаго Борисова пособника въ злодѣйствѣ!
Не дивились сему выбору: могли удивить-

Г. ся другому: Боярина Князя Василія Ива-
1591. вича Шуйскаго, коего старшій брать, Князь Андрей, погибъ опять Годунова[233], и который самъ нѣсколько лѣтъ ждалъ отъ него гибели, будучи въ опалѣ. Но хитрый Борисъ уже примирился съ симъ Княземъ чесполюбивымъ, остромысленнымъ, умнымъ безъ правилъ добродѣтели, и съ меньшимъ его братомъ, Димитріемъ, женивъ послѣдняго на своей юной свояченицѣ, и давъ сему санъ Боярина. Годуновъ зналъ людей, и не ошибся въ Князѣ Василіи, оказавъ такимъ выборомъ мнимую неустрашимость, мнимое безпристрастіе. — 19 Мая, ввечеру, Князь Шуйскій, Клешнинъ и Дьякъ Вылузгинъ пріѣхали въ Угличь, а съ ними и Крутицкій Митрополитъ, прямо въ церковь Св. Преображенія.

Тамъ еще лежало Димитріево тѣло окровавленное, и на немъ ножъ убійцы. Злосчастная мать, родные и всѣ добрые граждане плакали горько[234]. Шуйскій съ изъявленіемъ чувствительности приступилъ ко гробу, чтобы видѣть лице мертваго, осмотрѣть язву; но Клешнинъ, увидѣвъ сіе Ангельское, мирное лице, кровь и ножъ, запрепещалъ, отступилъ, стоялъ неподвижно, обливаясь слезами; не могъ произнести ни одинаго слова[235]: онъ еще имѣлъ совѣсть! Глубокая язва Димитріева, горлань перерѣзанная рукою сильнаго злодѣя, не собственною, не младенческою, свидѣтельствовала о не-

сомнительномъ убіеніи: для того спѣшили предать землѣ святыя мощи невинности; Митрополитъ отпѣлъ ихъ — и Князь Шуйскій началъ свои допросы[236]: памятникъ его безсовѣстной лживости, сохраненный временемъ какъ бы въ оправданіе бѣдствій, которыя чрезъ нѣсколько лѣтъ пали на главу, уже вѣнценосную, сего слабаго, если и не безбожнаго человѣкоугодника! Собравъ Духовенство и гражданъ, онъ спросилъ у нихъ: *какимъ образомъ Димитрій, отъ паденія Нагихъ, закололъ самъ себя*[237]? Единодушно, единогласно — Иноки, Священники, мужи и жены, старцы и юноши — опровергали: *Царевичь убіенъ своими рабами, Михайломъ Битяговскимъ съ клеврета-* 1591. Г.

ми, по волѣ Бориса Годунова[238]. Шуйскій не слушалъ далѣе; распустилъ ихъ; рѣшился дѣйствовать тайно, особенно, не міромъ, дѣйствуя угрозами и обѣщаніями; призывалъ, кого хотѣлъ; писалъ, что хотѣлъ — и наконецъ вмѣстѣ съ Клешниным и съ Дьякомъ Быдузгинымъ, составилъ слѣдующее донесеніе Царю, основанное будто бы на показаніяхъ городскихъ чиновниковъ, Мамки Волоховой, Жильцовъ или Царевичевыхъ Дѣтей Боярскихъ, Димитріевой кормилицы Ирины, постельницы Марьи Самойловой, двухъ Нагихъ: Григорія и Андрея Александрова, — Царицыныхъ ключниковъ и Спряпчихъ, нѣкоторыхъ гражданъ и духовныхъ особъ[239]: «Димитрій, въ Среду Мая 12,

Г. «занемогъ падучею болѣзнію; въ Пяпницу
1591. «ему спало лучше: онъ ходилъ съ Царицею
«къ Обѣднѣ и гулялъ на дворѣ; въ Суббо-
«шу, шакже послѣ Обѣдни, вышелъ гуляпь
«на дворъ съ мамкою, кормилицею, постель-
«ницею, и съ молодыми жильцами; началъ
«играпь съ ними ножемъ въ *тычку*, и въ
«новомъ припадкѣ чернаго недуга пропкнулъ
«себѣ горло ножемъ, долго бился о землю и
«скончался. Имѣя сію болѣзнь и прежде, Ди-
«митрій однажды уязвилъ свою мапь, а въ
«другой разъ объѣлъ руку дочери Андрея
«Нагаго. Узнавъ о несчаспіи сына, Царица
«прибѣжала и начала бипь мамку, говоря,
«что его зарѣзали Волоховъ, Качаловъ, Да-
«нило Бипяговскій, изъ коихъ ни одного
«шушъ не было; но Царица и *пьяный* брапъ
«ея, Михайло Нагой, велѣли умерпвипь ихъ
«и Дьяка Бипяговскаго безвинно, единспвен-
«но за по, чпо сей усердный Дьякъ не у-
«довлепворялъ корысполюбію Нагихъ и не
«давалъ имъ денегъ сверхъ указа Государе-
«ва. Свѣдавъ, чпо сановники Царскіе ѣдупъ
«въ Угличь, Михайло Нагой велѣлъ принс-
«спи нѣсколько самопаловъ, ножей, желѣз-
«ную палицу, — вымазапь оные кровью и
«положипь на пѣла убипыхъ, въ обличснie
«ихъ мнимаго злодѣянія.» Сію нелѣпоспь
упвердили своею подписью Воскресенскій
Архимандрипъ Ѳеодорипъ, два Игумена и
Духовникъ Нагихъ[240], опъ робоспи и мало-
душія; а свидѣпельспво испины, мірское,

единогласное, было упаено: записали поль- г.
ко оптвѣты Михайла Нагаго, какъ бы явнаго 1591.
клеветника, упрямо споящаго въ томъ, что Димитрій погибъ отъ руки злодѣевъ.

Шуйскій, возвратясь въ Москву, 2 Іюня представилъ свои допросы Государю; Государь же отослалъ ихъ къ Патріарху и Священникамъ, которые, въ общей думѣ съ Боярами, велѣли читать сей свитокъ знатному Дьяку Василью Щелкалову. Выслушавъ, Митрополитъ Крутицкій, Геласій, вспалъ и сказалъ Іову: «объявляю Священному Собо«ру, что вдовствующая Царица, въ день «моего отъѣзда изъ Углича, призвала меня къ «себѣ и слезно убѣждала смягчить гнѣвъ «Государевъ на тѣхъ, которые умертвили «Дьяка Битяговскаго и товарищей его; «что она сама видитъ въ семъ дѣлѣ пре«ступленіе, моля смиренно, да не погубитъ «Государь ея бѣдныхъ родственниковъ[241].» Лукавый Геласій — исказивъ, вѣроятно, слова несчастной матери — подалъ Іову новую бумагу отъ имени городоваго Угличскаго Прикащика, который писалъ въ ней, что Димитрій дѣйствительно умеръ въ черномъ недугѣ, а Михайло Нагой *пьяный* велѣлъ народу убить невинныхъ... И Соборъ (воспоминаніе гореспное для Церкви!) поднесъ Ѳеодору докладъ такого содержанія: «Да будетъ воля Государева! Мы же удо«стовѣрились несомнительно, что жизнь «Царевичева прекратилась судомъ Божіимъ;

Г. часовъ сгорѣли улицы Арбатская, Никит-
1591. ская, Тверская, Петровская до Трубы, весь Бѣлый городъ и за нимъ Дворъ Посольскій, слободы Стрѣлецкія, все Занеглинье[248]: домы, лавки, церкви и множество людей. Кремль и Китай, гдѣ жило знатное дворянство, уцѣлѣли; но граждане остались безъ крова, нѣкоторые и безъ имѣнія. Стонъ и вой раздавались среди обширнаго пепелища, и люди толпами бѣжали на Троицкую дорогу встрѣтить Ѳеодора, требовать его милости и помощи: Борисъ не допустилъ ихъ до Царя; явился между ими съ видомъ любви и сожалѣнія, всѣхъ выслушалъ, всѣмъ обѣщалъ, и сдѣлалъ обѣщанное: выстроилъ цѣлыя улицы, раздавалъ деньги, льготныя грамоты; оказывалъ щедрость безпримѣрную, такъ, что Москвитяне, упьянные, изумленные сими благодѣяніями, начали ревностно славить Годунова. Случайно ли воспользовался онъ несчастіемъ столицы для пріобрѣтенія любви народной, или былъ тайнымъ виновникомъ онаго, какъ утверждаетъ Лѣтописецъ, и какъ думали многіе изъ современниковъ[249]? Въ самыхъ Розрядныхъ Книгахъ сказано, что Москву жгли тогда злодѣи; но Борисъ хотѣлъ обратить сіе подозрѣніе на своихъ ненавистниковъ: взяли людей Аѳанасія Нагаго и братьевъ его, допрашивали и говорили, что они уличаются въ злодѣйствѣ; однакожь не

казнили ихъ, и дѣло оспалось неяснымъ для потомспва. р. 1591.

Скоро и другой, какъ бы благопріятный для Годунова случай, великою, неожиданною опасностію взволновавъ Москву и всю Россію, оппвлекъ мысли народа опъ ужасной Димипріевой смерпи: напеспвіе варваровъ. Маня Ѳеодора увѣреніями въ дружеспвѣ, Ханъ Казы-Гирей сносился съ Королемъ Шведскимъ[250], ипребовалъ опъ него золопа, обѣщалъ сильнымъ впаденіемъ поколебапь Москву, и дѣйспвипельно къ пому гоповился, исполняя приказъ Сулпана, врага нашего, и будучи самъ недоволенъ Россіею: во-первыхъ, онъ свѣдалъ, чпо мы пайно извѣспили Липовскихъ Пановъ о намѣреніи его снова иппи на ихъ землю[251] и предлагали имъ общими силами воевапь Тавриду (о чемъ, вѣрояпно, далъ ему знапь Король Сигизмундъ); во-впорыхъ, Ѳеодоръ не оппуспилъ Царевича Мурапа къ Хану, копорый убѣдилъ сего племянника забыпь спарое и хопѣлъ сдѣлапь Калгою, или главнымъ Вельможею Орды Таврической: Мурапъ жилъ въ Аспрахани, неизмѣнно усердспвовалъ Россіи, обуздывалъ Ногаевъ[252] и, къ искреннему сожалѣнію Ѳеодора, скоропостижно умеръ, *испорченный*, какъ думали, подосланными къ нему изъ Крыма злодѣями[253]; но Ханъ упверждалъ, чпо Россіяне ядомъ оправили Мурапа, и клялся опмспиить имъ. Трепіею виною Казы-Гиреева ополче- Нашествіе Хана и бипва подъ Москвою.

г. 1591. нія на Россію была мысль его Князей, что каждый добрый Ханъ обязанъ, въ исполненіе древняго обычая, хотя однажды видѣть берега Оки для списканія воинской чести[254]: по есть, они желали Русской добычи, и вѣрили бывшему у нихъ Послу Шведскому, что все наше войско занято войною съ Королемъ его. Мы всегда имѣли друзей и лазутчиковъ въ Крыму, чтобы знать не только дѣйствія, но и всѣ замыслы Хановъ; въ сіе время находились тамъ и гонцы Московскіе: слѣдственно Ханъ не могъ утаить отъ насъ своего вооруженія чрезвычайнаго; но умѣлъ обмануть: увѣрилъ бдительнаго Правителя, что идетъ разорить Вильну и Краковъ; назначилъ знатное Посольство въ Москву для заключенія союза съ нами; требовалъ, чтобы и Царь немедленно прислалъ къ нему кого нибудь изъ первыхъ сановниковъ. Между тѣмъ всѣ Улусы были въ сильномъ движеніи; всѣ годные люди садились на коней, отъ стараго до малаго; съ ними соединились и полки Ногайскіе Казыева Улуса, и Султанскіе, изъ Азова, Бѣлагорода, съ огнестрѣльнымъ снарядомъ[255]. Наступала весна, всегда опасная для южной Россіи; а Царская Дума не тревожилась, выславъ въ началѣ Апрѣля знатныхъ Воеводъ къ нашей обыкновенной береговой рати: Князя Мстиславскаго, Ногтикова, Трубецкихъ, Голицына, Ѳедора Хворостинина, въ Серпуховъ, Калугу и въ другія мѣста[256]. Еще въ Маѣ

разъъзды наши не встрѣчали ни одного Та- г
тарина на берегахъ Донца Сѣверскаго и Бо- 1591.
ровой: видѣли только слѣды зимняго ко-
чевья и юрпы оставленныя. Но 26 Іюня
прискакали въ Москву гонцы съ вѣстію, что
степь покрылась тучами Ханскими; что не
менѣе ста-пятидесяти тысячь Крымцевъ
идетъ къ Тулѣ, обходя крѣпости, нигдѣ не
медля, не разсыпаясь для грабежа. Годунову
надлежало оказать всю бодрость своего ду-
ха и загладить отлошность: въ тотъ же
часъ послали указы къ Воеводамъ всѣхъ
степныхъ крѣпостей, велѣли имъ спѣшить
къ Серпухову, соединиться съ Княземъ
Мстиславскимъ, чтобы встрѣтить Хана въ
полѣ. Къ несчастію, главное войско наше
стояло тогда въ Новѣгородѣ и Псковѣ, на-
блюдая Шведовъ; оно не могло поспѣть къ
рѣшительной битвѣ: о немъ-уже не думали.
Объявили Москву въ осадѣ; поручили бло-
сти дворецъ Государевъ Князю Ивану Ми-
хайловичу Глинскому[257], Кремль Боярину
Князю Дмитрію Ивановичу Шуйскому, Ки-
тай Голицыну, Бѣлый городъ Ногтеву-Суз-
дальскому и Мусѣ Туренину. 27 Іюня съѣ-
дали о быстромъ стремленіи непріятеля къ
столицѣ, увѣрились въ невозможности сое-
диненія всѣхъ полковъ на берегахъ Оки до
прихода Ханскаго, и перемѣнили распоряже-
ніе: велѣли Мстиславскому идти къ Мо-
квѣ, чтобы предъ ея священными стѣна-
ми, въ виду храмовъ и палатъ Кремлевскихъ,

Г. 1591. въ глазахъ Царя и Царицы, за Вѣру, за отечество сразиться съ невѣрными. Въ ободреніе народу разглашали, что мы, оставляя берега Оки, заманиваемъ непріятеля въ сѣти[258] и хотимъ внутри Россіи истребить его совершенно. Въ самомъ дѣлѣ сіе опасшупленіе прибавляло къ береговому войску еще нѣсколько тысячь лучшихъ ратниковъ Московскихъ, благородную дружину Государеву, знатныхъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ, кромѣ вооруженныхъ гражданъ: давало намъ важный перевѣсъ въ силахъ и выгоду биться подъ стѣнами неодолимыми, подъ громомъ тяжелаго огнестрѣльнаго снаряда, ужаснаго для варваровъ. Надлежало единственно взять мѣры, чтобы Ханъ не ввергнулъ огня и разрушенія въ нѣдра столицы, какъ сдѣлалъ Девлетъ-Гирей въ 1571 году: для того съ удивительною скоростію укрѣпили предмѣстіе за Москвою рѣкою деревянными стѣнами съ бойницами[259]; обратили монастыри въ твердыни: Даниловскій, Новоспасскій, Симоновъ; назначили станъ войску верстахъ въ двухъ отъ города, между Калужскою и Тульскою дорогою; соорудили тамъ дощатый подвижный городокъ на колесахъ и церковь Св. Сергія, гдѣ поставили икону Богоматери, бывшую съ Димитріемъ въ Донской битвѣ; пѣли молебны, обходили всю Москву съ крестами, и съ нетерпѣніемъ ждали Мстиславскаго. 29 Іюня сей Воевода выступилъ изъ Серпухова, оставивъ на Окѣ

малочисленную спражу, и ночевалъ на Ло- г.
паснѣ, среди высокихъ кургановъ, славныхъ 1591.
памяпниковъ незабвенной побѣды 1572 го-
да[260]: шелъ попъ же непріяпель; но Россія
уже не имѣла Воропынскаго! 1 Іюля, ввe-
черу, полки расположились на лугахъ Мо-
сквы рѣки, пропивъ села Коломенскаго, а
Воеводы спѣшили къ Государю съ донесе-
ніемъ и для совѣпа; возвращились въ слѣ-
дующее упро, и ввели полки въ изгопо-
вленный для нихъ спанъ, пропивъ монаспыря
Даниловскаго. Въ попъ день самъ Государь
пріѣхалъ къ войску, осмопрѣлъ его, *жаловалъ*
Воеводъ и всѣхъ людей рапныхъ *милости-*
выми словами, спрашивалъ ихъ о здравіи, не
оказывая робоспи, изъявляя надежду на Бога
и на своихъ добрыхъ Россіянъ.

Іюля 3 извѣспили Ѳеодора, чпо Ханъ
перешелъ Оку подъ Тѣшловымъ, почуепъ
на Лопаснѣ, идепъ прямо къ Москвѣ; чпо
передовый опрядъ непріяпельскій, вспрѣ-
пивъ мужественнаго Воеводу, Князя Влади-
міра Бахпеярова, высланнаго на Похру съ
двумя спами пяпидесяпью Дѣпьми Бояр-
скими, разбилъ его и гналъ, жеспоко уяз-
вленнаго, до селенія Бицъ. Тогда войско на-
ше изгоповилось къ сраженію; каждый полкъ
занялъ свое мѣспо, не выходя изъ укрѣпле-
ній, и ввечеру пришла къ нимъ вся дружина
Царская; явился наконецъ и Борисъ Годуновъ,
въ полномъ доспѣхѣ, на рапномъ конѣ, подъ
древнимъ знаменемъ Великокняжескимъ: кпо

Г. 1591. былъ душею Царства въ Совѣтѣ, тому надлежало одушевить и воиновъ въ битвѣ за Царство. Ѳеодоръ отдалъ ему всѣхъ Дворянъ своихъ и тѣлохранителей, дополъ неразлучныхъ съ особою Монарха; заключился въ уединенной палатѣ съ супругою и съ Духовникомъ для молитвы; не боялся опасности, ибо считалъ за грѣхъ бояться, и сдѣлавъ все, что могъ, для спасенія отечества, съ Ангельскимъ спокойствіемъ предавалъ себя и Державу въ волю Всевышняго. За Правителемъ ѣхали и всѣ Бояре, какъ бы за Государемъ; но, встрѣченный, привѣтствуемый Воеводами, онъ не взялъ главнаго начальства изъ рукъ знатнѣйшаго или опытнѣйшаго Вождя, Князя Мстиславскаго; удовольствовался вторымъ мѣстомъ въ Большомъ Полку, составивъ для себя воинскую думу изъ шести сановниковъ, въ числѣ коихъ находился и знаменитый изгнанникъ, Богданъ Яковлевичь Бѣльскій, властію Годунова уже примиренный съ Дворомъ и съ народомъ, витязь украшенный знаками отличія и славы[261].

Всю ночь стояла рать подъ знаменами; всю ночь бодрствовалъ Годуновъ: ходилъ по рядамъ, укрѣплялъ духъ Воеводъ и воиновъ[262], совѣтовалъ и принималъ совѣты, требовалъ довѣренности и находилъ ее, великимъ умомъ замѣняя недостатокъ въ опытности ратной. Знали о близости непріятеля; слышали вдали шумъ, топотъ коней, и на разсвѣтѣ уви-

дѣли густыя полпы Ханскія. Казы-Гирей шелъ осторожно, спалъ пропивъ села Коломенскаго, и съ Поклонной горы обозрѣвъ мѣстпа, велѣлъ своимъ Царевичамъ ударить на войско Московское. Дополѣ все было тихо; но какъ скоро многочисленная конница непріятельская спустилась съ высотпы на равнину, загремѣли всѣ бойницы спана, монастырей, Кремлевскія[263], и сотни отборныя изъ каждаго полку съ отборными Головами, дружины *Литовскія*, Нѣмецкія съ ихъ *Капитанами* выступили изъ укрѣпленія, чтобы встрѣтить Крымцевъ; а Воеводы съ главнымъ войскомъ остававались въ досчатомъ городкѣ и ждали своего часа. Битва началася вдругъ во многихъ мѣстпахъ: ибо непріятель, осыпанный пушечными ядрами, раздѣлился, пуская стрѣлы, и въ схваткѣ дѣйствуя саблями лучше нашихъ; но мы имѣли выгоду, искусно стрѣляя изъ ручныхъ пищалей, стоя и нападая дружнѣе. Песчаная равнина покрывалась болѣе Мусульманскими, нежели Христіанскими трупами, въ виду у Хана и Москвитянъ, коими стѣны, башни, колокольни были унизаны, вооруженными и безоружными, исполненными любопытства и ужаса: ибо дѣло шло о Москвѣ: ее губили или спасали побѣдители! Народъ по безмолвствовалъ, но вопилъ, слѣдуя душею за всѣми движеніями кровопролитной сѣчи, зрѣлища новаго для нашей древней столицы, которая видала приступы къ стѣнамъ ея, но еще до

г. 1591.

1591 г. сего времени не видала полевой битвы на своихъ равнинахъ. Не имѣли нужды въ вѣстникахъ: глазъ управлялъ чувствомъ страха и надежды. Другіе не хотѣли ничего видѣть: смотрѣли только на святыя иконы, орошая теплыми слезами помостъ храмовъ, гдѣ пѣніе Іереевъ заглушалось звукомъ пальбы и куреніе ѳиміама мѣшалось съ дымомъ пороха. Сказаніе едва вѣроятное: въ сію торжественную, роковую годину, когда сильно трепетало сердце и въ столѣтнихъ старцахъ Московскихъ, одинъ человѣкъ наслаждался спокойствіемъ души непоколебимой: тотъ, чье имя вмѣстѣ съ Божіимъ призывалось Россіянами въ сѣчѣ, за кого они умирали предъ стѣнами столицы: самъ Государь! . . . . Утомленный долгою молитвою, Ѳеодоръ мирно отдыхалъ въ часъ полуденный[264]; всталъ и равнодушно смотрѣлъ изъ высокаго своего терема на битву. За нимъ стоялъ добрый Бояринъ, Григорій Васильевичь Годуновъ, и плакалъ: Ѳеодоръ обратился къ нему, увидѣлъ его слезы и сказалъ; «будь спокоенъ! завтра не «будетъ Хана!» Сіе слово, говоритъ Лѣтописецъ, оказалось пророчествомъ.

Сраженіе было нерѣшительно. Съ обѣихъ сторонъ подкрѣпляли рапующихъ; но главныя силы еще не вступали въ дѣло: Мстиславскій, Годуновъ съ Царскими знаменами и лучшею половиною войска не двигались съ мѣста, ожидая Хана, который съ своими надежнѣйшими дружинами занялъ ввечеру село

Воробьево[265] и не хотѣлъ сойти съ горы, Г.
откуда алчный взоръ его пожиралъ столицу, 1591.
добычу завидную, но не легкую: ибо земля стонала отъ грома Московскихъ пушекъ и Россіяне бились мужественно на равнинѣ до самой ночи, которая дала наконецъ отдыхъ тому и другому войску. Множество Татаръ легло въ сѣчѣ; множество было ранено: Царевичь Бахты-Гирей, нѣсколько Большихъ Князей и Мурзъ[266]; взято въ плѣнъ также не малое число людей знатныхъ. Духъ упалъ въ Ханѣ и въ Вельможахъ Крымскихъ: они совѣтовались, что дѣлать, и болѣе ужасали, нежели ободряли другъ друга разсужденіемъ о слѣдствіяхъ новой, рѣшительной битвы, — слыша пальбу безпрестанную, видя сильное движеніе между нашимъ станомъ и Москвою: ибо Годуновъ, не жалѣя пороха велѣлъ и ночью стрѣлять изъ пушекъ, для устрашенія непріятеля, и граждане послѣ сѣчи толпами устремились въ станъ, привѣтствовать храбрыхъ, видѣть живыхъ друзей и родственниковъ, узнать о мертвыхъ. Плѣнники Россійскіе, вѣрные отечеству и въ узахъ, отвѣтствуя на вопросы Хана, говорили ему, что въ Москву пришло свѣжее войско, изъ Новагорода и Пскова; что мы стрѣляемъ въ знакъ радости, не сомнѣваясь въ побѣдѣ, и еще до разсвѣта ударимъ всѣми силами на Крымцевъ[267]. Ханъ могъ имъ и не вѣрить; но уже видѣлъ обманъ Короля Шведскаго: видѣлъ, что Россія, не взирая на войну съ

Г. 1591. Шведами, имѣепъ довольно защипниковъ — и бѣжалъ за часъ до свѣпа!

Извѣспивъ о шомъ Государя, Воеводы при звукѣ всѣхъ колоколовъ радоспной Москвы, со всѣми полками выспупили въ слѣдъ за Ханомъ, копорый бѣжалъ безъ памяпи, оспавляя на пупи имъ въ добычу и лошадей и рухлядь и запасы[268]; слышалъ за собою попопъ нашей конницы, и безъ опдыха въ супки доспигъ Оки; на восходѣ солнца увидѣлъ передовую дружину Россіянъ, и кинулся въ рѣку, бросивъ на берегу собспвенные *возки* Царскіе; упопилъ множество людей своихъ, и бѣжалъ далѣе. Мспиславскій и Годуновъ ночевали въ Бицахъ, гоня непріяпеля легкими опрядами, копорые наспигли задніе полки его близъ Тулы, разбили ихъ, взяли 1000 плѣнниковъ съ нѣкопорыми знапнѣйшими Мурзами; поппали, испребляли Крымцевъ въ спепяхъ и выгнали изъ нашихъ владѣній, гдѣ Казы-Гирей не успѣлъ злодѣйспвовапь, и 2 Августа прискакалъ на пелегѣ ночью въ Бакчисарай, съ подвязанною, уязвленною рукою; а Крымцевъ возвращилось не болѣе трепи, пѣшихъ, голодныхъ, шакъ, что сей Ханскій походъ оказался самымъ несчаспнѣйшимъ для Тавриды и самымъ безвреднѣйшимъ для Россіи, гдѣ все оспалось въ цѣлоспи: и города, и деревни, и жипели.

Главные Воеводы не ходили далѣе Серпухова. Царь, можепъ быпь по совѣшу умной

Ирины, писалъ къ нимъ, чтобы они гнали и спарались истребить непріятеля въ спѣхъ; но Князь Мстиславскій отвѣтствовалъ ему, что имъ не возможно достигнуть Хана, и въ сей бумагѣ наименовавъ себя одного, получилъ отъ Ѳеодора строгій выговоръ за неозначеніе въ ней Борисова *великаго* имени[269], къ коему Дворъ относилъ всю честь побѣды. Однакожь соблюли равенство въ наградахъ: 10 Іюля пріѣхалъ въ Серпуховъ Стольникъ, Иванъ Никитичь Юрьевъ, съ милостивымъ словомъ и съ жалованьемъ Государевымъ: *спросилъ войско о здравіи* и вручилъ Воеводамъ медали: Мстиславскому и Годунову *золотые Португальскіе*, иным *корабельники* и червонцы Венгерскіе. Велѣвъ оспаться на берегу нѣкоторымъ младшимъ изъ нихъ, Государь звалъ всѣхъ другихъ въ Москву для изъявленія имъ новыхъ милостей: надѣлъ на Бориса съ своего плеча *шубу Русскую* съ золотыми пуговицами въ 1000 рублей (или въ 5000 нынѣшнихъ серебряныхъ), и съ себя же цѣпь драгоцѣнную; пожаловалъ ему златый сосудъ Мамаевскій, славную добычу Куликовской битвы, три города области Важской въ наслѣдственное достояніе, и титло *Слуги*, знаменитѣйшее Боярскаго, и въ теченіе вѣка носимое только тремя Вельможами: Княземъ Симеономъ Ряполовскимъ, коего отецъ спасъ юнаго Іоанна III отъ Шемякиной злобы; Княземъ Иваномъ Михайловичемъ Воротынскимъ за Ведрош- Г. 1591. Новый санъ Годунова.

Г. 1591. скую побѣду, и сыномъ его, безсмертнымъ Княземъ Михайломъ, за разбитіе Крымскихъ Царевичей на Донцѣ и взятіе Казани. Князю Мстиславскому далъ Ѳеодоръ, также съ своего плеча, шубу съ золотыми пуговицами, кубокъ съ золотою чаркою и пригородъ Кашинъ съ уѣздомъ; другихъ Воеводъ, Головъ, Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ жаловалъ шубами, сосудами, вотчинами и помѣстьями, или деньгами, камками, бархатами, атласами, соболями и куницами; Стрѣльцевъ и Казаковъ тафтами, сукнами, деньгами: однимъ словомъ, никто изъ воиновъ не остался безъ награды, и не было конца великолѣпнымъ пирамъ въ Грановитой Палатѣ, болѣе въ честь Годунова, нежели въ Царскую: ибо Ѳеодоръ велѣлъ торжественно объявить и въ Россіи и въ чужихъ земляхъ, что Богъ даровалъ ему побѣду *радѣніемъ и промысломъ Борисовымъ*. Такимъ образомъ новый лучь озарилъ главу Правителя, лучь тайной славы, блистательнѣйшей для народа Державы воинственной, которую окружали еще столь многія опасности и непріятели! — На мѣстѣ, гдѣ войско стояло въ укрѣпленіи противъ Хана, заложили каменную церковь Богоматери и монастырь, названный *Донскимъ* отъ имени святой иконы, которая была съ Димитріемъ на Куликовѣ полѣ и съ Годуновымъ въ Московской битвѣ; а на случай новаго приступа варваровъ къ столицѣ защитили всѣ ея посаДонской монастырь.

ды деревянными спѣнами съ высокими башнями[270]. Г. 1592

Но торжество Борисово, пиры Двора и воинства, милости и жалованья Царскія заключились пытками и казнями! Донесли Правителю, что оскорбительная для него молва носится въ городахъ уѣздныхъ, особенно въ Алексинѣ — молва, распущенная его непріятелями, по крайней мѣрѣ нелѣпая: говорили, что будто бы онъ привелъ Хана къ Москвѣ, желая унять вопль Россіи о жалостномъ убіеніи Димитрія[271]. Народъ — и только одинъ народъ — слушалъ, повторялъ сію клевету. Съ великодушіемъ, съ невинностію Годуновъ могъ бы презрѣть злословіе грубое, разносимое вѣтромъ; но Годуновъ съ совѣстію нечистою закипѣлъ гнѣвомъ: послалъ чиновниковъ въ разныя мѣста; велѣлъ изыскивать, допрашивать, мучить людей бѣдныхъ, которые отъ простоты ума служили эхомъ клеветѣ, и въ спрахѣ, въ испязаніяхъ оговаривали безвинныхъ; нѣкоторые умерли въ пытках или въ темницахъ; другихъ казнили, инымъ рѣзали языки — и многія мѣста, по словамъ Лѣтописца, опустѣли тогда въ Украйнѣ, въ прибавленіе къ развалинамъ Углича! Клевета на Правителя и месть его.

Сія жестокость, достойная временъ Іоанновыхъ, казалась Годунову необходимою для его безопасности и чести, чтобы никто не дерзалъ ни говорить, ни мыслить ему противнаго: единственное условіе, ко-

Г. 1592. его не должно было нарушать для жизни мирной и счастливой въ Ѳеодорово царствованіе! Грозный только для своихъ порицателей, Годуновъ во всѣхъ иныхъ случаяхъ хотѣлъ блистать милосердіемъ рѣдкимъ. Заслуживалъ ли кто опалу, но могъ извиниться естественно человѣческою слабостію? того миловали и писали въ указѣ: «Государь прощаетъ, изъ уваженія къ хода-«тайству Слуги, Конюшаго Боярина[272]». Даже измѣнникамъ, даже Михайлу Головину, жившему въ Литвѣ[273], Борисъ предлагалъ мирное возвращеніе въ отечество, знатнѣйшій санъ и лучшее помѣстье, какъ бы въ возмездіе за гнусную измѣну! Кого же осуждали на казнь, о томъ писали въ указѣ: «такъ приговорили Бояре, Князь Ѳеодоръ «Ивановичь Мстиславскій съ товарищи»; о Годуновѣ не упоминали. Для пріятелей, угодниковъ, льстецовъ не имѣя ничего завѣтнаго, кромѣ верховной власти, въ его рукахъ неприкосновенной, онъ ежедневно умножалъ число ихъ, и чѣмъ болѣе заслуживалъ укоризны, тѣмъ болѣе искалъ хвалы, и вездѣ слышалъ оную, искреннюю и лицемѣрную — чипалъ и въ книгахъ[274], сочиняемыхъ тогдашними грамотѣями, духовными и мірскими; однимъ словомъ, искусствомъ и силою, страхомъ и благодѣяніями произвелъ вокругъ себя громъ славы, заглушая имъ если не внутренній гласъ совѣсти, то по крайней мѣрѣ гласъ истины въ народѣ.

Милосердіе и слава Годунова.

Но жертвуя одной мысли и Небомъ и са- Г.
мымъ истиннымъ земнымъ счастіемъ: спо- 1592
койствіемъ, внутреннимъ услажденіемъ до-
бродѣтели, законнымъ величіемъ государ-
ственнаго благотворителя, чистою славою
въ Исторіи, Годуновъ едва было не лишил-
ся вожделѣннаго плода своихъ козней, опъ
случая естественнаго, но неожиданнаго:
вдругъ разнеслася вѣсть опъ дворца Крем-
левскаго до самыхъ крайнихъ предѣловъ Го-
сударства — и всѣхъ, кромѣ Бориса, опъ
Монарха до земледѣльца, исполнила счастли-
вой надежды — вѣсть, что Ирина беремен-
на! Никогда Россія, по сказанію Лѣтописца,
не изъявляла искреннѣйшаго веселія: каза-
лось, что Небо, раздраженное преступле-
ніемъ Годунова, но смягченное тайными сле-
зами добрыхъ ея сыновъ, примирилось съ
нею, и на могилѣ Димитріевой насаждаетъ
новое Царственное дрѣво, которое своими
вѣтвями обниметъ грядущіе вѣки Россіи.
Легко вообразить сіи чувства народа, при-
верженнаго въ вѣнценосному племени Св.
Владиміра: гораздо прудпѣе вообразить по-
гдашнія чувства Борисовы. Гнуснѣйшее изъ
убійствъ оставалось пщетнымъ для убій-
цы: совѣсть терзала его, а надежда запим-
валась навѣки или до новаго злодѣйства,
еще страшнаго и для злодѣя! Годуновъ дол-
женъ былъ терпѣть общую радость, изъ-
являть живѣйшее въ ней участіе, обманы-
вать Дворъ и сестру свою! Чрезъ нѣсколь-

Г. 1592. Рождение и кончина Царевны Феодосіи.

ко мѣсяцевъ неперпѣливаго ожиданія, Ирина родила дочь, къ облегченію Борисова сердца; но родишели были и пѣмъ счастливы, какъ ни желали имѣпь наслѣдника пресполу: разрѣшилось неплодіе, и нѣжноспь ихъ могла увѣнчапься плодомъ новымъ, въ исполненіе общаго желанія. Не только чувспвипельная машь, но и шихій, хладнокровный Ѳеодоръ въ воспоргъ благодарилъ Всевышняго за милую дочь[275], названную Ѳеодосіею (и 14 Іюня окрещенную въ Обипели Чудовской); проспилъ всѣхъ опальныхъ, самыхъ важныхъ преспупниковъ, осужденныхъ на смерпь; велѣлъ опворипь темницы и выпуспипь узниковъ; надѣлилъ монаспыри богапою милоспынею и послалъ множесшва серебра Духовенспву въ Палесшину. Народъ шакже радовался; но люди склонные къ подозрѣнію, угадывая сокровенносшь души Борисовой, за шайну передавали другъ другу сомнѣніе: не могъ ли Годуновъ подмѣнипь младенца, если Царица родила сына, и вмѣспо его обманомъ предспавипь Ѳеодосію, взяпую имъ у какой нибудь бѣдной родильницы[276]? Послѣ увидимъ дѣйспвіе сей мысли, хопя и мало вѣрояпной. Съ другой спороны любопышные спрашивали: «Должна ли Ѳеодосія, «если не будепъ у нее брапьевъ, наслѣдо- «вапь Державу? Случай, дополѣ безпримѣр- «ный, не могъ ли служипь примѣромъ «для будущаго? Россія никогда не имѣла «женъ вѣнценосныхъ по наслѣдію; но не луч-

«ше ли уставить новый законъ, чѣмъ оси- Г.
«ропѣть престолу?» Сіи вопросы запруд- 1592.
нипельные безпокоили, какъ вѣроятно, и
Годунова: онѣ разрѣшились, къ его успокое-
нію, смертію Ѳеодосіи въ слѣдующемъ го-
ду[277]. Не смотря на всѣ утѣшенія Вѣры,
Ѳеодоръ долго не могъ осушить слезъ сво-
ихъ: съ нимъ плакала и столица, погребая
юную Царевну въ Дѣвичьемъ монастырѣ
Вознесенскомъ, и раздѣляя тоску нѣжной ма-
тери, симъ ударомъ навѣки охлажденной къ
мірскому щастію. Злорадствуя во глубинѣ
души, Годуновъ безъ сомнѣнія умѣлъ при-
творитъся отчаяннымъ (ибо легче показы-
вать лицемѣрную скорбь въ тайномъ удо-
вольствіи, нежели веселіе лицемѣрное въ
тайной печали); но снова подозрѣвали сего
жестокаго властолюбца: думали, что онъ,
бывъ виновникомъ Евдокіиной смерти, умо-
рилъ и Ѳеодосію[278]. Богъ вѣдалъ истину;
но обагренный святою кровію Димитріевою
не имѣлъ права жаловаться на злословіе и
легковѣріе: все служило ему праведною каз-
нію — и самая клевета невѣроятная!

ГЛАВА III.

Продолженіе Ѳеодорова царствованія.

Г. 1591 — 1598.

Война и миръ съ Швеціею. Переписка съ Липовскими Вельможами. Набѣгъ Крымцевъ. Посольства въ Константинополь. Своевольство Донскихъ Козаковъ. Строеніе городовъ. Миръ съ Ханомъ. Вспоможеніе Императору. Знатный Посолъ Австрійскій. Легатъ Климента VIII въ Москвѣ. Дружество Ѳеодора съ Шахомъ Аббасомъ. Походъ на Шавкала. Сношенія съ Даніею и съ Англіею. Законъ объ укрѣпленіи крестьянъ и слугъ. Новая крѣпость въ Смоленскѣ. Зажигальщики. Дворъ Московскій. Ослѣпленіе Царя Симеона. Святынѣли Греческіе въ Москвѣ. Разрушеніе Печерской Обители. Слово Ѳеодорово Годунову. Кончина Ѳеодорова. Присяга Царицѣ Иринѣ. Постриженіе Ирины. Избраніе Годунова въ Цари.

Г. 1591-Война и миръ съ Швеціею.

Въ дѣлахъ внѣшнихъ Россія могла, какъ и доколѣ, хвалиться успѣхами и Политикою благоразумною. Въ надеждѣ на содѣйствіе Хана, Іоаннъ, Король Шведскій, опровергнулъ перемиріе, данное ему Ѳеодоромъ въ удовольствіе Сигизмунду[279], и Генералъ его, Морицъ Гринъ, вступивъ въ Новогородскую область, сжегъ многія селенія близъ Ямы и Копорья. Воеводы наши, удивленные симъ нечаяннымъ нападеніемъ, послали гонца спросить у него, знаетъ ли онъ о подпи-

санномъ въ Москвѣ договорѣ? *Не знаю*, отвѣтствовалъ Морицъ; пелъ далѣе, и спо- г. 1591.
ялъ уже въ пятидесяти верстахъ отъ Новагорода. Свѣдавъ, что многочисленные Россійскіе полки ожидаютъ его впереди, онъ не захотѣлъ битвы, и возвратился, но почти безъ войска, истребленнаго зимнимъ холодомъ и болѣзнями[280]. Лѣтомъ 1591 года когда Ханъ стремился къ Москвѣ, Шведы снова явились близъ Гдова, разбили нашъ отрядъ и взяли въ плѣнъ Воеводу, Князя Владиміра Долгорукаго[281]; другія толпы ихъ изъ Каяніи проникли, сквозь пустыни и лѣса, въ сѣверную Россію и взяли Сумскій Острогъ на Бѣломъ морѣ, думая овладѣть и всѣми ея пристанями. Но сія важная мысль, лишить насъ выгодъ морской торговли, требовала усилій невозможныхъ для слабой Швеціи. Царь послалъ туда изъ Москвы двухъ Князей Волконскихъ, Андрея и Григорія, съ дружинами Стрѣльцевъ: первый занялъ монастырь Соловецкій, угрожаемый непріятелемъ; второй истребилъ Шведовъ въ Сумскомъ Острогѣ и взялъ нѣсколько пушекъ[282]. Узнавъ, что Каянскіе разбойники въ самый день Рождества Христова сожгли Кольскую или Печенскую Обитель, злодѣйски умертвивъ 50 Иноковъ и 65 слугъ монастырскихъ, Князь Григорій Волконскій отмстилъ имъ опустошеніемъ Каяніи и возвратился въ монастырь Соловецкій съ богатою добычею. — Сіи непріятельскія дѣй-

Г. 1791. спвія едва было не произвели и разрыва съ Липвою: ибо Сигизмундъ долго не хотѣлъ упвердипь заключеннаго въ Москвѣ перемирія безъ обязапельспва съ нашей стороны не превожипь Швеціи. Пословъ Ѳеодоровыхъ, Салпыкова и Тапищева[283], выводили изъ перпѣнія оспановками на пупи въ Варшаву, сердили грубоспями, лишали всѣхъ удобноспей, самаго нужнаго, пакъ, чпо они, исполненные негодованія, предлагали Королевскимъ чиновникамъ, вмѣспо денегъ, 50 сосудовъ серебряныхъ, пребуя пищи для своихъ людей голодныхъ. Наконецъ Сигизмундъ, свѣдавъ объ изгнаніи Хана изъ Россіи, упвердилъ договоръ Московскій, но заспавивъ нашихъ Пословъ внесши въ него новое условіе, чпобы ни Царю, ни Липвѣ въ печеніе двѣнадцапи лѣпъ не мыслипь о завоеваніи Нарвы. Цѣлуя креспъ, онъ сказалъ Салпыкову: «мы будемъ въ мирѣ съ «Царемъ до его перваго нападенія на Шве- «цію, ибо сынъ долженъ вспупипься за оп- «ца.» Сія угроза не спасла однакожь Шведскихъ владѣній опъ разоренія.

Г. 1592 — 96. Зимою 1592 года Царь послалъ знапнѣйшихъ Воеводъ, Князей Мспиславскаго и Трубецкихъ, двухъ Годуновыхъ, Ивана и Спепана Васильевичей, Князя Ногопкова и Богдана Яковлевича Бѣльскаго, въ Финляндію, гдѣ они выжгли селенія и города, взявъ нѣсколько пысячь плѣнниковъ[284]. Шведы не опважились на бипву: сидѣли полько въ

Выборгѣ и въ Абовѣ, къ коимъ не приспу- г.
пали Россіяне, окруживъ ихъ со всѣхъ спо- 1592
ронъ пепломъ и развалинами. Въ исходѣ Фев- — 96.
раля, совершивъ походъ, Воеводы пріѣхали въ Москву, жаловашься другъ на друга: Князь Ѳедоръ Трубецкій виниль Годуновыхъ, Годуновы Трубецкаго, въ худой ревносши къ Царской службѣ. Царь всѣмъ имъ объявилъ немилосшь за раздоръ, вредный для опечесшва: не велѣлъ съѣзжашь со двора опъ Вербной Недѣли до Свѣшлаго Воскресенія: ибо Правишель желалъ славишься безприсшрасшіемъ, сею легкою опалою доказавъ, чшо не щадишъ и своихъ ближнихъ, когда дѣло идешъ о пользѣ государсшвенной.

Въ самое по время, когда мы безпрепяшсшвенно опуспошали Финляндію, находился въ Спокгольмѣ Посолъ Хана Крымскаго, Черкашенинъ Анпоній, пребуя золопа опъ Шведовъ за впаденіе Казы-Гиреево въ Россію. «Золошо гошово для побѣдишеля,» опвѣшсшвовалъ Кероль Іоаннъ: «Ханъ видѣлъ «Москву, но не спасъ нашей земли опъ ме- «ча Россійскаго»[285]. Видя, чшо и Сигизмундъ не можешъ бышь надежнымъ защишникомъ Швеціи, Іоаннъ въ послѣдніе дни жизни своей искренно хошѣлъ мира съ Россіею, въ Авгусшѣ 1592 года выславъ Маршала Флеминга, Генерала Бое и другихъ сановниковъ на рѣку Плюсу, гдѣ они съ Окольничимъ и Намѣсшникомъ Суздальскимъ, Михайломъ Сал-

Г. 1592.—96. тыковымъ, въ Генварѣ 1593 года заключили двулѣтнее перемиріе, уже именемъ новаго Вѣнценосца Шведскаго[286]: 25 Ноября Іоаннъ умеръ, и сынъ его, Сигизмундъ, наслѣдовалъ престолъ Шведскій, соединяя паким образомъ подъ своею державою силы двухъ Королевствъ, враждебныхъ для Россіи: чему радовались въ Варшавѣ и въ Стокгольмѣ; чего опасались въ Москвѣ — но не долго. Оказались слѣдствія неожиданныя, болѣе въ пользу, нежели ко вреду Россіи: ибо Сигизмундъ, вмѣсто тѣсной связи, произвелъ взаимную злобу между своими Государствами; рабольпствуя Вельможамъ Коронным и Литовскимъ[287], хотѣлъ самовластвовать въ Швеціи, перемѣнить Вѣру, ввести Лапинскую, отдать Эстонію Польшѣ; видѣлъ негодованіе, явное сопротивленіе Шведовъ, и почти бѣжалъ изъ Стокгольма въ Варшаву, оставивъ верховную власть въ рукахъ Сената. Въ сихъ несчастных обстоятельствахъ, въ раздорахъ, въ смятеніи, Швеція не могла думать о войнѣ съ Россіею; искала мира твердаго, вѣчнаго, и въ угожденіе Царю согласилась, чтобы ея Послы, Стенъ-Банеръ, Горнъ, Бое, съѣхались съ Московскими, Княземъ Иваномъ Трубецкимъ и Пушкинымъ, въ владѣніи Россійскомъ, у Тявзина, близъ Иваня-города[288]; однакожъ собрала и войско, въ Выборгѣ и въ Нарвѣ, чтобы дать болѣе силы своимъ требованіямъ или отказамъ: Рос-

сійское, гораздо многочисленнѣйшее, спояло г.
опъ Новагорода до Эспонской и Финлянд- 1592
ской границы, въ шишинѣ и въ бездѣй- —96.
спвіи, ожидая конца переговоровъ. Съ обѣ-
ихъ сторонъ пребовали для вида: мы Э-
споніи, Шведы Иванягорода, Ямы, Копорья,
Орѣшка, Ладоги, Гдова, или денегъ за убыт-
ки войны долговременной; но въ самомъ дѣ-
лѣ Швеція хотѣла только мира безъ уступ-
покъ съ ея стороны, а Россія съ пріобрѣ-
теніемъ Корельской области. Послы съ обѣ-
ихъ сторонъ жаловались на упрямство, въ
досадѣ снимали шапры и разъѣзжались, что-
бы снова съѣхаться. Наконецъ Московскіе
одержали верхъ, 18 Мая 1595 года подпи-
савъ слѣдующій договоръ: «1) Быть вѣчно-
«му миру между Швеціею и Россіею: 2) пер-
«вой спокойно владѣть Нарвою, Ревелемъ
«и всѣмъ *Чухонскимъ* или Эспонскимъ *Кня-*
«*жествомъ*; 3) Россіи не помогать врагамъ
«Швеціи, а Швеціи врагамъ Россіи, ни люд-
«ми, ни деньгами; 4) плѣнныхъ освободить
«безъ окупа и безъ размѣна; 5) Лапландцамъ
«Осперботнійскимъ и Варангскимъ платить
«дань Швеціи, а Восточнымъ (Кольскимъ и
«сосѣдственнымъ съ землею Двинскою) Рос-
«сіи; 6) Шведамъ торговать свободно въ
«Москвѣ, Новѣгородѣ, Псковѣ и въ иныхъ
«мѣстахъ: также и Россіянамъ въ Швеціи;
«7) въ кораблекрушеніи и во всякихъ бѣд-
«ственныхъ случаяхъ усердно оказывать
«другъ другу взаимную помощь; 8) Посламъ

г. «Московскимъ вольно ѣздить чрезъ Шве-
1592 «скія владѣнія къ Императору, Папѣ, Ко-
— 96. «ролю Испанскому и ко всѣмъ Великимъ Го-
«сударямъ Европейскимъ, или ихъ Посламъ
«въ Москву: также и людямъ торговымъ,
«воинскимъ, лекарямъ, художникамъ, реме-
«сленникамъ«[289]. Сей миръ обрадовалъ ту и
другую Державу, избавивъ Шведовъ отъ
войны разорительной и надежно утвердивъ
за ними Эстонію съ Нарвою, а Россіи воз-
вративъ древнюю Новгородскую собствен-
ность, гдѣ наши братья и церкви поско-
вали подъ властію чуждыхъ завоевателей.
Ѳеодоръ вмѣстѣ съ Воеводами послалъ въ
Кексгольмъ и Святителя, чтобы очистить
намъ Православіе отъ слѣдовъ иновѣрія.

Хотя Стенъ-Банеръ, Горнъ и Бое дого-
варивались съ нами еще именемъ Короля
Сигизмунда, но онъ въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ
въ томъ участія, и, мало заботясь о спроп-
тивой Швеціи, въ какой-то душевной сон-
ливости рѣдко сносился съ Москвою и по
дѣламъ Литовскимъ[290]. Тѣмъ болѣе хитри-
Перепи- ла наша Дума Государственная, стараясь все-
ска съ Ли- лить въ Вельможныхъ Пановъ недовѣренность
товски- къ безпечному Королю, и какъ бы съ удивле-
ми Вель- ніемъ давъ имъ замѣтить, что Сигизмундъ
можа- въ своемъ титулѣ ставитъ имя Швеціи
ми. выше имени Польскаго Королевства, спра-
шивали: «съ ихъ ли вѣдома онъ унижаетъ
«знаменитую Корону Ягеллоновъ предъ
«Готѳскою, столь новою и ничтожною? ибо

«Шведы еще не давно были подданными Г. 1592 — 96.
«Даніи, вмѣспо Государей имѣя у себя Пра-
«вителей, копорые сносились полько съ
«Новгородскими Намѣспниками.» Но вели-
чавые Паны, еще съ живымъ неудоволь-
спвіемъ воспоминая повелипельную пвер-
доспь Баторіеву, любили мягкаго Сигиз-
мунда и хвалились его счасптіемъ, одержавъ
побѣду надъ Ханомъ Крымскимъ, надѣясь безъ
войны взяпь Эспонію и наслаждаясь вре-
меннымъ миромъ съ Россіею, также имъ до-
вольною[291].

Ослабленный несчаспнымъ походомъ Мо-
сковскимъ, Ханъ еще не преспалъ, какъ ви-
димъ, усильно дѣйспвовапь пропивъ сосѣд-
спвенныхъ Державъ Христіанскихъ, чпобы
искапь добычи, не впасть въ презрѣніе у
своихъ хищныхъ Князей и не лишиться вла-
спи опъ гнѣва Амурапова: ибо Сулпанъ осы-
палъ его жеспокими укоризнами за мало-
душное бѣгспво изъ Россіи, коего спыдъ
падалъ и на знамена Оппоманскія[292]. Желая
усыпипь Ѳеодора, Казы-Гирей писалъ къ
нему о возобновленіи дружбы между ими;
извинялся легковѣріемъ, насказами злыхъ лю-
дей, копорые хопѣли ихъ ссорипь, и го-
нецъ Крымскій за пайну объявилъ Прави-
телю, чпо Ханъ, зная мысль Сулпанову
дапь инаго Власпипеля Тавридѣ, намѣренъ
опспапь опъ Турковъ, всею душею соеди-
нипься съ Царемъ, всѣ Улусы вывеспи изъ
Полуоспрова, разорипь Крымъ, основапь

Г. 1592—96. для себя новую Державу и крѣпость на берегахъ Днѣпра, на Кошкинѣ Перевозѣ, и нам служить неодолимою оградою для Россіи, въ угрозу ненавистнымъ Оттоманамъ[293], если Ѳеодоръ доставитъ ему нѣсколько пудъ серебра на строеніе сей крѣпости; что въ удостовѣреніе своего дружества къ намъ и въ задаткъ будущихъ великихъ услугъ Казы-Гирей идетъ снова опустошать Литву. Ханъ, какъ обыкновенно, обманывалъ; а мы, какъ обыкновенно, и вѣрили ему и не вѣрили: послали гонца въ Тавриду съ опасѣніемъ, что забудемъ всѣ его злодѣйства, если онъ искренно примирится съ нами; что дружба великаго Монарха Христіанскаго и для Мусульманина предпочтительнѣе игу Оттоманскому; что мы хотя и не въ войнѣ съ Литвою[294], однакожъ *не будемъ досадовать* на Хана за опустошеніе сей враждебной для него земли (коварство, называемое Политикою!). Но чиновникъ Московскій, еще не доѣхавъ до Тавриды, свѣдалъ, что ея Царевичи, Калга Фетти-Гирей и Нурадинъ-Бахтра, уже огнемъ и мечемъ свирѣпствуютъ въ предѣлахъ Рязанскихъ, Каширскихъ, Тульскихъ[295], гдѣ, не къ похвалѣ бдительнаго Правителя, все сдѣлалось жертвою ихъ мести или корыстолюбія: защиты не было. Они не думали итти къ Москвѣ: ушли назадъ, но истребивъ селенія и захвативъ въ плѣнъ множество *Дворянъ* съ дѣтьми и женами. Сія

Набѣгъ Крымцевъ.

г. 1592. — 96.

оплошность Россіи споила злой насмѣшки Хана, сказавшаго съ видомъ удивленія гонцу Ѳеодорову: «Куда дѣлося войско Московское? «Царевичи и Князья наши не вынимали ни «сабли изъ ножень, ни спрѣлы изъ колча- «на, и плетью гнали пысячи плѣнниковъ, «слыша, что ваши храбрые Воеводы пря- «чутся въ лѣсахъ и въ дебряхъ.» Въ знакъ милости надѣвъ на сего чиновника золотой кафтанъ, Ханъ велѣлъ ему увѣрить Ѳеодора, что Царевичи дѣйствовали самовольно, и что отъ насъ зависитъ купить миръ съ Тавридою серебромъ и мѣхами драгоцѣнными!

Посольство въ Константинополь.

Упорствуя въ желаніи сего мира, Ѳеодоръ рѣшился иногда возобновить сношенія съ Сулпаномъ, и послалъ въ Константинополь, чрезъ Кафу, Дворянина Нащокина, пребо- вапь, чтобы Амурапъ запретилъ Хану, Азовцамъ и Бѣлогородцамъ[296] воевапь Рос- сію изъ признапельности къ нашему испин- ному дружеству: «ибо мы» — пакъ писалъ Царь къ Сулпану и Годуновъ къ Великому Визирю — «не хопимъ слушапь Импераno- «ра, Королей Испанскаго и Липовскаго, Па- «пы и Шаха, копорые убѣждаюпъ насъ «вмѣспѣ съ ними обпажипь мечь на Главу «Мусульманспва.» Изъявивъ учпивоспь По- сланнику, Визирь сказалъ: «Царь предла- «гаепъ намъ дружбу: мы повѣримъ ей, ко- «гда онъ согласипся отдапь Великому Сул- «шану Аспрахань и Казань. Не боимся ни

Г. 1592 — 96. «Европы, ни Азіи: войско наше сполъ без-
«численно, чпо земля не можепъ поднять
«его; оно гопово успремипься сухимъ пу-
«шемъ на Шаха, Липву и Цесаря, а моремъ
«на Королей Испанскаго и Французскаго.
«Хвалимъ вашу мудроспь, если вы дѣй-
«спвишельно не хопѣли приспашь къ нимъ,
«и Сулпанъ не велипъ Хану превожипь
«Россіи, буде Царь сведешъ съ Дону Коза-
«ковъ своихъ и разрушипъ чепыре новыя
«крѣпоспи, основанныя имъ на берегахъ сей
«рѣки и Терека, чпобы прегражданъ намъ
«пупь къ Дербенпу: или сдѣлайпе шакъ,
«или (въ чемъ клянуся Богомъ) не полько
«велимъ Хану и Ногаямъ безпресшанно вое-
«вашь Россію; но и сами *пойдемъ на Мо-*
«*скву своими головами, сухимъ путемъ и*
«*моремъ*, не боясь ни прудовъ, ни опасно-
«спей, — не жалѣя ни казны, ни крови. Вы
«миролюбивы; но для чего же вспупаепе
«въ шѣсную связь съ Иверіею, подвласпною
«Сулпану?» Нащокинъ опвѣпспвовалъ, чпо
Аспрахань и Казань не раздѣльны съ Мо-
сквою; чпо Царь велипъ выгнапь Козаковъ
изъ окресшносшей Дона, гдѣ нѣпъ у насъ
никакихъ крѣпосшей; чпо связь наша съ Гру-
зіею сосшоипъ въ единовѣріи, и чпо мы
посылаемъ пуда не войско, а Священниковъ
и дозволяемъ ея жипелямъ ѣздипь въ Рос-
сію для шорговли. Нащокинъ предлагалъ Ви-
зирю изъяснишься съ Царемъ чрезъ Посла
Сулпанскаго: Визирь сперва не хопѣлъ по-

го, сказавъ: «у насъ нѣтъ сего обычая: до- Г.
«пускаемъ къ себѣ Пословъ иноземныхъ, а 1592
«своихъ не шлемъ;» однакожь согласился на- —96.
конецъ отправить въ Москву сановника, Чауша Резвана, съ требованіями объявленными Нащокину; а Царь съ отвѣтомъ и съ дарами (съ черною лисьею шубою для Амурата, съ соболями для Визиря) еще послалъ въ Константинополь Дворянина Ислѣньева (въ Іюлѣ 1594), обѣщая унять Козаковъ и свободно пропускать Турковъ въ Дербентъ, въ Шамаху, въ Баку, если Амуратъ уймется Казы-Гирея. «Мы велѣли» (писалъ Ѳеодоръ къ Султану) «основать крѣпости въ землѣ «Кабардинской и Шавкалской не въ досаду «тебѣ, я для безопасности жителей. Мы «ничего у васъ не отняли: ибо Князья Гор- «скіе, Черкесскіе и Шавкалскіе были из- «древле *нашими подданными Рязанскихъ пре-* «*дѣловъ*, бѣжали въ горы, и тамъ покори- «лись отцу моему, своему давнишнему, за- «конному Властителю[297]. Сія *новая исто-* *рія* Кабарды и Дагестана не увѣрила Султана, чтобы ихъ Князья были Рязанскими выходцами: онъ видѣлъ стремленіе Московской Политики къ присвоеніямъ на Востокѣ, не могъ ей благопріятствовать, и не думалъ содѣйствовать успокоенію Россіи, но есть, мирить Хана съ нею.

Сіи Константинопольскія Посольства не доставили намъ ничего, кромѣ любопытныхъ свѣдѣній о состояніи Имперіи Отто-

манской и Грековъ. «Въ Турціи нынѣ» (доно-
Г 1592 —96. силъ Нащокинъ) «все измѣнилось: Султанъ
«и Паши мыслятъ единственно о корыстіи;
«первый умножаетъ казну, а для чего, не-
«извѣстно: прячетъ золото въ сундукахъ и
«не даетъ жалованья войску, которое въ
«ужасномъ мятежѣ недавно приступало ко
«дворцу, требуя головы Дефтердаря или
«Казначея. Нѣтъ ни устройства, ни прав-
«ды въ Государствѣ. Султанъ обираетъ
«чиновниковъ, чиновники обираютъ народъ;
«вездѣ грабежъ и смертоубійства; нѣтъ
«безопасности для путешественниковъ на
«дорогахъ, ни для купцевъ въ торговлѣ.
«Земля опустѣла отъ войны Персидской и
«насилія, особенно Молдавская и Волошская,
«гдѣ непрестанно смѣняютъ Господарей
«отъ мздоимства. Греки въ страшномъ у-
«тѣсненіи: бѣдствуютъ, не имѣя и надеж-
«ды на будущее»[293]. Исѣньевъ былъ задер-
жанъ въ Константинополѣ, гдѣ въ 1595 го-
ду воцарился Магометъ III: ибо сей новый
Султанъ, гнусный душегубецъ девятнадца-
ти братьевъ, ждалъ только благопріятна-
го времени, чтобы объявить войну Россіи.
Между тѣмъ, въ Царѣградѣ называя Дон-
скихъ витязей шайкою разбойниковъ, мы по-
сылали имъ воинскіе снаряды, свинецъ и
селитру. Они умножились числомъ, прини-
мая къ себѣ Козаковъ Днѣпровскихъ и вся-
кихъ бродягъ, вели непрестанную войну съ
Азовомъ, съ Ногаями, съ Черкесами, съ Та-

вридою, и ватагами ходили на море искать добычи, слушаясь и не слушаясь указовъ Царскихъ. Нащокинъ изъ Азова писалъ въ Москву, что Козаки спаницъ Низовыхъ силою опняли у него дары Государевы, не хотѣли безъ опкупа выдать ему своихъ плѣнниковъ, Сулпанскаго Чауша съ шестью Князьями Черкесскими, и съ досады одному изъ нихъ опсѣкли руку, вопя на шумной сходкѣ: «мы вѣрны Царю Бѣлому; но кого беремъ «саблею, того не освобождаемъ даромъ!» Своевольствомъ заслуживая опалу, Козаки заслуживали и милость Государеву, будучи непримиримыми врагами злодѣевъ и зломыслепниковъ Россіи. Г. 1592—96. Своевольство Донскихъ Казаковъ.

Не имѣвъ успѣха въ намѣреніи обуздать Хана посредствомъ Турціи, мы наконецъ и безъ ея содѣйствія достигли цѣли своей: обезоружили его, не столько угожденіями и перегозорами, сколько благоразумными мѣрами, взятыми для защиты южныхъ областей Россіи. Возобновивъ древній Курскъ, давно запустѣвшій [299] — основавъ крѣпости Ливны, Кромы, Воронежъ — Царь въ конць 1593 года велѣлъ строить еще новыя, на всѣхъ *саклахъ* или путяхъ Тапарскихъ отъ рѣки Донца къ берегамъ Оки: Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйку, и населить оныя людьми ратными, Стрѣльцами, Козаками, такъ, что разбойники Ханскіе уже не могли легко обходить грозныхъ для нихъ твердынь, откуда лѣтомъ непрестанно выѣзжали конные от- Строеніе городовъ

г. ряды для наблюденія и громъ пушечный
1592. оглушалъ варваровъ. Царь въ одной рукѣ
—96. держалъ мечь, а въ другой золото, и при-
казывалъ къ Хану: «Папа Римскій, Цесарь,
«Короли Испанскій, Португальскій, Датскій
«и вся Германія убѣждаютъ меня искоре-
«нить твой Улусъ, между тѣмъ, какъ они
«всѣми силами будутъ дѣйствовать про-
«тивъ Султана. Собственные Бояре мои,
«Князья, Воеводы, въ особенности жители
«Украйны, также бьютъ мнѣ челомъ, что-
«бы я вспомнилъ всѣ ваши неправды и зло-
«дѣйства, двинулъ войско, и въ самыхъ нѣд-
«рахъ твоей Орды не оставилъ камня на
«камнѣ. Но я, желая дружбы твоей и Сул-
«тановой, не внимаю ни Посламъ Европей-
«скихъ Государей, ни воплю моего народа,
«и предлагаю тебѣ братство съ богаты-
«ми дарами»[300]. Непрестанно помыкаемый
Амурапомъ изъ земли въ землю, то въ Мол-
давію и Валахію, то въ Венгрію, чтобы
усмирить бунты Оттоманскихъ данниковъ
или сражаться съ Австрійцами, изнуряя
войско въ походахъ и пріобрѣтая скудную
добычу трапою многихъ людей въ битвахъ,
Ханъ вымолилъ у Султана дозволеніе об-
мануть Россію ложнымъ примиреніемъ, тор-
жественнымъ и пышнымъ, какого въ тече-
ніе семидесяти-пяти лѣтъ у насъ не быва-
ло съ Тавридою[301]. Въ Ноябрѣ 1693 года
съѣхались знатные Послы, Ханскіе Ахметъ-
Паша и Московскіе, Князь Ѳедоръ Хворо-

спининъ съ Богданомъ Бѣльскимъ, на берегу Сосны, подъ Ливнами, для предварительнаго договора: сія рѣка была тогда границею обитаемой или населенной Россіи; далѣе, къ Югу, начинались степи, приволье Татарское, и Вельможа Казы-Гиреевъ не хотѣлъ ѣхать на лѣвый берегъ Сосны, боясь отдаться намъ въ руки и тѣмъ унизить достоинство Хана. Послы, сходясь на мосту, условились съ обѣихъ сторонъ прекратить непріятельскія дѣйствія, освободить плѣнниковъ, утвердить миръ и союзъ на вѣки: для чего Крымскому Ширинскому Князю, Ишимамету, надлежало ѣхать въ Москву, а Князю Меркурію Щербатову въ Тавриду. Сіи новые, Великіе Послы, встрѣтясь на томъ же мосту, ласково привѣтствовали другъ друга, и каждый отправился въ свой путь. Въ залогъ дружбы Ѳеодоръ отпустилъ къ Хану жену Царевича Мурата, умершаго въ Астрахани; доставилъ Казы-Гирею 10,000 рублей, сверхъ шубъ и тканей драгоцѣнныхъ, обѣщая присылать ежегодно столько же; наконецъ имѣлъ удовольствіе получить отъ него (лѣтомъ въ 1594 году) Шертную или клятвенную грамоту съ златою печатію. Сія грамота условіями и выраженіями напоминала старыя, истинно союзныя, коими добрый, умный Менгли-Гирей удостовѣрялъ Іоанна III въ любви и въ братствѣ. Каы-Гирей обязывался быть врагомъ нашихъ

Г. 1592. —96.

Г. врагов, безъ милости казнишь своихъ Улус-
1592 никовъ за впаденія въ Россію, возвращаешь
— 96. ихъ добычу и плѣнниковъ, оберегаешь Цар-
скихъ Пословъ и людей торговыхъ, не за-
держиваешь иноземцевъ на пути въ Москву,
и проч. Хотя съ сего времени Крымцы го-
да три не безпокоили нашихъ владѣній,
усильно помогая Султану въ войнѣ Венгер-
ской: но рать Московская всегда стояла на
берегахъ Оки, готовая къ бою.

Въ сіе время, совершенно мирное для Рос-
сіи, внѣшняя Политика ея не дремала, —
и смѣло увѣряя Султана, что мы изъ друж-
бы къ нему не хотимъ дружиться съ его
врагами, Дворъ Московскій искреннѣе преж-
няго желалъ союза съ ними. Въ Сентябрѣ
1593 года Цесарь вторично прислалъ въ
Москву сановника Николая Варкоча, красно-
рѣчиво доказывать необходимость едино-
душнаго возстанія Державъ Христіанскихъ
на Султана и требовать отъ насъ денеж-
наго вспоможенія или мѣховъ драгоцѣнныхъ
для войны съ невѣрными[502]. Въ тайной рѣ-
чи онъ сказалъ Годунову, что Рудольфъ ду-
маетъ жениться на дочери Филиппа, Коро-
ля Испанскаго, и присвоить себѣ Францію
съ согласія многихъ тамошнихъ Вельможъ,
ненавидящихъ Генрика IV; что Сигизмундъ,
оскорбляемый самовольствомъ и дерзостію
Пановъ, хочетъ сложить съ себя вѣнецъ
Ягеллоновъ и возвратиться въ Швецію; что
братъ Императора, Максимиліанъ, снова на-

дѣлся быть Королемъ Польскимъ и молить Ѳеодора способствовать ему въ томъ всѣми 1592
— 96.
своими силами, обязываясь уступить Россіи часть Ливоніи. Именемъ Царскимъ Бояре отвѣтствовали: «Дѣдъ, отецъ Ѳеодоровъ «и самъ Ѳеодоръ многократно изъявляли Вѣнскому Двору свою готовность вмѣстѣ съ «Европою воевать Оттоманова; но мы «тщетно ждали Императорскаго, Испанскаго и Римскаго Посольства въ Москву для «условія: ждемъ и нынѣ. За казну не спо«имъ: лишь бы началося великое дѣло славы «и спасенія Христіанъ. Царь желаетъ во «всемъ успѣха Императору; будетъ ревностно «дѣйствовать, чтобы доставить Максимиліану корону Польскую, и въ такомъ случаѣ «уступитъ ему всю Ливонію, кромѣ Дерпта и Нарвы, необходимыхъ для Россіи.» Баркоча отпустили съ письмами къ Рудольфу, Филиппу, Папѣ, о скорѣйшемъ отправленіи Пословъ въ Москву, и къ Шведскому Принцу Густаву, Эрикову сыну, коему Ѳеодоръ предлагалъ убѣжище сими словами: «Отцы наши были въ дружбѣ и союзѣ: «узнавъ, что ты скитаешься изгнанникомъ «въ земляхъ Индійскихъ, зову тебя въ Россію, гдѣ будешь имѣть присмотрѣнное жалованье, многіе города въ отчину, жизнь «спокойную и свободу выѣхать, когда и «куда тебѣ угодно[303].» Послѣ объяснится, для чего мы призывали Густава.

Между тѣмъ безпечный Рудольфъ, уже

Г. 1592. — 96. воюя съ Сулпаномъ въ Венгріи, еще не спѣшилъ заключить союза съ Россіею. Въ Августѣ 1594 года явился въ Москвѣ гонецъ его, но съ письмомъ страннымъ (на языкѣ Латинскомъ, за открытою печатью), писаннымъ вмѣстѣ и къ Ѳеодору и къ Молдавскому Господарю Аарону, и къ Брацлавскому Воеводѣ Збарежскому и къ Козакамъ Днѣпровскимъ, такого содержанія: «Вручитель сего, Станиславъ Хлопицкій, начальникъ Запорожскаго войска, изъявилъ намъ добрую волю служить Имперіи противъ невѣрнаго Сулпана съ осмью или съ десятью тысячами Козаковъ: мы его охотно приняли и дали ему свое знамя, Орла Чернаго, съ тѣмъ, чтобы онъ *залегъ всѣ пути Крымцамъ къ Дунаю*, огнемъ и мечемъ опустошая владѣнія Сулпанскія, но щадя Липовскія и другія Христіанскія земли: для чего и молимъ васъ благопріятство-вать сему нашему слугѣ усердному[304].» Ясно, что надпись къ Ѳеодору была поддѣльная: не могъ Императоръ говорить однимъ языкомъ и съ Царемъ Московскимъ и съ Козаками; на словахъ же, именемъ Рудольфа, Хлопицкій извѣстилъ Бояръ о побѣдахъ его, о союзѣ съ нимъ Князя Седмиградскаго, Господарей Молдавскаго и Волошскаго, увѣряя, что Запорожскіе воины, считая Россію своимъ истиннымъ отечествомъ, не смѣютъ дѣйствовать безъ воли Царя, и молилъ, чтобы Ѳеодоръ, сое-

динивъ съ ними нѣсколько дружинъ Московскихъ, велѣлъ имъ ишпи на Турковъ подъ знаменами Россіянъ. Хлопицкаго не допуспили до Государя, изъяснивъ ему неприспойносшь Цесаревой грамопы; но примолвили: «изъ уваженія къ Имперапору Царь оппускаешъ тебя безъ гнѣва и напишешъ къ «Гепману Запорожцевъ, Богдану Микошинскому, чпо они могупъ служишь Рудольфу.» Обспоятельспво доспопамяпное: Днѣпровскіе Козаки, будучи подданными Липвы, вопреки ей, рабольпно угождающей Сулпану, входяпъ въ союзъ съ Имперапоромъ, чпобы воеваш съ Турками, и призналопъ себя въ какой-по зависимоспи опъ Царя Московскаго! Хопя сей беззаконный союзъ не имѣлъ желаемаго слѣдспвія для Авспріи; хопя Липовское Правипельспво наказало самовольспво Козаковъ, опнявъ у нихъ пушки, знамена, серебряныя прубы, булаву, данную имъ Спефаномъ Баторіемъ, и Чернаго Орла Имперапорскаго[305]: но воспоминанія общаго древняго опечесшва, единовѣріе, упѣсненіе Греческой Церкви въ Липвѣ и месшь народная съ пого времени уже явно гоповили, въ душѣ Днѣпровскихъ випязей, присоединеніе ихъ благословеннаго края къ Державѣ Московской. г. 1592. — 96.

Желая чего нибудь рѣшипельнаго въ нашихъ долговременныхъ переговорахъ съ Авспріею, Ѳеодоръ посылалъ и своего гонца къ Рудольфу[306], чпобы узнашь испинную

Г. 1592 — 96. випу его спраннаго оплагапельспва въ дѣль споль важномъ: свѣдалъ, чпо Николай Варкочь, выѣхавъ изъ Россіи, нашелъ Императора въ Прагѣ, но долго не могъ быпь ему предспавленъ, за обыкновенными недосугами сего празднаго Вѣнцепосца; чпо Рудольфъ сообщилъ наконецъ Сейму Курфирсповъ благопріятный опвѣпъ Ѳеодоровъ, и чпо они, высоко цѣня дружбу Россіи, убѣдили его опправипь къ намъ новое Посольспво. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (въ Декабрѣ 1594) пріѣхалъ въ Москву попъ же Варкочь[307], съ увѣдомленіемъ, чпо Турки болѣе и болѣе усиливаюпся въ Венгріи: онъ пребовалъ немедленнаго вспоможенія казною — и мы удивили Авспрійскій Дворъ щедроспію, послалъ Императору, на войнскія издержки, 40360 соболей, 20760 куницъ, 120 черныхъ лисицъ, 337235 бѣлокъ и 3000 бобровъ, цѣною на 44 тысячи Московскихъ погдашнихъ рублей[308], съ Думнымъ Дворяниномъ Вельяминовымъ, коему оказали въ Прагѣ необыкновенную чеспь: войско спояло въ ружьѣ на всѣхъ улицахъ, гдѣ онъ ѣхалъ ко дворцу въ Императорской каретѣ; не было конца привѣтспвіямъ, угощеніямъ, ласкамъ; давали ему обѣдъ за обѣдомъ, и всегда съ музыкою, хопя сей чиновникъ не искалъ веселія, говоря: «православный Царь оплакиваепъ кончину своей милой дочери; а съ нимъ плачепъ и вся Россія.» Въ двадцапи комнапахъ дворца разложивъ дары Ѳеодо-

Вспоможеніе Императору.

ровы предъ глазами Императора и Вель- г.
можъ его, онъ удовлетворилъ ихъ любо- 1592
пытству описаніемъ Сибири, богатой мѣ- — 96.
хами, но не хотѣлъ сказать, чего стоила
сія присылка Государева [309], оцѣненная Бо-
гемскими Евреями и купцами въ восемь бо-
чекъ золота. Вельяминовъ объявилъ Мини-
стерству Австрійскому, что вспоможеніе
столь значительное доказываетъ всю ис-
кренность Ѳеодорова дружества, не взирая
на удивительную медленность Императора
и союзниковъ его въ заключеніи торже-
ственнаго договора съ нами. Дѣйстви-
тельно трудно понять, для чего Вѣнскій
Дворъ какъ бы уклонялся отъ сего догово-
ра, болѣе для насъ, нежели для Австріи
опаснаго или затруднительнаго: ибо онъ
велъ мирную Россію къ войнѣ съ Султа-
номъ, который уже воевалъ Австрію! От-
вѣтствуя Царю, что дальность мѣстъ,
вражда Испаніи съ Англіею и Франціею,
мятежъ Нидерландскій, дряхлость Короля
Филиппа и новость Папы (Климента VIII)
мѣшаютъ общему союзу Державъ Хри-
стіанскихъ противъ Оттоманова [310], Импе-
раторъ послалъ однакожъ къ Ѳеодору, для Знат-
изъявленія благодарности, знатнаго Вельмо- ный
жу, Авраама Бургграфа *Донавскаго* [311], съ По-
Думнымъ Совѣтникомъ, Юріемъ Калемъ, съ солъ
двадцатью Дворянами и съ девяносто-двумя Ру-
слугами. доль-
фовъ.

Сіе Посольство удовлетворяло единствено

Г. 1592 — 97. чесполюбію Двора Московскаго своею пышноспію и пребовало съ его стороны такой же. Вельможа Австрійскій ѣхалъ изъ Ливоніи чрезъ Псковъ, видя во всѣхъ городахъ[312], на всѣхъ станахъ, множество людей, чисто одѣтыхъ и собранныхъ, по указу Царскому, изъ самыхъ дальнихъ мѣстъ, чтобы явить ему, сколь населена и богата Россія. Отъ границы до Москвы вездѣ встрѣчали и провожали его отряды воиновъ, на прекрасныхъ коняхъ; вездѣ находилъ онъ для себя покой съ роскошью, не имѣя только свободы: ибо за нимъ наблюдали неусыпно, чтобы скрыть отъ него истины, прискорбныя для самолюбія Россіянъ. Въ столицѣ везли сего знаменитаго гостя лучшими улицами, мимо лучшихъ зданій; отвели ему красивый домъ Князя Ноздроватаго; дали услугу Царскую; приносили, на золотѣ и серебрѣ, всѣ лакомства стола Русскаго, вмѣстѣ съ драгоцѣннѣйшими винами южной Европы[313]. Въ день представленія (22 Маія 1597) Дворъ Московскій сіялъ великолѣпіемъ чрезвычайнымъ. Бургграфъ, имѣя подагру, ѣхалъ въ Кремль не верхомъ, а въ открытомъ Нѣмецкомъ *возкѣ*[314]; предъ нимъ 120 всадниковъ, Дворянъ и Сотниковъ, въ блестящихъ доспѣхахъ. Ѳеодоръ принималъ его въ Большой Грановитой, *расписной* палатѣ, сидя на тронѣ, въ діадимѣ и съ скиптромъ: Годуновъ стоялъ подлѣ, съ державою. На правой лавкѣ сидѣли Царевичь Арасланъ-Алей,

сынъ Кайбулинъ, Мамепкулъ Сибирскій и Князь Ѳедоръ Мспиславскій; на лѣвой Уразъ-Магмепъ, Царевичь Киргизскій; далѣе Бояре, сыновья Господарей Молдавскаго и Волошскаго, Князья Служилые, Окольничіе, Крайчій, Оружничій (Бѣльскій), Дворяне Думные, Поспельничій, Спряпчій, 13 Спольниковъ, 200 Князей и Дворянъ; Дьяки же Думные въ *Золотой* Грановитой палатѣ. Императоръ прислалъ въ даръ Царю мощи Св. Николая, окованныя золотомъ, двѣ карепы, 12 саиниковъ, боевые часы съ органами, нѣсколько сосудовъ хруспальныхъ; Годунову кубокъ драгоцѣнный съ изумрудами, часы *стоячіе* и двухъ жеребцовъ съ бархатными попонами; а юному сыну его, Ѳеодору Борисовичу, обезьянъ и попугаевъ[315]; благодарилъ, равно ласково, и Царя и Правителя, который, чрезъ нѣсколько дней дозволивъ Послу быть особенно у себя въ домѣ, съ величіемъ Монарха *говорилъ* ему *слова милостивыя*[316], а Дворянамъ его давалъ цѣловать свою руку. 1592 — 97.

Но пышность и ласки не произвели ничего важнаго. Когда Австрійскій Вельможа, приступивъ къ главному дѣлу, объявилъ, что Рудольфъ еще ждетъ отъ насъ услугъ дальнѣйшихъ; что мы должны препятствовать впаденіямъ Хана въ Венгрію и миру Шаха съ Султаномъ; должны и впредь помогать казною Императору, въ срочное время, въ опредѣленномъ количествѣ, золотомъ

Г. 1592. — 97. или серебромъ, а не мѣхами, коихъ онъ не можетъ выгодно продавать въ Европѣ: тогда Бояре сказали рѣшительно, что Ѳеодоръ безъ взаимнаго, письменнаго обязательства Австріи не намѣренъ расточать для нее сокровищъ Россіи; что Посланникъ Государевъ, Нелѣньевъ, оставленъ въ Константинополѣ за наше вспоможеніе Рудольфу казною; что мы всегда обуздываемъ Хана, и давно бы утвердили союзъ Христіанской Европы съ Персіею, если бы Императоръ не манилъ насъ пустыми обѣщаніями[317]. — Вмѣстѣ съ симъ Посломъ былъ у насъ и гонецъ отъ Максимиліана, хотѣвшаго, чтобы Ѳеодоръ помогъ ему деньгами въ исканіи короны Польской: Максимиліану желали короны, но отказали въ деньгахъ — и Бургграфъ (въ Іюлѣ мѣсяцѣ) выѣхалъ изъ Москвы съ одною честію и съ дарами богатыми[318].

Легатъ Папскій въ Москвѣ.

Всего удивительнѣе, что Рудольфъ въ своей медленности извинялся *новостію* Папы, Климента VIII, а сей Папа тогда же присылалъ къ Ѳеодору, чрезъ Литву, именитаго Легата Александра Комулея, Аббата Моненскаго, и за тѣмъ же дѣломъ, убѣждая Царя избавить Державы Христіанскія отъ ига Мусульманов[319]. Комулей и Вельможа Австрійскій едва ли видѣлись другъ съ другомъ въ Москвѣ; по крайней мѣрѣ дѣйствовали или говорили безъ всякаго сношенія между собою. Съ обыкновенною тонкостію Римскаго Двора Папа льстилъ Царю и Россіи; представлялъ ему,

что Оттоманы могутъ, завоевавъ Венгрію, 1592
завоевать и Польшу съ Литвою; что они — 97.
уже и съ другой стороны касаются нашихъ
владѣній, покоривъ часть Грузіи и Персіи;
что Византійская и многія иныя Державы
пали отъ излишней любви къ миру, отъ
бездѣйствія и непредвидѣнія опасностей; что
Ѳеодору легко послать войско въ Молдавію
и взять Султановы города на берегахъ Чер-
наго моря, гдѣ ожидаетъ насъ и слава и бо-
гатая добыча; что мы лучше узнаемъ тамъ
искусство военное, ибо увидимъ, какъ Нѣмцы,
Венгры, Италіянцы сражаются и побѣжда-
ютъ Турковъ; что отъ насъ зависитъ при-
соединить къ Россіи земли счастливыя бла-
гораствореніемъ воздуха, выгодами есте-
ственными, красотою Природы, и чрезъ
Ѳракію открытъ себѣ путь къ самой Ви-
зантіи, наслѣдственному достоянію Госуда-
рей Московскихъ; что ревность Вѣры сбли-
жаетъ пространства; что Римъ и Мадритъ
далеки отъ Босфора, но что Константино-
поль увидитъ знамена Апостольскія и Фи-
липповы; что народы, угнетаемые Турками,
суть намъ братья по языку и Закону, что
время благопріятно: войско Оттоманское
разбито въ Персіи и въ Венгріи, а внутри
Турціи вездѣ мятежъ, и не осталось поло-
вины жителей. — Достойны замѣчанія и слѣ-
дующія мѣста наказа, даннаго Папою Лега-
ту: «Мы слышали, что Цари любятъ хва-
«литься своимъ мнимымъ происхожденіемъ

Г. 1592. —97. «опъ древнихъ Римскихъ Императоровъ и «даюпъ себѣ пышныя шипла: изъясни Бо- «ярамъ Московскимъ, чпо спепени въ до- «споинспвѣ или въ величіи Государей дол- «жны быпь упверждены нами, и въ при- «мѣръ наименуй Королей Польскихъ и Бо- «гемскихъ, обязанныхъ вѣнцемъ Первосвяпи- «телю Всемірной Церкви. Спарайся впеча- «плѣпь въ ихъ души благоговѣніе ко Главѣ «Христіанъ, мирныхъ и счастливыхъ нашею «духовною властію; доказывай, чпо испин- «ная Христова Церковь въ Римѣ, а не въ «Конспантинополѣ, гдѣ невѣрные Султаны «поргуюпъ саномъ рабовъ-Патріарховъ, чуж- «дыхъ благодапи Св. Духа; чпо зависѣпь «опъ мнимыхъ Пастырей Византійскихъ «есть зависѣпь опъ враговъ Спасителя, и «чпо Россія знаменитая доспойна лучшей «доли. Тебѣ, мужу ученому, извѣспно несо- «гласіе въ Догмапахъ Римской и Греческой «Вѣры: убѣждай Россіянъ въ испинѣ на- «шего Православія, сильно, но осторожно, «пѣмъ осторожнѣе, чпо они *весьма любятъ* «*точность*, и чпо пы, говоря ихъ соб- «спвеннымъ языкомъ, не можешь извинипь- «ся невѣдѣніемъ испиннаго разума словъ. «Но сколько имѣешь и выгодъ предъ всѣми «учипелями, посыланными къ нимъ изъ Ри- «ма въ печеніе семи вѣковъ, и незнакомыми «ни съ языкомъ, ни съ обычаями Россіи! «Если Господь благословипъ подвигъ пвой «успѣхомъ; если опкроешь пупь къ

«соединенію Вѣръ, по сердце наше упѣ- г.
«шится и славою Церкви и спасеніемъ душъ 1592
«безчисленныхъ». — Знаемъ, что съ симъ — 97.
наказомъ Клименповъ Посолъ былъ два раза въ Москвѣ (въ 1595 и 1597 году), но не знаемъ его переговоровъ, которые впрочемъ не имѣли важныхъ слѣдствій, уменьшивъ, какъ вѣроятно, надежду Рима на государственный и церковный союзъ съ Россіею, по крайней мѣрѣ до времени.

Обѣщая Императору, безъ сомнѣнія и Папѣ, вѣрнаго сподвижника въ Шахѣ Персидскомъ, мы дѣйствительно могли сдержать слово, возобновивъ съ нимъ дружелюбную связь. Уже сей знаменитый Шахъ, Аббасъ, гоповился къ дѣламъ славы, которыя доставили ему въ лѣтописяхъ имя Великаго; наслѣдовавъ Державу разстроенную слабостію Тамаса и Годабенда, возмущаемую кознями Удѣльныхъ Хановъ, стѣсненную завоеваніями Турковъ, хотѣлъ единственно временнаго мира съ послѣдними, чтобы утвердиться на престолѣ и смирить внутреннихъ мятежниковъ; старался узнать взаимныя отношенія Государствъ, самыхъ дальнихъ, и привѣтствуя за морями добраго союзника въ Королѣ Испанскомъ[520], видѣлъ еще надежнѣйшаго въ сильномъ Монархѣ Россійскомъ, коего владѣнія уже сходились съ Персидскими и съ Оттоманскими: новый Посолъ Шаховъ (въ 1593 году), Ази Хосревъ, вручивъ Царю ласковое письмо Аббасово, всего болѣе

Дружество Ѳеодора съ Шахомъ.

Г. 1592 —97. льстилъ Правителю, въ тайныхъ съ нимъ бесѣдахъ, пышными выраженіями восточными, говоря ему: «ты единою рукою держишь землю Русскую, а другую возложи «съ любовію на моего Шаха, и на вѣки у«шверди братство между имъ и Царемъ[321].» Борисъ отвѣчалъ скромно: «я только ис«полняю волю Самодержца; гдѣ его слово, «тамъ моя голова» — но взялся быть ревностнымъ ходатаемъ за Шаха. Изъясняя Годунову, что перемиріе, заключенное Персіею съ Турками, есть одна хитрость воинская, Посолъ сказалъ: «Чтобы усыпить ихъ, «Шахъ далъ имъ своего шестилѣтняго пле«мянника въ аманаты — или въ жертву: «пусть они зарѣжутъ младенца при пер«вомъ блескѣ нашей сабли! Тѣмъ лучше: «ибо грозный Аббасъ не любитъ ни пле«мянниковъ, ни братьевъ, готовя для нихъ «вѣчный покой въ могилѣ или мракъ осле«пленія въ темницѣ». Ази не клеветалъ на Шаха; но сей безжалостный истребитель единокровныхъ умѣлъ явить себя великимъ Монархомъ въ глазахъ Посла Ѳеодорова, Князя Андрея Звенигородскаго, коему надлежало узнать всѣ обстоятельства Персіи и замыслы Аббасовы. Князь Андрей (въ 1594 году) ѣхалъ чрезъ Гилянь, уже подвластную Шаху, который выгналъ ея Царя, Ахмета, обвиняемаго имъ въ вѣроломствѣ[322]. Вездѣ тишина и порядокъ доказывали неусыпную дѣятельность государствен-

кой власти; вездѣ чествли Посла, какъ Г. 1592.
въстника Ѳеодоровой дружбы къ Шаху. Аб- — 97.
басъ принялъ его въ Кашанѣ[323], окруженный блестящимъ Дворомъ, Царевичами и Вельможами, имѣя на бедрѣ осыпанную алмазами саблю, а подлѣ себя лукъ и стрѣлу; далъ ему руку, не предлагая цѣловать ноги своей; изъявлялъ живѣйшее удовольствіе; славилъ Царя и Годунова. Пиры и забавы предшествовали дѣламъ: днемъ гулянья въ садахъ, музыка, пляски, игры воинскія (въ коихъ самъ Аббасъ оказывалъ рѣдкое искусство, носясь вихремъ на борзомъ аргамакѣ своемъ и пуская стрѣлы въ цѣль); ввечеру потѣшные огни, яркое освѣщеніе садовъ, водометовъ, площади, красивыхъ лавокъ, гдѣ толпилось множество людей, и гдѣ раскладывались драгоцѣнности Азіатскія для прельщенія глазъ. Шахъ хвалился войскомъ, цвѣтущимъ состояніемъ художествъ и торговли, пышностію, великолѣпіемъ, и показывая Князю Звенигородскому свои новыя палаты, говорилъ: «ни отецъ, ни дѣдъ мой «не имѣли такихъ». Показывалъ ему и всѣ свои рѣдкія сокровища: *желтый яхонтъ*, вѣсомъ въ 100 золотниковъ, назначенный имъ въ даръ Царю, богатое сѣдло Тамерлаково, латы и шлемы работы Персидской[324]. За обѣдомъ, сидя съ нимъ рядомъ, Шахъ сказалъ: «Видишь ли Посла Индѣйскаго, сидя«щаго здѣсь ниже тебя? Монархъ его, Дже«ладдинъ Айберъ, владѣетъ странами неиз-

Г. 1592—97. «мѣримыми, едва ли не двумя препями на-
«селеннаго мира, но я уважаю твоего Царя
«еще болѣе». Начавъ бесѣдовать съ Княземъ
Андреемъ о дѣлахъ, Аббасъ удостовѣрялъ
его въ твердомъ намѣреніи изгнать нена-
вистныхъ Оттоманов изъ западныхъ обла-
стей Персіи, но прежде отнять Хоросанъ
у Царя Бухарскаго Абдулы, который овла-
дѣлъ имъ въ Годабендово несчастное время
и завоевалъ Хиву. «Я живу одною мыслію»,
говорилъ Аббасъ: «возстановить цѣлость и
«знаменитость древней Персіи. Имѣю 40,000
«всадниковъ, 30,000 пѣшихъ воиновъ, 6000
«стрѣльцевъ съ *огненнымъ боемъ*; смирю
«ближайшаго недруга, а послѣ и Султана:
«даю въ томъ клятву, довольствуясь искрен-
«нимъ обѣщаніемъ Государя Московскаго со-
«дѣйствовать, когда настанетъ время, у-
«спѣху сего великаго подвига, да раздѣлимъ
«славу и выгоду онаго?» Аббасъ соглашал-
ся[325] вступить въ сношеніе съ Австріею
чрезъ Москву (гдѣ Посолъ его видѣлся съ
Рудольфовымъ); безспорно уступалъ намъ
Иверію, но говорилъ: «Царь Александръ обма-
«нываетъ Россію, грубитъ мнѣ и тайно
«платитъ дань Султану.» Сынъ Алексан-
дровъ, Конспантинъ, находясь аманатомъ въ
Персіи, волею или неволею принялъ тамъ
Вѣру Магомепанскую и женился на Мусуль-
манкѣ: Шахъ въ угодность Ѳеодорову от-
пускалъ его въ Москву; но сей юный Князь
самъ не захотѣлъ ѣхать туда, сквозь сле-

зы сказавъ нашему Послу: «моя судьба уме- г.
«реть здѣсь въ честномъ рабствѣ!» Чтобы доказать оптмѣнную дружбу къ Россіи, 1592.
Аббасъ пріѣхалъ самъ нечаянно въ гости —97.
къ Князю Звенигородскому съ изгнанникомъ, Царемъ Хивинскимъ, Азимомъ, и съ первымъ своимъ Министромъ Фергатъ-Ханомъ, пилъ у него вино и медъ (любя часто быть навеселѣ, вопреки Магомету), внимательно разсматривалъ иконы Богоматери и Св. Николая, и взявъ отъ хозяина въ даръ черную лисью шапку, отдарилъ его щедро прекраснымъ аргамакомъ и образомъ Дѣвы Маріи, писаннымъ на золотѣ въ Персіи съ Фряжской иконы, которая была прислана Шаху изъ Ормуса[326]. Въ подтвержденіе всего сказаннаго Андрею Звенигородскому, Аббасъ послалъ съ нимъ въ Москву одного изъ Вельможъ своихъ, Кулыя; а Ѳеодоръ къ Шаху Князя Василья Тюфякина[327] съ образцовою договорною грамотою, въ томъ смыслѣ, чтобы имъ быть вѣрными союзниками и братьями, общими силами выгнать Турокъ изъ земель Каспійскихъ, Россіи взять Дербентъ съ Бакою, Персіи Ширванскую область. Но Тюфякинъ и Дьякъ его умерли на пути: о чемъ долго не знали въ Москвѣ, и сношенія съ Аббасомъ, занятымъ тогда счастливою для него войною Бухарскою, прервалися до новаго царствованія въ Россіи.

По крайней мѣрѣ Шахъ уступилъ намъ Иверію: до времени не споря объ ней съ

Г. 1592. —97. Султаномъ явно, Ѳодоръ хотѣлъ упвердить свое право на имя ея верховнаго Благодѣтеля усмиреніемъ жестокаго врага Александрова, Шавкала, и еще два раза посылалъ на него Воеводъ, Князей Григорія Засѣкина и Андрея Хворостинина: опъ перваго бѣжалъ Шавкалъ въ неприступныя горы; второму надлежало довершить покореніе сей земли Дагестанской, соединившись въ ней съ войскомъ Иверскимъ, съ сыномъ Александровымъ, Юріемъ, взять ея столицу, Тарки, чтобы отдать ее шестю Юріеву, другому Князю Дагестанскому[328]. Князь Хворостининъ пришелъ и взялъ Тарки; но не встрѣтилъ ни сына, ни свата Александрова: ждалъ ихъ тщетно; непрестанно бился съ горными жителями, ежедневно слабѣлъ въ силахъ, и долженъ былъ, разоривъ Тарки, бѣжать назадъ въ Терскую крѣпость: не менѣе трехъ тысячь Россіянъ легло, какъ пишутъ, въ горахъ и дебряхъ. Сей случай могъ быть поставленъ въ вину Александру: Царь изъявилъ ему удивленіе, для чего сынъ и сватъ его не соединились съ нашимъ Воеводою? Александръ извинялся непроходимостію горъ; а Ѳеодоръ благоразумно замѣтилъ ему, что если разбойникъ Шавкалъ находитъ путь въ Иверію, то и войско Иверское могло бы найти путь въ землю Шавкала. Однакожъ терпѣливая, хладнокровная Политика не измѣнилась опъ сей досады, ни опъ скупостію Александра въ платежѣ намъ дани: «казна моя истощена» (говорилъ онъ) «сва-

Походъ на Шавкалы.

«бою моей дочери, вышедшей за Князя Да- Г.
«дьянскаго, и многими дарами, коихъ пребу- 1592
«ютъ опъ меня сильные Цари Мусульман- — 97.
«скіе»[329]. Узнавъ, что Александръ примирился съ зятемъ своимъ, Симеономъ, будто бы въ услугу Россіи, Царь писалъ къ первому: «вѣрю твоему усердію, и еще болѣе повѣ- «рю, если склонишь Симеона быть нашимъ «присяжникомъ». Обманывалъ ли Александръ Россію, какъ сказалъ Шахъ Аббасъ Князю Звенигородскому? Нѣтъ, онъ былъ только слабымъ между сильными: безъ сомнѣнія искренно предпочиталъ власть Россіи власти Оттоманской и Персидской: надѣялся, ободрялся; но видя, что мы не хотимъ или не можемъ прислать въ Иверію войска достаточнаго для обороны ея, хладѣлъ въ усердіи къ намъ; не слагалъ съ себя имени Россійскаго данника, но действительно платилъ дань Султану (шелкомъ и конями), убѣждая Ѳеодора защитить Иверію хотя со стороны Дагестана, гдѣ Московскіе Воеводы основали иногда новыя крѣпости на берегу Койсы, чтобы стѣснить Шавкала и загладить неудачу Князя Хворостинина.

Сверхъ Иверіи и Князей Черкесскихъ или Кабардинскихъ, подвластныхъ Россіи — сверхъ Ногаевъ, также нашихъ присяжниковъ, хотя и не всегда вѣрныхъ[330] — Ѳеодоръ съ 1595 года объявилъ себя Владыкою и многолюдной Орды Киргизской: Ханъ ея, Тевкель, име-

Г. 1592 — 97. нуясь *Царемъ Казацкимъ и Калмацкимъ*, добровольно ему поддался, моля единственно о свободѣ племянника своего, Уразъ-Магмета, взятаго нами вмѣстѣ съ Сибирскимъ Княземъ, Сейдякомъ. Ѳеодоръ обѣщалъ Тевкелю милость, защиту и снарядъ огнестрѣльный; соглашался отпустить къ нему племянника, но требовалъ отъ него сына въ аманаты. Кромѣ чести быть *Царемъ Царей*, Ѳеодоръ ожидалъ и пользы отъ новаго слуги Россійскаго: нашъ злодѣй, изгнанникъ Сибирскій, Кучюмъ, скитался въ степяхъ Киргизскихъ: мы хотѣли, чтобы Тевкель истребилъ или представилъ его въ Москву и воевалъ Бухарію, ибо Царь ея, Абдула, покровительствовалъ Кучюма и въ своихъ письмахъ грубилъ Ѳеодору. — Такъ Политика наша дѣйствовала въ Азіи, чтобы утвердить власть Россіи надъ Востокомъ.

Сношенія съ Даніею и съ Англіею.

Въ Европѣ мы сносились еще съ Даніею и съ Англіею: съ первою о границахъ въ Лапландіи, со второю о торговлѣ. Фридерикъ Датскій, желая означить вѣрный предѣлъ нашего и своего владѣнія во глубинѣ Сѣвера, между Колою и Варгавомъ, присылалъ туда чиновника, Керстена Фриза[331]; но онъ уѣхалъ назадъ, не хотѣвъ ждать Посла Московскаго, Князя Ивана Боряпинскаго. Новый Король, сынъ Фридериковъ, Христіанъ IV, изъявивъ Ѳеодору желаніе быть съ нимъ *въ крѣпкой любви*, также условился о съѣздѣ Пословъ въ Лапландіи, и также

безплодно. Воевода, Князь Семенъ Звенигородскій, и Намѣстникъ Болховскій, Григорій Васильчиковъ, (въ 1592 году) долго жили въ Колѣ и не могли дождаться Христіановыхъ Повѣренныхъ. Съ обѣихъ сторонъ извинялись дальностію и невѣрностію пути, бурями и снѣгами; съ обѣихъ сторонъ узнали по крайней мѣрѣ, отъ старожиловъ Кольскихъ и Варгавскихъ, древнюю межу Норвегіи съ Новогородскою Лопью; велѣли жителямъ прекратить споры, торговать мирно и свободно, впредь до общаго, письменнаго условія между Царемъ и Королемъ. Ѳеодоръ, въ удовольствіе Христіану, далъ слово освободить нѣкоторыхъ плѣнниковъ, взятыхъ Россіянами въ набѣгѣ Датчанъ на Уѣздъ Колмогорскій, и писалъ о томъ къ начальникамъ Астрахани, Терской крѣпости и Сибири, куда ссылались военоплѣнные. Однимъ словомъ, Данія снова искала нашей дружбы, уже не мысля препятствовать морской торговлѣ Россіи съ Англіею. г. 1592 — 97.

Сія важная торговля едва было не прервалася отъ взаимныхъ досадъ Англійскаго и нашего Правительства. Мы жаловались на обманы Лондонскихъ купцевъ и требовали съ нихъ около полумилліона нынѣшнихъ рублей[552], взятыхъ ими въ долгъ изъ Царской казны, у Годунова, у Бояръ и Дворянъ; а купцы запирались въ семъ долгѣ, слагали его другъ на друга, и жаловались на притѣсненія. Царь (въ 1588 году) впорично посылалъ

Г. 1592 — 97. Бекмана въ Лондонъ для объясненія съ Елисаветою, которая долго не могла видѣть его, оплакивая смерть человѣка, нѣкогда милаго ея сердцу: Графа Лейстера; наконецъ приняла толмача Россійскаго съ великою милостію: отошла съ нимъ въ уголъ комнаты и бесѣдовала тихо; пеняла ему безъ гнѣва, что онъ, года за четыре передъ тѣмъ гулявъ и бесѣдовавъ съ нею въ саду, будто бы въ донесеніи къ Царю назвалъ сіе увеселительное мѣсто низкимъ именемъ огорода; спрашивала о здоровьѣ Годунова; увѣряла, что все сдѣлаетъ изъ дружбы къ Ѳеодору, но объявила новыя требованія, съ коими пріѣхалъ въ Москву Докторъ Флетчеръ. Сей болѣе ученый, нежели знатный Посланникъ именемъ Елисаветы предложилъ нашей Думѣ слѣдующія статьи:

«Королева желала бы заключить тѣсный
«союзъ съ Царемъ; но Океанъ между ими:
«дальность, препятствуя государственному
«союзу, не мѣшаетъ однакожъ любви сер-
«дечной: такъ отецъ Ѳеодоровъ, Государь
«славный и мудрый, всегда являлъ себя истин-
«нымъ братомъ Елисаветы, которая хочетъ
«быть нѣжною сестрою и Великаго сына
«его. Сія любовь, хотя и безкорыстная, пи-
«шется частыми сношеніями Вѣнценосцевъ
«о дѣлахъ купеческихъ: если гостей Англій-
«скихъ не будетъ въ Россіи, то Королева
«и не услышитъ о Царѣ; а долговременная

«безвѣстносnь не охладитъ ли взаимнаго Г. 1592.
«дружествa? —97.

«Для утвержденія сей, ея сердцу пріятной связи, Королева молитъ Царя, чтобы «онъ указалъ: 1) основательнѣе разсмотрѣть «дѣло о сомнительномъ долгѣ купцевъ Лондонскихъ; 2) судить ихъ только Великому «Боярину Годунову, благотворителю Англичанъ; 3) давать имъ, какъ было въ царствованіе Іоанново, свободный путь изъ «Москвы въ Бухарію, въ Шамаху и въ Персію, безъ задержанія и безъ всякаго осмотра «товаровъ въ Казани и въ Астрахани; 4) «Царскимъ сановникамъ не брать у нихъ ничего силою, безъ платежа денегъ; 5) отмѣнить всякую заповѣдь въ товарахъ, покупаемыхъ Англичанами въ Россіи; 6) способствовать имъ въ отысканіи земли Китайской, давать вожатыхъ, суда и лошадей «на всѣхъ дорогахъ; 7) безъ писменнаго вида «отъ Елисаветы не пускать никакихъ гостей въ пристани между Варгавомъ и «Двинскимъ устьемъ, ни въ Новгородъ[533]; «8) денежнымъ Россійскимъ масперамъ безпошлинно переливать ефимки для купцевъ «Лондонскихъ; 9) ни въ какихъ преступленіяхъ не пытать Англичанъ, но отсылать «къ ихъ Старостѣ или Прикащику, или въ «Англію для казны; 10) никого изъ нихъ «не безпокоить въ разсужденіи Вѣры. — «Симъ докажетъ Царь любовь къ Елисавету.»

Г. 1592 — 97. Бояре написали въ отвѣтъ: «Государь «нашъ, благодаря Королеву за доброе къ не- «му расположеніе, самъ искренно желаетъ «ея дружбы, подобно своему Великому роди- «телю; но не можетъ согласиться съ тѣмъ, «чтобы взаимная любовь Вѣнценосцевъ пи- «талась дѣлами купечества, и чтобы безъ «торговли они уже не имѣли средствъ сно- «ситься другъ съ другомъ. Такія выраженія «непристойны[554]. Царь хочетъ жить въ «братствѣ съ знаменитыми Монархами, съ «Султаномъ, Императоромъ, Королями Испан- «скимъ, Французскимъ, съ Елисаветою и со «всѣми, не для выгоды купцевъ, а для своего «*обычая государственнаго*. Въ удовольствіе «Елисавегѣ онъ жаловалъ гостей Лондон- «скихъ, которые, забывъ его милости, на- «чали жить обманомъ, не платить долговъ, «ѣздить тайно въ другія земли какъ лазут- «чики, въ письмахъ злословить Россію, пре- «граждать путь иноземнымъ кораблямъ къ «Двинскому устью — однимъ словомъ, за- «служивали казнь по уставамъ всѣхъ Госу- «дарствъ; но Царь, изъ уваженія къ Коро- «левѣ, щадилъ преступниковъ, и писалъ къ «ней о дѣлахъ ихъ; щадитъ и теперь: се «его воля!

«1) Хотя долгъ купцевъ Лондонскихъ ни «мало не сомнителенъ; хотя сіе дѣло было «уже основательно разсмотрѣно въ Царскомъ «Совѣтѣ: но Государь изъ великодушія «уступаетъ имъ половину, пребуя, чтобы

«они немедленно заплапили 12 тысячь ру- г.
«блей[335]. — 2) Неприспойно самому Великому, 1592
«Ближнему Боярину и шурину Царскому — 97.
«судипь купцевъ: ему ввѣрено Государспво;
«безъ его вѣдома ничего не дѣлаепся: но су-
«дипь Англичанъ будупъ люди Приказные,
«а ему полько докладывапь. — 3) Изъ осо-
«бенной любви къ сесприѣ своей, Елисавепѣ,
«Государь дозволяепъ Англичанамъ ѣздипь
«чрезъ Россію въ Бухарію и въ Персію, не
«плапя пошлины съ поваровъ, хопя дру-
«гимъ иноземцамъ и не велѣно ни за верспу
«ѣздипь далѣе Москвы. — 4) Онъ не пер-
«пипъ, чпобы въ его землѣ силою опнимали
«чужую собспвенноспь, у кого бы по ни
«было. — 5) Завѣпа нѣпъ и не будепъ для
«госпей Лондонскихъ въ покупкѣ нашихъ
«поваровъ, кромѣ воска, вымѣниваемаго ино-
«земцами въ Россіи единспвенно на *ямугу*,
«или на зелье и сѣру[336]. — 6) Невозможно
«Царю пускапь иноземцевъ чрезъ Россію для
«опыскапія другихъ Государспвъ. — 7) Уди-
«випельно, чпо Королева снова объявляепъ
«пребованіе сполъ неблагоразумное и не-
«дружелюбное: мы сказали и повпоряемъ,
«чпо въ угодноспь Англіи не запворимъ
«своихъ приспаней и не измѣнимъ напего
«закона въ порговлѣ: свободы. — 8) Англи-
«чане вольны дѣлапь деньги, плапя извѣсп-
«ную пошлину, какъ и Россіяне. — 9) Ника-
«кихъ чужеспранцевъ не пыпаюпъ въ Рос-
«сіи: Англичанъ же, обвиняемыхъ въ са-

Г. 1592—97. «мыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, отдаютъ «ихъ Спароспамъ. — 10) До Вѣры нѣтъ и «дѣла Государю нашему: всякой мирно и спо- «койно живетъ въ своей, какъ всегда у насъ «бывало и будетъ.»

Посолъ, еще не довольный сими отвѣтами на каждую статью его бумаги, требовалъ свиданія съ Годуновымъ, и писалъ къ нему: «Мужъ Свѣтлѣйшій! Королева велѣла мнѣ «*бить тебѣ челомъ отъ сердца.* Она знаетъ «благоволеніе твое къ ея народу и любитъ «тебя болѣе всѣхъ Государей Христіанскихъ. «Не смѣю докучать тому, на комъ лежитъ «все Царство; но возрадуюся душею, если «дашь мнѣ видѣть *пресвѣтлыя* очи твои: «ибо ты *честь и слава Россіи*[337].» Не взирая на лесть, Флетчеръ не имѣлъ совершеннаго успѣха, и въ новой жалованной грамотѣ, данной тогда Лондонскимъ купцамъ, упоминается о пошлинахъ, хотя и легкихъ[338]. Годуновъ не взялъ и даровъ Королевы: «для «того» (писалъ онъ къ Елисаветѣ) «что ты, «какъ бы въ знакъ неуваженія къ Великому «Царю, прислала ему въ даръ мелкія золо- «тыя монеты.» Къ сильнѣйшему негодованію нашего Двора, явился въ Москвѣ новымъ Посланникомъ отъ Елисаветы Іеронимъ Горсей, нѣкогда любимый Іоанномъ и Борисомъ, но въ 1588 году изгнанный изъ Россіи за умыселъ препятствовать торговлѣ Нѣмцевъ въ Архангельскѣ[339]: Царь не хотѣлъ видѣть его, ни Правитель; а Королева писала

къ Борису, что она не узнаетъ въ немъ своего бывшаго друга; что Англичане, гонимые Андреемъ Щелкаловымъ, уже не находятъ заступника въ Россіи и должны навсегда оставить ее. Сія угроза, можетъ быть, произвела дѣйствіе: ибо Годуновъ зналъ всю пользу Англійской торговли для Россіи, для нашего обогащенія и самаго гражданскаго образованія; зналъ, что Іоаннъ III уже не могъ исправить своей ошибки, чрезмѣрною строгостію выгнавъ купцевъ Ганзейскихъ изъ Новагорода. Годуновъ же, какъ увѣряютъ[340], любилъ Англичанъ болѣе всѣхъ иныхъ Европейцевъ, особенно уважая хитрую Елисавету, которая, жалуясь и грозя, не переставала изъявлять дружество къ Ѳеодору и въ доказательство того запретила книгу, изданную (въ 1591) Флетчеромъ о Россіи, оскорбительную для Царя и писанную вообще съ нелюбовію къ нашему отечеству[341]. Можетъ быть, и смерть знаменитаго Царскаго сановника, ненавистнаго Англичанамъ, благопріятствовала ихъ успѣху: около 1595 года[342] не стало Ближняго, Великаго Дьяка, Андрея Щелкалова (главнаго дѣльца Россіи въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, угоднаго Іоанну и Борису отличными способностями, умомъ гибкимъ и лукавымъ, совѣстію неупрямою, смѣсію достохвальныхъ и злыхъ качествъ, нужною для слуги *такихъ* Властителей); а въ началѣ 1596 года Елисавета уже благодарила Царя за *добродѣтельную* любовь къ ней, за новую милостивую грамоту, дан- 1592 — 97.

Г. ную имъ Лондонскому купечеспву съ правомъ
1592 вольной, неограниченной, *безпошлинной* пор-
— 97. говли во всей Россіи[345], хваля мудроспь на-
шей Государспвенной Думы (въ коей Васи-
лій Щелкаловъ занялъ мѣспо брапа своего,
Андрея, называясь съ сего времени Ближнимъ
Дьякомъ и Печапникомъ). Елисавепа въ дру-
гомъ письмѣ къ Годунову опровергала кле-
вепу, для нее чувспвипельную, изъяснялась
шакими словами: «Ты, испинный благодѣпель
«Англичанъ въ Россіи, единспвенный винов-
«никъ правъ и выгодъ, данныхъ имъ Царемъ,
«пайно извѣспилъ меня, чпо Послы Импе-
«рапора и Папы, будучи въ Москвѣ, вымы-
«слили гнусную ложь о моемъ мнимомъ союзѣ
«съ Турками пропивъ Державъ Христіан-
«скихъ: пы не вѣрилъ ей — и не вѣрь.
«Нѣпъ, я чиспа предъ Богомъ и въ совѣ-
«спи, всегда искренно желавъ добра Хри-
«спіанспву. Спросипе у Короля Польскаго,
«кпо доспавилъ ему миръ съ Сулпаномъ?
«Англія. Спросипе у самого Имперапора, не
«спаралась ли я удалипь бѣдспвіе войны
«опъ его Державы? Онъ благодарилъ меня,
«но хопѣлъ войны: теперь жалѣепъ о помъ,
«къ несчасптію поздно! Сановникъ мой жи-
«вепъ въ Конспантинополѣ единспвенно
«для выгодъ нашей порговли и для осво-
«божденія Христіанскихъ узниковъ. — Папа
«ненавидипъ меня за Короля Испанскаго,
«непримиримаго врага Англіи, сильнаго
«флопами и богапспвами обѣихъ Индій, но
«смиреннаго мною въ глазахъ всей Западной

«Европы. Надѣюсь и впредь на милоспь Г. 1592
«Божію, копорою да благоденспвуепъ и Рос- — 97.
«сія!»

Таковы были послѣднія дѣйспвія Ѳеодоровой внѣшней Полипики, ознаменованныя умомъ Годунова. Изъ дѣлъ внупреннихъ сего времени доспопамяпно слѣдующее:

Мы знаемъ, чпо крепспьяне искони имѣли въ Россіи гражданскую свободу, но безъ собспвенноспи недвижимой: свободу въ назначенный закономъ срокъ[344] переходипь съ мѣспа на мѣспо, опъ владѣльца къ владѣльцу, съ условіемъ обрабопывапь часпь земли для себя, другую для господина, или плапипь ему оброкъ. Правипель видѣлъ невыгоды сего перехода, копорый часпо обманывалъ надежду земледѣльцевъ сыскапь господина лучшаго, не давалъ имъ обживапься, привыкапь къ мѣспу и къ людямъ для успѣховъ хозяйспва, для духа общеспвеннаго, — умножалъ число бродягъ и бѣдноспь: пуспѣли села и деревни, оспавляемыя *кочевыми* жипелями[345]; домы обипаемые, или хижины, падали опъ нерадѣнія хозяевъ временныхъ. Правипель хвалился льгопою, данною имъ соспоянію земледѣльцевъ въ опчинахъ Царскихъ и, можепъ быпь, въ его собспвенныхъ[346]: безъ сомнѣнія желая добра не полько владѣльцамъ, но и рабопникамъ сельскимъ — желая упвердипь между іими союзъ неизмѣнный, какъ бы семейспвенный, основанный на единспвѣ

Законъ объ укрѣпленіи крестьянъ и слугъ.

Г. 1592—97. выгодъ, на благосостоянiи общемъ, нераздѣльномъ — онъ въ 1592 или въ 1593 году[347] закономъ уничтожилъ свободный переходъ крестьянъ изъ волости въ волость, изъ села въ село, и навѣки укрѣпилъ ихъ за господами. Что было слѣдствiемъ? негодованiе знатной части народа и многихъ владѣльцевъ богатыхъ. Крестьяне жалѣли о древней свободѣ, хотя и часто бродили съ нею бездомками отъ юныхъ лѣтъ до гроба, хотя и не спасались ея правомъ отъ насилiя господъ временныхъ[348], безжалостныхъ къ людямъ, для нихъ непрочнымъ; а богатые владѣльцы, имѣя не мало земель пустыхъ, липались выгоды населять оныя хлѣбопашцами вольными, коихъ они сманивали отъ другихъ вотчинниковъ или помѣщиковъ[349]. Тѣмъ усерднѣе могли благодарить Годунова владѣльцы менѣе избыточные, ибо уже не спрашивались запустѣнiя ни деревень, ни полей своихъ отъ ухода жителей и работниковъ. — Далѣе откроется, что Законодатель благонамѣренный, предвидѣвъ, вѣроятно, удовольствiе однихъ и неудовольствiе другихъ, не предвидѣлъ однакожь всѣхъ важныхъ слѣдствiй сего новаго устава, дополненнаго указомъ 1597 года, о непремѣнномъ возвращенiи бѣглыхъ крестьянъ, съ женами, съ дѣтьми и со всѣмъ имѣнiемъ, господамъ ихъ, отъ коихъ они ушли въ течение послѣднихъ пяти лѣтъ, избывая крѣпостной неволи[350]. — Тогда же вышелъ указъ, чтобы всѣ Бояре,

Князья, Дворяне, люди воинскіе, Приказные и торговые явили крѣпостпи на своихъ холопей, имъ служащихъ или бѣглыхъ, для записанія ихъ въ книги Приказа Холопьяго, коему велѣно было дать господамъ кабалы и на людей *вольныхъ*, если сіи люди *служили* имъ не менѣе *шести мѣсяцевъ*; то есть, Законодатель желалъ угодить господамъ, не боясь оскорбить бѣдныхъ слугъ, ни справедливости: но подтвердилъ вѣчную свободу отпущениковъ съ женами и съ дѣтьми обоего пола. Г. 1592—97.

Защитивъ Югъ Россіи новыми твердынями, Борисъ для безопасности нашей границы Литовской въ 1596 году основалъ каменную крѣпость въ Смоленскѣ, куда онъ самъ ѣздилъ, чтобы назначить мѣста для рвовъ, стѣнъ и башенъ. Сіе путешествіе имѣло и цѣль иную: Борисъ хотѣлъ плѣнить жителей Западной Россіи своею милостію; вездѣ останавливался, въ городахъ и селахъ; снисходительно удовлетворялъ жалобамъ, раздавалъ деньги бѣднымъ, угощалъ богатыхъ. Возвратясь въ Москву, Правитель сказалъ Царю, что Смоленскъ будетъ *ожерельемъ Россіи*. «Но въ семъ *ожерельѣ*» (возразилъ ему Князь Трубецкій) «могутъ завестися «насѣкомые, коихъ мы не скоро выживемъ[251]:» *слово достопамятное!* говоритъ Лѣтописецъ: *оно сбылося: ибо Смоленскъ, нами укрѣпленный, сдѣлался твердынею Литвы.* — Ѳеодоръ послалъ туда каменщиковъ изо всѣхъ горо- Новая крѣпость въ Смоленскѣ.

*

Г. довъ, ближнихъ и дальнихъ. Спроеніе кончи-
1592 лось въ 1600 году.
— 97.

Москва украсилась зданіями прочными. Въ 1595 году, въ опсупспвіе Ѳеодора, ѣздившаго въ Боровскую Обитель Св. Пафнутія, сгорѣлъ весь Кипай-городъ; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ возспалъ изъ пепла съ новыми каменными лавками и домами[382], но едва было снова не сдѣлался жертвою огня и злодѣйспва, копорое изумило Москвипянъ своею безбожною дерзостію. Нашлись изверги, и люди чиновные: Князь Василій Щепинъ, Дворяне Лебедевъ, два Байкова, опецъ съ сыномъ, и другіе; тайно условились зажечь сполицу, ночью, въ разныхъ мѣспахъ, и въ общемъ смятеніи расхитить богатую казну, хранимую у церкви Василія Блаженнаго[383]. Къ счастію, Правипельспво узнало о семъ заговорѣ; схватили злодѣевъ и казнили: Князю Щепину и Байковымъ опсѣкли головы на лобномъ мѣспѣ; иныхъ повѣсили или на всю жизнь заключили. Сія казнь произвела сильное впечатлѣніе въ Московскомъ народѣ, уже опвыкавшемъ опъ зрѣлищъ кровопролитія: гнушаясь адскимъ умысломъ, онъ живо чувспвовалъ спасительный ужасъ законовъ для обузданія преспупниковъ.

Зажигальщики.

Ревностная, благопворная дѣяпельноспь верховной власпи оказывалась въ разныхъ бѣдспвенныхъ случаяхъ. Многіе города, опустошенные пожарами, были вновь выспрое-

ны иждивеніемъ Царскимъ[354]; гдѣ не родился хлѣбъ, шуда немедленно доспавляли его изъ мѣспъ изобильныхъ; во время заразишельныхъ болѣзней учреждались заспавы: лѣпописи около 1595 года упоминаюпъ о сильномъ морѣ во Псковѣ, гдѣ осталось шакъ мало жишелей, что Царь велѣлъ перевесши шуда мѣщанъ изъ другихъ городовъ. — Внупреннее спокойсшвіе Россіи было нарушено впаденіемъ Крымскихъ разбойниковъ въ области Мещерскую, Козельскую, Воропынскую и Перемышльскую: Калужскій Воевода, Михайло Безнинъ, вспрѣшился съ ними на берегахъ Высы и побилъ ихъ на голову[355]. г. 1592. — 97 Моръ.

Дворъ Московскій опличался благолѣпіемъ. Не одни любимцы Державнаго, какъ бывало въ грозные дни Іоанновы, но всѣ Бояре и мужи государспвенные ежедневно, упромъ и ввечеру[356], собирались въ Кремлевскихъ палашахъ, видѣшь Царя и съ нимъ молишься, засѣдашь въ Думѣ (при раза въ недѣлю, кромѣ чрезвычайныхъ надобносшей: въ Понедѣльникъ, въ Среду и въ Пяшницу, опъ семи часовъ упра до десяши и болѣе), или принимашь иноземныхъ Пословъ, или пользко бесѣдовашь другъ съ другомъ. Обѣдашь, ужинашь возвращались домой, кромѣ двухъ или прехъ Вельможъ, изрѣдка приглашаемыхъ къ сполу Царскому [357]: ибо Ѳеодоръ, слабый и недужный, оспмѣнилъ упомишельныя, многолюдныя прапезы временъ своего опца, дѣда и прадѣда; рѣдко обѣдалъ и съ Дворъ Царскій.

г. 1592. — 97. Послами. Пышность Двора его увеличивало присутствіе нѣкоторыхъ знаменитыхъ изгнанниковъ Азіи и Европы: Царевичь Хивинскій, Господари Молдавскіе (Стефанъ и Димитрій), сыновья Волошскаго, родственникъ Императоровъ Византійскихъ, Мануилъ Мускополовичь, Селунскій Вельможа Димитрій, и множество благородныхъ Грековъ являлись у трона Ѳеодорова, вмѣстѣ съ другими чиновными иноземцами, которые искали службы въ Россіи. — Предъ дворцемъ стояло обыкновенно 250 Стрѣльцевъ, съ заряженными пищалями, съ фитилями горящими. Внутреннею стражею палатъ Кремлевскихъ были 200 знатнѣйшихъ Дѣтей Боярскихъ, называемыхъ Жильцами: они, смѣняясь, ночевали всегда въ передней комнатѣ отъ спальни Государевой, а въ первой и второй ближніе царедворцы, Постельничій и товарищи его, называемые *Спальниками*; каждую дверь стерегъ истопникъ, зная, кто имѣлъ право входить въ оную. Все было устроено для порядка и важности[13]

Приближаясь къ мѣтѣ, Годуновъ болѣе и болѣе старался обольщать людей наружностію государственныхъ и человѣческихъ добродѣтелей; но, буде преданіе не ложно, еще умножилъ свои тайныя злодѣянія новымъ. Такъ называемый Царь и Великій Князь Тверскій Симеонъ, женатый на сестрѣ Боярина Ѳедора Мстиславскаго, сни-

Ослѣпленіе Царя Симеона.

скавъ милость Іоаннову вѣрною службою и принятіемъ Христіанскаго Закона, имѣвъ въ Твери пышный Дворъ и власть Намѣстника съ какими-то правами Удѣльнаго Князя[559], долженъ былъ въ царствованіе Ѳеодорово выѣхать отпуда и жить уединенно въ селѣ своемъ Кушалинѣ. Не знаменитый ни разумомъ, ни мужествомъ, онъ слылъ однакожь благочестивымъ, смиреннымъ въ счастіи, великодушнымъ въ ссылкѣ, и казался опаснымъ Правителю, нося громкое имя Царское и будучи зятемъ перваго родобаго Вельможи. Борисъ въ знакъ ласки прислалъ къ нему, на имянины, вина Испанскаго: Симеонъ выпилъ кубокъ, желая здравія Царю, и чрезъ нѣсколько дней *ослѣпъ*, будто бы отъ ядовитаго зелія, смѣшеннаго съ симъ виномъ: такъ говоритъ Лѣтописецъ; такъ говорилъ и самъ несчастный Симеонъ Французу Маржерету. По крайней мѣрѣ сіе ослѣпленіе могло быть полезно для Бориса: ибо государственныя бумаги слѣдующихъ временъ Россіи доказываютъ, что мысль возложить вѣнецъ Мономаховъ на голову Татарина не всѣмъ Россіянамъ казалась тогда нелѣпою[560]. 1592. — 97 г.

Обратимъ взоръ, въ послѣдній разъ, на самого Ѳеодора. И въ цвѣтущей юности не имѣвъ иной важной мысли, кромѣ спасенія души, онъ въ сіе время еще менѣе заботился о мірѣ и Царствѣ; ходилъ и ѣздилъ изъ Обители въ Обитель, благотворилъ

Г. 1592 — 97. ницимъ и Духовенспву, особенно Греческимъ Монахамъ, Іерусалимскимъ, Пелопоннесскимъ и другимъ, копорые приносили къ намъ драгоцѣнноспи свяпыни (однѣ не расхищенныя Турками!): креспы, иконы, мощи. Многіе изъ сихъ бѣдныхъ изгнанниковъ оспавались въ Россіи: Кипрскій Архіепископъ Игнапій жилъ въ Москвѣ; Арсеній Элласонскій, бывъ у насъ вмѣспѣ съ Папріархомъ Іеремією, возвращился и начальспвовалъ надъ Суздальскою Епархіею. — Θеодоръ съ радоспію свѣдалъ о явленіи въ Угличѣ нетлѣнныхъ мощей[361] Князя Романа Владиміровича (внука Конспантинова), и душевно оскорбился бѣдспвіемъ знаменипой Обипели Печерской Нижегородской, гдѣ спасались нѣкогда Угодники Божіи, Діонисій Суздальскій, ученикъ его Евфимій и Макарій Желповодскій или Унженскій[362]: гора, подъ копорою споялъ монаспырь, вдругъ съ прескомъ и колебаніемъ двинулась къ Волгѣ, засыпала и разрушила церковь, келліи, ограду. Сія гибель мѣспа свяпаго поразила воображеніе людей суевѣрныхъ и названа въ лѣтописи *великимъ знаменіемъ* пого, чпо ожидало Россію, — чего ожидалъ и Θеодоръ, замѣпно слабѣя здравіемъ. Пишупъ, чпо онъ (въ 1596 году) поржесшвенно перекладывая мощи Алексія Мишрополипа въ новую серебряную раку, велѣлъ Годунову. взяпь ихъ въ руки, и взирая на него съ печальнымъ умиленіемъ, сказалъ: «Осязай свяпыню, Правипель народ

Святители Греческіе въ Москвѣ.

Разрушеніе Печерской Обипели.

«Христіанскаго! управляй имъ и впредь съ рев-
«ностію. Ты доспигнешь желаемаго; но все суе-
«па и мигъ на землѣ[363]!» Ѳеодоръ предчувспво-
валъ близкій конецъ свой, и часъ наспалъ.

Г. 1592 — 97. Слово Ѳеодорово Годуновъ.

Нѣпъ, не вѣримъ преданію ужасному, чпо Годуновъ будпо бы ускорилъ сей часъ оправою[364]. Лѣтописцы досповѣрнѣйшіе молчапъ о помъ, съ праведнымъ омерзѣніемъ изобличая всѣ иныя злодѣйства Борисовы. Признапельноспь смиряепъ и льва яросптнаго[365]; но если ни свяпоспь Вѣнценосца, ни свяпоспь благопворипеля не могли оспановипь изверга, по онъ еще могъ бы оспановиться, видя въ бренномъ Ѳеодорѣ явную жерпву скорой еспеспвенной смерпи, и между пѣмъ власпвуя, и ежедневно упверждая власпь свою какъ неопъемлемое доспояніе . . . . Но Испорія не скрываепъ и клевепы, преспупленіями заслуженной.

Г. 1598. Кончина Ѳеодорова.

Въ концѣ 1597 года Ѳеодоръ впалъ въ пяжкую болѣзнь[366]; 6 Генваря опкрылись въ немъ явные признаки близкой смерпи, къ ужасу сполицы. Народъ любилъ Ѳеодора, какъ Ангела земнаго, озаренпаго лучами свяпоспи, и приписывалъ дѣйспвію его ревноспныхъ молипвъ благососпояніе опечеспва; любилъ съ умиленіемъ, какъ послѣдняго Царя Мономаховой крови — и когда въ опверспыхъ храмахъ еще съ надеждою просилъ Бога объ исцѣленіи Государя добраго, погда Папріархъ, Вельможи, сановники, уже не имѣя надежды, съ искреннимъ сокруше-

Г. 1598. рить пути въ чужія земли до новаго указа и вездѣ строго блюсти тишину.

Тѣло Ѳеодорово вложили въ раку, при самой Иринѣ, которая ужасала всѣхъ изступленіемъ своей неописанной скорби: терзалась, билась; не слушала ни брата, ни Патріарха; изъ устъ ея, обагренныхъ кровію,[372] вырывались слова: «я вдовица безчадная . . . . . мною гибнетъ корень Царскій!« Ввечеру отнесли гробъ въ церковь Михаила Архангела Патріархъ, Святители, Бояре и народъ вмѣстѣ; не было различія въ званіяхъ: общая горесть сравняла ихъ. 8 Генваря совершилось погребеніе, достопамятное не великолѣпіемъ, но трогательнымъ безпорядкомъ: захлипаясь отъ слезъ и рыданія, Духовенство прерывало священнодѣйствіе, и лики умолкали; въ воплѣ народномъ никто не могъ слышать пѣнія. Уже не плакала — одна Ирина: ее принесли въ храмъ какъ мертвую. Годуновъ не осушалъ глазъ, смотря на злосчастную Царицу, но давалъ всѣ повелѣнія. Отверзли могилу для гроба Ѳеодорова, подлѣ Іоаннова: народъ громогласно изъявилъ благодарность усопшему за счастливые дни царствованія, съ умиленіемъ славя личныя добродѣтели сего Ангела кротости, наслѣдованныя имъ отъ незабвенной Анастасіи, — именуя его не Царемъ, но отцемъ чадолюбивымъ, и въ искреннемъ прискорбіи сердца забывъ слабость души Ѳеодоровой. — Когда предали

пѣло землѣ, Папріархъ, а съ нимъ и всѣ люди, воздѣвъ руки на небо, молились, да спасетъ Господь Россію, и лишивъ ее пастыря, да не лишитъ Своей милости. — Совершивъ печальный обрядъ, роздали богатую казну бѣднымъ, церквамъ и монастырямъ; отворили темницы, освободили всѣхъ узниковъ, даже смертоубійцъ, чтобы симъ дѣйствіемъ милосердія увѣнчать земную славу Ѳеодоровыхъ добродѣтелей . . . . Г. 1598.

Такъ пресѣклось на тронѣ Московскомъ знаменитое Варяжское поколѣніе, коему Россія обязана бытіемъ, именемъ и величіемъ, — отъ начала столь малаго, сквозь рядъ вѣковъ бурныхъ, сквозь огнь и кровь, достигнувъ господства надъ Сѣверомъ Европы и Азіи воинственнымъ духомъ своихъ Властителей и народа, счастіемъ и промысломъ Божіимъ! . . . .

Скоро узнала печальная столица, что вмѣстѣ съ Ириною вдовствуетъ и тронъ Мономаховъ; что вѣнецъ и скипетръ лежатъ на немъ праздно; что Россія, не имѣя Царя, не имѣетъ и Царицы!

Пишутъ, что Ѳеодоръ набожный, прощаясь съ супругою, вопреки своему завѣщанію тайно велѣлъ ей презрѣть земное величіе и посвятить себя Богу[375]: можетъ быть, и сама Ирина, вдовица бездѣтная, въ искреннемъ отчаяніи возненавидѣла свѣтъ, не находя утѣшенія въ Царской пышности; но гораздо вѣроятнѣе, что такъ хотѣлъ

г. 1598. Годуновъ, располагая сердцемъ и судьбою нѣжной сестры. Онъ уже не могъ возвыситься въ царствованіе Ирины, властвовавъ безпредѣльно и при Ѳеодорѣ; не могъ, въ концѣ пятаго десятилѣтія жизни, еще ждать или откладывать; вручилъ Царство Иринѣ, чтобы взять его себѣ, изъ рукъ единокровной, какъ бы правомъ наслѣдія: занять на тронѣ мѣсто *Годуновой*, а не Мономахова Вѣнценоснаго племени, и менѣе казаться похитителемъ въ глазахъ народа. Никогда сей лукавый честолюбецъ не былъ столь дѣятеленъ, явно и скрытно, какъ въ послѣдніе дни Ѳеодоровы и въ первые мнимаго Иринина Державства: явно, чтобы народъ не имѣлъ и мысли о возможности государственнаго устройства безъ рожденія Борисова; скрытно, чтобы дать видъ свободы и любви дѣйствію силы, обольщенія и коварства. Какъ бы невидимою рукою обнявъ Москву, онъ управлялъ ея движеніями чрезъ своихъ слугъ безчисленныхъ[374]; отъ Церкви до Синклита, до войска и народа, все внимало и слѣдовало его внушеніямъ, благопріятствуемымъ съ одной стороны робостію, а съ другой истинною признательностію къ заслугамъ и милостямъ Борисовымъ. Обѣщали и грозили; шептомъ и громогласно доказывали, что спасеніе Россіи нераздѣльно съ властію Правителя—и, приготовивъ умы или страсти къ великому ѳеатральному дѣйствію, въ

девятый день по кончинѣ Царя объявили торжественно, что Ирина отказывается отъ Царства и навѣки удаляется въ монастырь, воспріятъ Ангельскій образъ Инокини. Сія вѣсть поразила Москву: Святители, Дума, сановники, Дворяне, граждане *соборомъ* пали предъ вѣнценосною вдовою, плакали неутѣшно, называли ее матерію и заклинали не оставлять ихъ въ ужасномъ сиротствѣ; но Царица, доколѣ всегда мягкосердая, не пронулась моленіемъ слезнымъ: отвѣтствовала, что воля ея неизмѣнна, и что Государствомъ будутъ править Бояре, вмѣстѣ съ Патріархомъ, до того времени, когда успѣютъ собраться въ Москву всѣ Чины Россійской Державы[375], чтобы рѣшить судьбу отечества по вдохновенію Божію. Въ тотъ же день[376] Ирина выѣхала изъ Дворца Кремлевскаго въ Новодѣвичій монастырь, и подъ именемъ Александры вступила въ санъ Инокинь. Россія осталась безъ Главы, а Москва въ превогѣ, въ волненіи . . . . . 1598. Пострижение Ирины.

Гдѣ былъ Годуновъ, и что дѣлалъ? Заключился въ монастырѣ съ сестрою, плакалъ и молился съ нею. Казалось, что онъ, подобно ей, отвергнулъ міръ, величіе, власть, кормило государственное, и предалъ Россію въ жертву бурямъ; но кормчій неусыпно бодрствовалъ, и Годуновъ въ тѣсной келліи монастырской твердою рукою держалъ Царство!

Г. 1598. Свѣдавъ о постриженіи Ирины, Духовенство, чиновники и граждане собрались въ Кремлѣ, гдѣ Государственный Дьякъ и Печатникъ, Василій Щелкаловъ, представивъ имъ вредныя слѣдствія безначалія, требовалъ, чтобы они цѣловали крестъ на имя Думы Боярской. Никто не хотѣлъ слышать о томъ; всѣ кричали: «не знаемъ ни «Князей, ни Бояръ: знаемъ только Царицу: «ей мы дали присягу, и другой не дадимъ «никому: она и въ Черницахъ мать Россіи[377].» Печатникъ совѣтовался съ Вельможами, снова вышелъ къ гражданамъ и сказалъ, что Царица, оставивъ свѣтъ, уже не занимается дѣлами Царства, и что народъ долженъ присягнуть Боярамъ, если не хочетъ видѣть государственнаго разрушенія. Единогласнымъ отвѣтомъ было: «и такъ да царствуетъ братъ ея!» Никто не дерзнулъ противорѣчить, ни безмолвствовать: всѣ восклицали: «да здравствуетъ отецъ нашъ, «Борисъ Ѳеодоровичь! онъ будетъ преемникъ матери нашей, Царицы!» Немедленно, *вспять соборомъ*, пошли въ монастырь Новодѣвичій, гдѣ Патріархъ Іовъ, говоря именемъ отечества, заклиналъ Монахиню Александру благословить ея брата на Царство, ею презрѣнное изъ любви къ жениху безсмертному, Христу Спасителю — исполнить тѣмъ волю Божію и народную — упишить колебаніе въ душахъ и въ Государствѣ — отереть слезы Россіянъ, бѣдныхъ,

Избраніе Годунова въ Цари.

сирыхъ, безпомощныхъ, и снова возставитъ Державу сокрушенную, доколѣ враги Христіанства еще не увѣдали о вдовствѣ Мономахова престола. Всѣ проливали слезы — и сама Царица Инокиня, внимая Первосвятителю краснорѣчивому. Іовъ обратился къ Годунову; смиренно предлагалъ ему корону, называлъ его Свышеизбраннымъ для возобновленія Царскаго корени въ Россіи, естественнымъ наслѣдникомъ трона послѣ зятя и друга, обязаннаго всѣми успѣхами своего владычества Борисовой мудрости[378]. 1598 г.

Такъ совершилось желаніе властолюбца!... Но онъ умѣлъ лицемѣрить: не забылся въ радости сердца—и за семь лѣтъ предъ тѣмъ смѣло вонзивъ убійственный ножъ въ горпань Св. младенца Димитрія, чтобы похитить корону, съ ужасомъ отринулъ ее, предлагаемую ему торжественно, единодушно, Духовенствомъ, Синклитомъ, народомъ; *клялся*, что никогда, рожденный вѣрнымъ подданнымъ, не мечталъ о санѣ Державномъ, и никогда не дерзнетъ взять скипетра, освященнаго рукою усопшаго Царя - Ангела, его отца и благотворителя; говорилъ, что въ Россіи много Князей и Бояръ, коимъ онъ, уступая въ знатности, уступаетъ и въ личныхъ достоинствахъ [379]; но изъ признательности къ любви народной обѣщается вмѣстѣ съ ними радѣть о Государствѣ еще ревностнѣе прежняго[380]. На сію рѣчь, заблаговременно сочиненную, Патріархъ отвѣт-

Г. 1598. спповалъ пакою же, и весьма плодовипою исполненною движеній випійспва и примѣровъ испорическихъ; обвинялъ Годунова въ излишней скромноспи, даже въ неповиновеніи волѣ Божіей, копорая споль явна въ общенародной воль; доказывалъ, чпо Всевышній искони гопповилъ ему и роду его на вѣки вѣковъ державу Владимірова попомспва, Ѳеодоровою смерпію пресѣченнаго напоминалъ о Давидѣ, Царѣ Іудейскомъ, — Ѳеодосіи Великомъ, Маркіанѣ, Михаилѣ Косноязычномъ, Василіи Македонскомъ, Тиверіи и другихъ Имперапорахъ Византійскихъ, неисповѣдимыми судьбами Небесными возведенныхъ на прсполь изъ ничпожеспва; сравнивалъ ихъ добродѣпели съ Борисовыми; убѣждалъ, пребовалъ, и не могъ поколебапь его пвердоспи, ни въ сей день, ни въ слѣдующіе[381] — ни предъ лицемъ народа, ни безъ свидѣпелей, — ни моленіемъ, ни угрозами духовными. Годуновъ рѣшипельно опрекся опъ короны.

Но Папріархъ и Бояре еще не теряли надежды: ждали *Великаго Собора*, коему надлежало быпь въ Москвѣ чрезъ шеспь недѣль по смерпи Ѳеодора; по еспь, веѣли съѣхапься шуда изъ всѣхъ областныхъ городовъ людямъ выборнымъ: Духовенспву, чиновникамъ воинскимъ и гражданскимъ, купцамъ, мѣщанамъ[382]. Годуновъ хопѣлъ, чпобы не одна сполица, но вся Россія призвала его на пронъ, и взялъ мѣры для успѣха,

всюду послав ревностныхъ слугъ своихъ г. 1598.
и клевретовъ [383]: сей видъ единогласнаго, свободнаго избранія казался ему нужнымъ — для успокоенія ли совѣсти? или для пвердости и безопасности его властвованія? Между тѣмъ Борисъ жилъ въ монастырѣ, а Государствомъ правила Дума, совѣтуясь съ Патріархомъ въ дѣлахъ важныхъ; но указы писала именемъ *Царицы Александры*, и на ея же имя получала донесенія Воеводъ Земскихъ. Между тѣмъ оказывались неповиновеніе и безпорядокъ: въ Смоленскѣ, Псковѣ и въ иныхъ городахъ Воеводы не слушались ни другъ друга, ни предписаній Думы[384]. Между тѣмъ носились слухи о впаденіи Хана Крымскаго въ предѣлы Россіи, и народъ говорилъ въ ужасѣ: «Ханъ будетъ подъ «Москвою, а мы безъ Царя и защитника!» Однимъ словомъ, все благопріятствовало Годунову, ибо все было имъ устроено!

Въ Пятницу, 17 Февраля, открылась въ Кремлѣ Дума Земская, или Государственный Соборъ, гдѣ присутствовало, кромѣ всего знатнѣйшаго Духовенства, Синклита, Двора, не менѣе пяти сотъ чиновниковъ и людей выборныхъ[385] изъ всѣхъ областей, для дѣла великаго, не бывалаго со временъ Рюрика: для назначенія Вѣнценосца Россіи, гдѣ долѣ властвовалъ непрерывно, успавомъ наслѣдія, родъ Князей Варяжскихъ, и гдѣ Государство существовало Государемъ; гдѣ всѣ законныя права истекали изъ его единст-

Г. веннаго самобытнаго права: судить и ря-
1598. дить землю по закону совѣсти. Часъ опас-
ный: кто избираетъ, тотъ даетъ власть,
и слѣдственно имѣетъ оную; ни уставы,
ни примѣры не ручались за спокойствіе на-
рода въ ея сколь важномъ дѣйствіи, и Сеймъ
Кремлевскій могъ уподобиться Варшавскимъ:
бурному морю страстей, гибельныхъ для
устройства и силы Державъ. Но долговре-
менный навыкъ повиновенія и хитрость Бо-
рисова представили зрѣлище удивительное:
тишину, единомысліе, увѣтливость во мно-
голюдствѣ разнообразномъ, въ смѣси чиновъ
и званій. Казалось, что всѣ желали одного:
какъ сироты, найти скорѣе отца — и знали,
въ комъ искать его. Граждане смотрѣли на
Дворянъ, Дворяне на Вельможъ, Вельможи
на Патріарха. Извѣстивъ Соборъ, что Ирина
не захотѣла ни царствовать, ни благосло-
вить брата на Царство, и что Годуновъ
также не принимаетъ вѣнца Мономахова,
Іовъ сказалъ: «Россія, тоскуя безъ Царя, не-
«терпѣливо ждетъ его отъ мудрости Со-
«бора. Вы, Святители, Архимандриты,
«Игумены; вы Бояре, Дворяне, люди Приказ-
«ные, Дѣти Боярскіе и всѣхъ чиновъ люди
«царствующаго града Москвы и всей земли
«Русской! объявите намъ мысль свою и
«дайте совѣтъ, кому быть у насъ Госуда-
«ремъ[386]. Мы же, свидѣтели преставленія
«Царя и Великаго Князя Ѳеодора Іоанновича,
«думаемъ, что намъ мимо Бориса Ѳеодоро-

«вича не должно искать другаго Самодерж- г.
«ца.» Тогда все Духовенство, *Бояре, воин-* 1598.
ство и народъ единогласно опвѣщствовали[387]:
«нашъ совѣтъ и желаніе по же: немедлен-
«но бить челомъ Государю Борису Ѳеодо-
«вичу, и мимо его не искать другаго Вла-
«спителя для Россіи.» Усердіе обратилось
въ восторгъ, и долго не льзя было ничего
слышать, кромѣ имени Борисова, громогласно
повторяемаго всѣмъ многочисленнымъ собра-
ніемъ. Тутъ находились Князья Рюрикова
племени: Шуйскіе, Сицкіе, Воротынскій,
Ростовскіе, Телятевскіе и столь многіе
иные; но давно лишенные достоинства Кня-
зей Владѣтельныхъ, давно слуги Московскихъ
Государей наравнѣ съ Дѣтьми Боярскими,
они не дерзали мыслить о своемъ наслѣд-
ственномъ правѣ, и спорить о коронѣ съ
тѣмъ, кто безъ имени Царскаго уже при-
надцать лѣтъ единовластвовалъ въ Россіи:
былъ хотя и потомкомъ Мурзы, но братомъ
Царицы. Возстановивъ тишину, Вельможи,
въ честь Годунова, разсказали Духовенству,
чиновникамъ и гражданамъ слѣдующія об-
стоятельства: «Государыня Ирина Ѳеодо-
«ровна и знаменитый братъ ея съ самаго
«перваго дѣтства возрастали въ палатахъ
«Великаго Царя Іоанна Василіевича и пита-
«лись отъ стола его. Когда же Царь удо-
«стоилъ Ирину быть своею невѣсткою, съ
«того времени Борисъ Ѳедоровичь жилъ при
«немъ неотступно, навыкая государственной
«мудрости. Однажды, узнавъ о недугѣ сего

Г. 1598. «юнаго любимца, Царь пріѣхалъ къ нему съ «нами и сказалъ милостиво: *Борисъ! стра-* «*даю за тебя какъ за сына, за сына какъ за* «*невѣстку, за невѣстку какъ за самого себя*[388] «— поднялъ при перстна десницы своей и «примолвилъ: *се Ѳеодоръ, Ирина и Борисъ;* «*ты не рабъ, а сынъ мой.* Въ послѣдніе часы «жизни всѣми оставленный для исповѣди, «Іоаннъ удержалъ Бориса Ѳедоровича при «одрѣ своемъ, говоря ему: *Для тебя обнаже-* «*но мое сердце. Тебѣ приказываю душу, сы-* «*на, дочь и все Царство: блюди, или дашь* «*за нихъ отвѣтъ Богу*[389]. Помня сіи незаб- «венныя слова, Борисъ Ѳедоровичь хранилъ, «яко зѣницу ока, и юнаго Царя и великое «Царство.» Описавъ, какъ Правитель своею неусыпною, мудрою дѣятельностію возвы- силъ отечество, смирилъ Хана и Шведовъ, обуздалъ Литву, расширилъ владѣнія Россіи, умножилъ число ея Царей-данниковъ и слугъ[390]; какъ знаменитѣйшіе Вѣнценосцы Европы и Азіи изъявляютъ ей уваженіе и пріязнь — какая тишина внутри Государ- ства, милость для войска и для народа, правда въ судахъ, защита для бѣдныхъ вдовъ и сиротъ — Бояре заключили такъ: «Мы напомнимъ вамъ случай достопамят- «ный. Когда Царь Ѳеодоръ, умомъ и муже- «ствомъ Правителя одержавъ славнѣйшую «побѣду надъ Ханомъ, весело пировалъ съ «Духовенствомъ и Синклитомъ: тогда, въ «умиленіи признательности, снявъ съ себя

«злáтую *Царскую* гривну, онъ возложилъ ее г.
«на выю своего шурина[391].» А Патріархъ 1598.
изъяснилъ собранію, что Царь, исполненный
Св. Духа, симъ таинственнымъ дѣйствіемъ
ознаменовалъ будущее Державство Годуно-
ва, искони предопредѣленное Небомъ. Снова
раздались клики: «да здравствуетъ Государь
«нашъ, Борисъ Ѳеодоровичь!» И Патріархъ
воззвалъ къ Собору: «гласъ народа есть
«гласъ Божій: буди, что угодно Всевыш-
«нему!»

Въ слѣдующій день, Февраля 18, въ пер-
вый часъ утра, церковь Успенія наполнилась
людьми: всѣ, преклонивъ колѣна, Духовен-
ство, Синклитъ и народъ, усердно молили
Бога, чтобы Правитель смягчился и при-
нялъ вѣнецъ; молились еще два дни[392], и
Февраля 20 Іовъ, Святители, Вельможи
объявили Годунову, что онъ избранъ въ Ца-
ри уже не Москвою, а всею Россіею. Но
Годуновъ вторично отвѣтствовалъ, что
высота и сіяніе Ѳеодорова лика ужасаютъ
его душу; клялся снова, что и въ сокровен-
ности сердца не представлялась ему мысль
столь дерзостная; видѣлъ слезы, слышалъ
убѣжденія самыя трогательныя, и былъ
непреклоненъ; выслалъ *искуситeлей*, Духо-
венство съ Синклитомъ, изъ монастыря, и
не велѣлъ имъ возвращаться. Надлежало
искать дѣйствительнѣйшаго средства: раз-
мышляли — и нашли. Святители въ общемъ
совѣтѣ съ Боярами уставили пѣть, 21 Фе-

Г. 1598. враля, во всѣхъ церквахъ *праздничный моле-бенъ*, и съ обрядами поржественными, съ святынею Вѣры и отечества, въ послѣдній разъ испытать силу убѣжденій и плача надъ сердцемъ Борисовымъ; а тайно, между собою, Іовъ, Архіепископы и Епископы условились въ слѣдующемъ: «Если Государь Борисъ Ѳеодоро-«вичь смилуется надъ нами, по разрѣшимъ «его кляпву не быть Царемъ Россіи[393]; если «не смилуется, то отлучимъ его отъ Цер-«кви; тамъ же, въ монастырѣ, сложимъ съ «себя Святительство, кресты и Панагіи; «оставимъ иконы чудотворныя, запретимъ «службу и пѣніе во святыхъ храмахъ; пре-«дадимъ народъ отчаянію, а Царство гибе-«ли, мятежамъ, кровопролитію — и винов-«никъ сего неисповѣдимаго зла да отвѣт-«ствуетъ предъ Богомъ въ день Суда Спраш-«наго!»

Въ сію ночь не угасали огни въ Москвѣ: все готовилось къ великому дѣйствію — и на разсвѣтѣ, при звукѣ всѣхъ колоколовъ, подвиглась столица. Всѣ храмы и домы отворились: Духовенство съ пѣніемъ вышло изъ Кремля; народъ въ безмолвіи тѣснился на площадяхъ. Патріархъ и Владыки несли иконы знаменитыя славными воспоминаніями: Владимірскую и Донскую, какъ святыя знамена отечества; за Клиромъ шли Синклитъ, Дворъ, воинство, Приказы, *Выборы* городовъ[394]; за ними устремились и всѣ жители Московскіе, граждане и чернь, жены и дѣти,

къ Новодѣвичьему монастырю, отпкуда, также съ колокольнымъ звономъ, вынесли образъ Смоленской Богомапери на встрѣчу Патріарху: за симъ образомъ шелъ и Годуновъ, какъ бы изумленный сполъ необыкновенно-торжественнымъ церковнымъ ходомъ; палъ ницъ предъ иконою Владимірскою, обливался слезами и воскликнулъ: «О мапь Божія! «что виною твоего подвига? Сохрани, сохрани меня подъ сѣнію Твоего крова!» обратился къ Іову, и съ видомъ укоризны сказалъ ему: «Пастырь Великій! Ты дашь «отвѣтъ Богу!» Іовъ отвѣтствовалъ: «Сынъ «возлюбленный! не снѣдай себя печалію, но «вѣрь Провидѣнію! Сей подвигъ совершила «Богомаперь изъ любви къ тебѣ, да успы-«дишься!» Онъ пошелъ въ церковь святой Обители съ Духовенствомъ и людьми знатнѣйшими; другіе спояли въ оградѣ; народъ внѣ монастыря, занимая все обширное Дѣвичье поле. Соборомъ отправъ Литургію, Патріархъ снова, и тщетно, убѣждалъ Бориса не отвергать короны; велѣлъ нести иконы и кресты въ келліи Царицы: тамъ со всѣми Святителями и Вельможами преклонилъ главу до земли.... и въ то самое мгновеніе, по данному знаку, все безчисленное множество людей, въ келліяхъ, въ оградѣ, внѣ монастыря, упало на колѣна, съ воплемъ *неслыханнымъ*: всѣ пребовали Царя, отца, Бориса! Маперн кинули на землю своихъ грудныхъ младенцевъ и не слушали

г. 1598.

Г. 1598. ихъ крика[398]. Искренность побѣждала приворство; вдохновеніе дѣйствовало и на равнодушныхъ, и на самыхъ лицемѣровъ! Патріархъ, рыдая, заклиналъ Царицу долго, неотступно, именемъ святыхъ иконъ, которыя предъ нею стояли, — именемъ Христа Спасителя, Церкви, Россіи, дать милліонамъ Православныхъ *Государя благонадежнаго*, ея Великаго брата .... Наконецъ услышали слово милости: глаза Царицы, дополѣ нечувствительной, наполнились слезами. Она сказала: «По изволенію всесильнаго Бога и Пречистыя Дѣвы Маріи возмите у меня единороднаго брата на Царство, въ утоленіе народнаго плача. Да исполнится желаніе вашихъ сердецъ, ко счастію Россіи! Благословляю избраннаго вами и предаю Отцу Небесному, Богоматери, Святымъ Угодникамъ Московскимъ и тебѣ, Патріарху — и вамъ, Святители — и вамъ, Бояре! Да заступитъ мое мѣсто на пресполѣ!» Всѣ упали къ ногамъ Царицы, которая, печально взглянувъ на смиреннаго Бориса, дала ему повелѣніе властвовать надъ Россіею. Но онъ еще изъявлялъ нехотѣніе; страшился тягостнаго бремени, возлагаемаго на слабыя рамена его; просилъ избавленія; говорилъ сестрѣ, что она изъ единаго милосердія не должна предавать его въ жертву трону; еще вновь клялся, что никогда умомъ робкимъ не дерзалъ возноситься до сей высоты, ужасной для смерт-

наго; свидѣпельсствовался Окомъ Всевидя- Г.
щимъ и самою Иріною, что желаетъ единс- 1598.
ственно жить при ней и смотрѣть на ея лице Ангельское[396]. Царица уже наспояла рѣшительно. Тогда Борисъ какъ бы въ сокрушеніи духа воскликнулъ: «Буди же свя«тая воля Твоя, Господи! Наставн меня на «путь правый, и не вниди въ судъ съ ра«бомъ Твоимъ! Повинуюсь Тебѣ, исполняя «желаніе народа.» Святители, Вельможи упали къ ногамъ его. Осѣнивъ живоиворящимъ крестомъ Бориса и Царицу, Патріархъ спѣшилъ возвѣстить Дворянамъ, Приказнымъ и всѣмъ людямъ, что Господь даровалъ имъ Царя. Невозможно было изобразить общей радости. Воздѣвъ руки на небо, славили Бога[397]; плакали, обнимали другъ друга. Отъ келлій Царицыныхъ до всѣхъ концевъ Дѣвичьяго поля гремѣли клики: *слава! слава!* .... Окруженный Вельможами, пѣснимый, лобзаемый народомъ, Борисъ въ слѣдъ за Духовенствомъ пошелъ въ храмъ Новодѣвичьей Обители, гдѣ Патріархъ Іовъ, предъ иконами Владимірской и Донской, благословилъ его на Государство Московское и всея Россіи; нарекъ Царемъ, и возгласилъ ему первое многолѣтіе.

Что по видимому могло быть торжественнѣе, единодушнѣе, законнѣе сего нареченія? и что благоразумнѣе? Премѣнилось только имя Царя: власть Державная оспаривалась въ рукахъ того, кто уже давно имѣлъ

Г— ную, и властвовалъ счастливо для цѣлости
1598. Государства, для внутренняго устройства, для внѣшней чести и безопасности Россіи. Такъ казалось; но сей человѣческою мудростію надѣленный Правитель достигъ престола злодѣйствомъ .... Казнь Небесная угрожала Царю преступнику и Царству несчастному.

ГЛАВА IV.

Состояніе Россіи въ концѣ XVI вѣка.

Безопасность Россіи въ отношеніи къ сосѣдственнымъ Державамъ. Войско. Жалованье. Доходы. Богатство Строгановыхъ. Судъ и расправа. Пытки и казни. Торговля. Цѣна разныхъ товаровъ. Корабли Россійскіе. Образованіе. Геометрія и Ариѳметика. Тайное письмо или цыфры. Географія. Словесность. Художества и ремесла. Москва. Обычаи. Примѣры мѣстничества. Дворъ. Вина иноземныя, меды и яства Русскія. Хлѣбосольство. Долгая жизнь. Медики. Лекарства. Аптекари. Разныя обыкновенія. Убогій домъ. Одежда женщинъ. Забавы. Бани. Пороки. Набожность. Смерть перваго Борисова сына. Юродивые. Терпимость. Унія въ Литвѣ.

Описавъ судьбу нашего отечества подъ наслѣдственнымъ скиптромъ Монарховъ Варяжскаго племени, заключимъ Исторію *семи сотъ тридцати-шести лѣтъ* обозрѣ-

ніемъ погдашняго сосгоянія Россіи въ государственномъ и гражданскомъ смыслѣ.

Никогда *внѣшнія* обспояпельспва Московской Державы, основанной, изгоповленной къ величію Іоанномъ III, не казались споль благопріяпными для ея цѣлоспи и безопасноспи, какъ въ сіе время. Въ Липвѣ преемникъ Баторіевъ дремалъ на пронѣ, окруженномъ спроппивыми, легкомысленными и не согласными Вельможами; Швеція колебалась въ безначаліи; Ханъ умѣлъ только грабипь оплошныхъ; Магомепъ III въ сильномъ бореніи съ Авспріею предвидѣлъ еще опаснѣйшую войну съ Шахомъ — а Россія, почпи безъ кровопролипія взявъ неизмѣримыя земли на Сѣверо-Восгокѣ, заложивъ крѣпоспи подъ сѣнію Кавказа, возспановивъ свои древнія грани на скалахъ Корельскихъ, ожидая случая возвращипь и другія несчаспныя уступки Іоаннова малодушія, города въ Ливоніи и важную приспань Бальпійскую, — Россія, спокойная извнѣ, пихая внупри, имѣла войско многочисленнѣйшее въ Европѣ и еще непресганно умножала его. Такъ говоряпъ иноземные современники о рапныхъ силахъ Ѳеодоровыхъ:

Безопасность Россіи въ отношеніи къ сосѣдственнымъ Державамъ.

Войско.

«Пяпнадцапь пысячь Дворянъ, раздѣленныхъ на при спепени: Больщихъ, Средниxъ и Меньшихъ, Московскихъ и пакъ называемыхъ *Выборныхъ* (присылаемыхъ въ сполицу изъ всѣхъ городовъ, и чрезъ при года смѣняемыхъ иными), соспавляюпъ кон-

ную дружину Царскую[398]. Шестьдесятъпять тысячь всадниковъ, изъ Дѣтей Боярскихъ, ежегодно собирается на берегахъ Оки, въ угрозу Хану. Лучшая пѣхота Спрѣльцы и Козаки: первыхъ 10000, кромѣ двухъ тысячь отборныхъ или Спремянныхъ[399]; вторыхъ около шести тысячь. На ряду съ ними служатъ 4300 Нѣмцевъ и Поляковъ, 4000 Козаковъ Литовскихъ, 150 Шотландцевъ и Нидерландцевъ, 100 Датчанъ, Шведовъ и Грековъ. Для важнаго ратнаго предпріятія выѣзжаютъ на службу всѣ Помѣстные Дѣти Боярскіе съ своими холопями и *людьми даточными* (изъ отчинъ Боярскихъ и церковныхъ), болѣе крестьянами, нежели воинами, хотя и красиво одѣтыми (въ чистые, узкіе кафтаны съ длиннымъ, отложнымъ воротникомъ): невозможно опредѣлить ихъ числа [400], умножаемаго въ случаѣ нужды людьми купецкими, такжe наемниками и слугами Государя Московскаго, Ногаями, Черкесами, древними подданными Казанскаго Царства. Сборныя областныя дружины называются именами городовъ своихъ: Смоленскою, Новогородскою, и проч.; въ каждой бываетъ отъ 300 до 1200 ратниковъ. Многіе вооружены худо; только пѣхота имѣетъ пищали: но огнестрѣльный снарядъ не уступаетъ лучшему въ Европѣ. Доспѣхи и конскіе приборы Воеводъ, чиновниковъ, Дворянъ блистаютъ свѣтлостію булата и каменьями драгоцѣнными; на знаменахъ, освящаемыхъ

Папріархомъ, изображаепся Св. Георгій[401]. Въ бипвахъ удары конницы бываюпъ всегда при звукѣ огромныхъ *набатовъ* (или барабановъ), сурнъ и бубновъ: всадники пускаюпъ пучу спрѣлъ, извлекаюпъ мечи, машупъ ими вокругъ головы и спремяпся впередъ гуспыми полпами. Пѣхопа, дѣйспвуя въ спепи пропивъ Крымцевъ, обыкповенно защищаепъ себя *Гуляемъ*, или подвижнымъ складнымъ городкомъ, возимымъ на пелегахъ; по есть, спавяпъ два ряда досокъ на проспранспвѣ двухъ или прехъ верспъ въ длину, и спрѣляюпъ изъ сего укрѣпленія сквозь опверспія въ обѣихъ спѣнахъ. Ожидая Хана, Воеводы высылаюпъ Козаковъ въ спепи, гдѣ изрѣдка распупъ высокіе дубы: памъ, подъ каждымъ деревомъ, видипе двухъ осѣдланныхъ лошадей: одинъ изъ всадниковъ держипъ ихъ за узду, а поварищъ его сидипъ на вершинѣ дуба и смоприпъ во всѣ спороны; увидѣвъ пыль, слѣзаепъ немедленно, садипся на лошадь, скачепъ къ другому дубу, кричипъ издали и показываепъ рукою, гдѣ видѣлъ пыль; спражъ сего дерева велипъ своему поварищу пакже скакапь къ препьему дереву съ вѣспію, копорая въ нѣсколько часовъ доходипъ до ближайшаго города или до переваго Воеводы. » — Далѣе сіи иноземные наблюдапели, замѣчая (какъ и въ Іоанново время), чпо Россіяне лучше бьюпся въ крѣпоспяхъ, нежели въ полѣ[402], спрашиваюпъ:

«чего со временемъ не льзя ожидать отъ войска безсмѣпнаго, которое, не боясь ни холода, ни голода и ничего, кромѣ гнѣва Царскаго, съ полокномъ и *сухарями*, безъ обоза и крова, съ неодолимымъ терпѣніемъ скитается въ пустыняхъ Сѣвера, и въ коемъ за славнѣйшее дѣло дается полько маленькая золотая деньга (съ изображеніемъ Св. Георгія), носимая счастливымъ витяземъ на рукавѣ или шапкѣ?»

Жалованье.

Но Цари уже не скупились и не щадили казны для лучшаго устройства ополченій. Уже Іоаннъ производилъ денежное жалованье воинамъ въ походахъ[405]: Ѳеодоръ или Годуновъ давалъ, сверхъ помѣстныхъ земель, каждому Дворянину и Сыну Боярскому пятнадцатитысячной Царской дружины отъ 12 до 100 рублей; каждому Стрѣльцу и Козаку 7 рублей, сверхъ хлѣбнаго запаса; конному войску на берегахъ Оки около 40,000 рублей ежегодно: что, вмѣстѣ съ платою иноземнымъ воинамъ, (также Боярамъ, Окольничимъ и другимъ знатнѣйшимъ сановникамъ, изъ коихъ первые имѣли 700, а вторые отъ 200 до 400 рублей жалованья) составляло нѣсколько милліоновъ нынѣшнею монетою и свидѣтельствовало о возрастающемъ богатствѣ Россіи, которое еще яснѣе увидимъ изъ слѣдующихъ подробныхъ извѣстій о тогдашнихъ доходахъ государственныхъ[404].

Доходы.

1) Особенная Царская опчина, 36 городовъ съ селами и деревнями, доспавляла казнѣ Дворцоваго вѣдомспва, сверхъ денежнаго оброка, хлѣбъ, скопъ, шпицъ, рыбу, медъ, дрова, сѣно: чего, за содержаніемъ Двора, въ *расточительное* Іоанново время продавалось ежегодно на 60,000 рублей, а въ Ѳеодорово, опъ лучшаго хозяйспва, введеннаго Дворецкимъ Григорьемъ Васильевичемъ Годуновымъ, на 230,000 рублей (около 1,150,000 нынѣшнихъ серебряныхъ).

2) *Тягло* и *подать* государспвенная, съ *вытей* хлѣбомъ, а съ *сохъ* деньгами, приносили казнѣ Чепвертнаго[405] вѣдомспва 400,000 рублей: съ областпи Псковской 18000, Новогородской 35000, Тверской и Новоторжской 8000, Рязанской 30000, Муромской 12000, Колмогорской и Двинской 8000, Вологодской 12000, Казанской 18000, Устюжской 30000, Росповской 50000, Московской 40000, Сибирской (мѣхами) 20000, Коспромской 12000, и проч.

3) Разныя городскія пошлины: порговыя, судныя, пипейныя, банныя, вносимыя въ казну Большаго Прихода (съ Москвы 12000, Смоленска 8000, Пскова 12000, Новагорода 6000, Спарой Русы, гдѣ варилась соль, 18000, Торжка 800, Твери 700, Ярославля 1200, Коспромы 1800, Нижняго 7000, Казани 11000, Вологды 2000 и проч.) сосшавляли 800,000 рублей, вмѣспѣ съ экономіею Приказовъ Розряднаго, Спрѣлецкаго, Ино-

земскаго, Пушкарскаго, которые, имѣя свои *особенные* доходы, описывали сберегаемыя ими суммы въ сей же Большій Приходъ — такъ, что въ сокровищницу Кремлевскую, подъ Ѳеодорову или Годунова печать[406], ежегодно вступало, сверхъ главныхъ государственныхъ издержекъ на войско и Дворъ, не менѣе милліона четырехъ сотъ тысячь рублей (*отъ шести до семи милліоновъ нынѣшнихъ серебряныхъ*). «Не смотря на сіе «богатство (пишетъ Флетчеръ въ своей «книгѣ о Россіи) «Ѳеодоръ, по совѣту Году- «нова, велѣлъ перелить въ деньги множе- «ство золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, «наслѣдованныхъ имъ послѣ отца: ибо хо- «тѣлъ симъ мнимымъ знакомъ недостатка «въ монетѣ оправдать тягость налоговъ.»

Къ умноженію государственнаго достоянія, Ѳеодоръ на Соборѣ Духовенства и Бояръ (въ Іюлѣ 1584) подтвердилъ уставъ Іоанновъ 1582 года, чтобы Святители, церкви и монастыри безденежно отдали въ Казну всѣ древнія Княжескія отчины, вмѣстѣ съ землями, имъ заложенными, и впредь до новаго указа отмѣнилъ *тарханныя* или льготныя *грамоты*, которыя знатную часть церковныхъ, Боярскихъ и Княжескихъ имѣній освобождали отъ государственныхъ податей, къ ущербу Казны и ко вреду всѣхъ иныхъ владѣльцевъ: ибо крестьяне уходили отъ нихъ въ *льготныя жительства*, чтобы не платить никакихъ налоговъ[407]. Въ

сей же Соборной грамотѣ сказано: «Земли и «села, отказанныя монастырямъ за упокой «души, выкупаются наслѣдниками, или, бу- «де ихъ нѣтъ, Государемъ, для раздачи «воинскимъ людямъ,» коимъ уже не доста- вало земель помѣстныхъ [408].

Но обогащеніе Казны, по извѣстію чуже- странцевъ[409], въ нѣкоторомъ смыслѣ вре- дило народному благосостоянію: 1) налоги, облегченные Ѳеодоромъ, были все еще тя- гостны; 2) заведеніе питейныхъ домовъ въ городахъ, умножая пьянство, разоряло мѣ- щанъ, ремесленниковъ, самыхъ земледѣль- цевъ: губило достояніе ихъ и нравствен- ность; 3) отъ монополій Казны терпѣло купечество, лишаемое свободы продавать свои товары, если Царскіе еще лежали въ лавкахъ. Флетчеръ[410] пишетъ, что «между купцами славились богатствомъ одни братья Строгановы, имѣя до трехъ сотъ тысячь (около полутора милліона нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей наличными деньгами, кромѣ недвижимаго достоянія; что у нихъ было множество иноземныхъ, Нидерландскихъ и другихъ мастеровъ на заводахъ, нѣсколько Аптекарей и Медиковъ, 10000 людей воль- ныхъ и 5000 собственныхъ крѣпостныхъ, упо- требляемыхъ для варенія и развоза соли, рубки лѣсовъ и воздѣланія земли отъ Вы- чегды до предѣловъ Сибири; что они еже- годно платили Царю 23000 рублей пошли- ны, но что Правительство, требуя болѣе

Богат- ство. Строга- новыхъ.

и болѣе, по подъ видомъ налога, по подъ видомъ займа, разоряетъ ихъ безъ жалости; что въ Россіи вообще мало богатыхъ людей, ибо Казна все поглощаетъ; что самые *древніе Удѣльные Князья и Бояре живутъ умѣренным жалованьемъ и помѣстным доходомъ* (около тысячи рублей на каждаго), совершенно завися отъ милости Царской.» Однакожъ Бояре и многіе сановники имѣли знатныя *отчины*, какъ родовыя, такъ и жалованныя; а потомки древнихъ Князей и въ Іоанново время еще владѣли частію ихъ бывшихъ Удѣловъ: на примѣръ, славный Князь Михайло Воротынскій въ 1572 году вѣдалъ треть Воротынска, какъ свою наслѣдственную собственность[411].

Судъ и расправа.

Умножая войско и доходы, Правительство занималось, какъ мы видѣли[412], и лучшимъ внутреннимъ устройствомъ Государства: радѣло о безопасности лицъ и достоянія. Вопреки сказанію иноземцевъ, что въ Россіи не было погда никакихъ гражданскихъ законовъ, кромѣ слѣпаго произвола Царей[413], сіи *законы*, изданные *первымъ Самодержцемъ* Московскимъ (что достойно примѣчанія), дополненные его сыномъ, исправленные, усовершенные внукомъ, служили неизмѣннымъ правиломъ во всѣхъ тяжбахъ — и Грозный, попирая святые уставы человѣчества, оставлялъ гражданскіе нерушимыми въ Россіи: не отнималъ даже истинной Царской собственности у тѣхъ, которые могли доказать,

что владѣютъ ею долѣе шести лѣтъ[414]. Именемъ Ѳеодоровымъ издавъ важный политическій законъ объ укрѣпленіи земледѣльцевъ, Годуновъ не прибавилъ ничего болѣе къ Судебнику, но пекся о точномъ исполненіи онаго: желая славиться неумытнымъ правосудіемъ[415], оказывалъ его въ дѣлахъ гласныхъ: о чемъ свидѣтельствуютъ и Лѣтописцы, славя счастливый вѣкъ Ѳеодоровъ. Какъ въ Іоанново, такъ и въ сіе время судъ съ расправою земскою зависѣли въ областяхъ, подъ главнымъ вѣдомствомъ Думы, отъ Намѣстниковъ, избираемыхъ изъ Бояръ, Окольничихъ и другихъ знатныхъ сановниковъ. Всѣ Члены Ѳеодоровой Думы были Намѣстниками и рѣдко выѣзжали изъ Москвы[416]; но они имѣли товарищей, Тіуновъ, Дьяковъ, которые съ ихъ вѣдома рѣшили дѣла. Пишутъ, что народъ вообще ненавидѣлъ Дьяковъ корыстолюбивыхъ: опредѣляемые всегда на малое время, сіи грамотѣи приказные тѣмъ болѣе спѣшили наживаться всякими средствами; жалобы имѣли дѣйствіе, но обыкновенно уже послѣ смѣны грабителей: тогда судили ихъ строго, лишали всей беззаконной добычи, выставляли на позоръ и сѣкли, привязывая лихоимцу къ шеѣ взятую имъ вещь, кошелекъ съ деньгами, соболя или что другое. Законъ не терпѣлъ никакихъ взятокъ; но хитрецы изобрѣли способъ обманывать его: челобитчикъ, входя къ судьѣ, клалъ деньги предъ

образами, будто бы на свѣчи: сію выдумку скоро запретили указомъ. Только въ день Свѣтлаго Воскресенія дозволялось судьямъ и чиновникамъ вмѣстѣ съ краснымъ яйцомъ принимать въ даръ и нѣсколько червонцевъ (коихъ цѣна обыкновенно возвышалась[417] въ сіе время отъ 16 до 24 алтынъ и болѣе). По крайней мѣрѣ видимъ достохвальное усиліе Правительства искоренять зло, извѣстное и въ вѣки лучшаго гражданскаго образованія. — Та же ревность къ уменьшенію преступленій ввела или сохраняла у насъ отвратительную для сердца жестокость въ законныхъ пыткахъ[418]: чтобы выведать истину отъ уличаемаго преступника, жгли его нѣсколько разъ огнемъ, ломали ему ребра, вбивали гвозди въ тѣло. Убійцъ и другихъ злодѣевъ вѣшали, казнили на плахѣ, или топили, или сажали на колъ. Осужденный, идучи къ лобному мѣсту, держалъ въ связанныхъ рукахъ горящую восковую свѣчу. Для благородныхъ людей воинскихъ облегчали казнь: за что крестьянина или мѣщанина вѣшали, за то Сына Боярскаго сажали въ темницу или сѣкли батогами. Убійца собственнаго холопа наказывался денежною пенею. — Благородные люди воинскіе имѣли еще, какъ пишутъ, странную выгоду въ гражданскихъ тяжбахъ: могли, вмѣсто себя, представлять слугъ своихъ для присяги и для тѣлеснаго наказанія въ случаѣ неплатежа долговъ.

Пытки и казни.

Торговля, хотя отчасти и стѣсняемая казенными монополіями, распространилась въ Ѳеодорово время опъ успѣховъ внутренней промышленности: любопытству и наблюдательному духу Англичанъ, которые всѣхъ болѣе умѣли ею пользоваться, обязаны мы весьма обстоятельными объ ней свѣдѣніями. «Мало земель въ свѣтѣ (пишутъ «они), гдѣ Природа столь милостива къ лю«дямъ, какъ въ Россіи, изобильной ея дара«ми[419]. Въ садахъ и въ огородахъ множе«ство вкусныхъ плодовъ и ягодъ: грушъ, «яблокъ, сливъ, дынь, арбузовъ, огурцевъ, «вишни, малины, клубники, смородины; са«мые лѣса и луга служатъ вмѣсто огоро«довъ. Неизмѣримыя равнины покрыты «хлѣбомъ: пшеницею, рожью, ячменемъ, «овсомъ, горохомъ, гречею, просомъ. Изоби«ліе раждаетъ дешевизну: четверть пше«ницы стоитъ обыкновенно не болѣе двухъ «алтынъ (нынѣшнихъ тридцати копѣекъ «серебромъ). Одна безпечность жителей и «корыстолюбіе богатыхъ производятъ ино«гда дороговизну: такъ въ 1588 году за «четверть пшеницы и ржи платили въ «Москвѣ 13 алтынъ. Хлѣбъ и плоды со«ставляютъ важный предметъ торговли «внутренней; а для богатства внѣшней «Россіяне имѣютъ:

«1) Мѣха, собольи, лисьи, куньи, бобровые, «рысьи, волчьи, медвѣжьи, горностаевые, «бѣличьи, коихъ продается въ Европу и въ

Торговля.

«Азію (купцамъ Персидскимъ, Турецкимъ, «Бухарскимъ, Иверскимъ, Арменскимъ) на «500 тысячь рублей.» (Ермаковы и новѣйшія завоеванія въ сѣверной Азіи обогатили насъ мягкою рухлядью: Ѳеодоръ строго предписалъ Сибирскимъ Воеводамъ[420], чтобы они никакъ не выпускали отттуда въ Бухарію ни дорогихъ соболей, ни лисицъ черныхъ, ни кречетовъ, нужныхъ для охоты Царской и для даровъ Европейскимъ Вѣнценосцамъ). «Лучшіе соболи идутъ изъ земли «Обдорской, бѣлые медвѣди изъ Печерской, «бобры изъ Колы; куницы изъ Сибири, Ка«дома, Мурома, Перми и Казани; бѣлки, гор«ностаи изъ Галича, Углича, Новагорода и «Перми.

«2) Воскъ: его продается ежегодно отъ «десяти до пятидесяти тысячь пудъ[421].

«3) Медъ: употребляется на любимое «питье Россіянъ, но идетъ и въ чужія зем«ли, болѣе изъ областей Мордовской и Чере«мисской, Сѣверской, Рязанской, Муромской, «Казанской, Дорогобужской и Вяземской.

«4) Сало: его вывозится отъ тридцати «до ста тысячь пудъ, болѣе изъ Смоленска, «Ярославля, Углича, Новагорода, Вологды, «Твери, Городца; но и вся Россія, богатая «лугами для скотоводства, изобилуетъ са«ломъ, коего мало расходится внутри Го«сударства на свѣчи: ибо люди зажиточ«ные употребляютъ восковыя, а народъ «лучину.

«5) Кожи, лосьи, оленьи и другія: ихъ «оппускаюпъ за границу до десяпи пы- «сячь[422]. Самые большіе лоси живупъ въ «лѣсахъ близъ Роспова, Вычегды, Новаго- «рода, Мурома и Перми; Казанскіе не пакъ «велики.

«6) Тюленій жиръ: сихъ морскихъ живоп- «ныхъ ловяпъ близъ Архангельска, въ зали- «вѣ Св. Николая.

«7) Рыбу: лучшею счипаепся пакъ на- «зываемая *бѣлая*. Города, славнѣйшіе рыб- «ною ловлею, супь Ярославль, Бѣлоозеро, «Новгородъ Нижній, Аспрахань, Казань: «чѣмъ они приносяпъ Царю знапный до- «ходъ.

«8) Икру, бѣлужью, осепровую, севрюжью «и сперляжью: продаепся купцамъ Нидер- «ландскимъ, Французскимъ, опчаспи и Ан- «глійскимъ; идепъ въ Ипалію и въ Испа- «нію.

«9) Множеспво пппцъ: кречепы прода- «юпся весьма дорогою цѣною.

«10) Ленъ и пеньку: ихъ менѣе оппу- «скаепся въ Европу съ пого времени, какъ «Россія лишилась Нарвы. Льномъ изобилуепъ «Псковъ, пенькою Смоленскъ, Дорогобужъ и «Вязьма.

«11) Соль: лучшія варницы въ Спарой Ру- «сѣ; еспь и въ Перми, Вычегдѣ, Топьмѣ, «Кинешмѣ, Соловкахъ. Аспраханскія озера «производяпъ самосадку: купцы плапяпъ за «нее въ казну по при деньги съ пуда.

«12) Дегопь: его вывозятъ въ большомъ «количествѣ изъ Смоленской и Двинской «области.

«13) Такъ называемые *рыбьи зубы* или «клыки моржовые: изъ нихъ дѣлаютъ чеп- «ки, рукоятки и проч.; составляютъ так- «же лекарственный порошекъ, будто бы «уничтожающій дѣйствіе яда. Идутъ въ Азію, «Персію, Бухарію.

«14) Слюду, употребляемую вмѣсто стек- «ла: ее много въ землѣ Корельской и на Дви- «нѣ.

«15) Селитру и сѣру: первую варятъ «въ Угличѣ, Ярославлѣ, Устюгѣ; вторую «находятъ близъ Волги (въ озерахъ Самар- «скихъ), но не умѣютъ очищать ее.

«16) Желѣзо, весьма ломкое: его добыва- «ютъ въ землѣ Корельской, Каргополѣ и въ «Устюгѣ Желѣзномъ (Устюжнѣ).

«17) Такъ называемый *Новогородскій жем- «угъ*, который ведется въ рѣкахъ близъ «Новагорода и въ Двинской землѣ[423].»

За сіи-то многія естественныя богатства Россіи Европа и Азія платили ей отчасти своими издѣліями, отчасти и свойственными имъ климатамъ дарами Природы. — Означимъ здѣсь цѣну нѣкоторыхъ вещей, привозимыхъ тогда въ Архангельскъ на корабляхъ Лондонскихъ, Голландскихъ и Французскихъ[424]: лучшій изумрудъ или яхонтъ стоилъ 60 рублей (нынѣшнихъ серебряныхъ 300); золотникъ жемчугу, не самаго мелкаго, 2 р. и

болѣе; золота и серебра пряденаго 5 рублей липра; аршинъ бархату, камки, атласу, около рубля; Англійскаго тонкаго сукна поставъ 30 рублей, средняго 12 р., аршинъ 20 алтынъ; кусокъ мишкалю 2 р.; бочка вина Французскаго 4 р., лимоновъ 3 р., сельдей 2 р.; пудъ сахару отъ 4 до 6 р., леденцу 10 р., гвоздики и корицы 20 р., шиена Сарацинскаго 4 гривны, масла деревяннаго 1½ р., пороху 3 р., ладону 3 р., ртути 7 р., свинцу 2 р., мѣди въ дѣлѣ 2 р., желѣза прутоваго 4 гривны, бумаги хлопчатой 2 р., сандалу берковецъ 8 р., стопа писчей бумаги 4 гривны. Сверхъ того иноземцы доставляли намъ множество своей серебряной монеты, цѣня ефимокъ въ 12 алтынъ; на одномъ кораблѣ привозилось иногда до 80,000 ефимковъ, съ коихъ платили пошлину какъ съ товаровъ. Сія пошлина была весьма значительна: на примѣръ, Ногаи, торгуя лошадьми, изъ вырученныхъ ими денегъ платили въ казну пять со ста, и еще отдавали Царю на выборъ десятую долю табуновъ своихъ; лучшій конь Ногайскій стоилъ не менѣе двадцати рублей.

Довольные выгодною мѣною съ Европейскими народами въ своихъ сѣверныхъ странахъ, купцы наши не мыслили ѣздить моремъ въ иныя земли; но любопытно знать, что мы въ сіе время уже имѣли корабли собственные: Борисовъ Посланникъ въ 1599 году возвратился изъ Германіи на двухъ

Корабли Россійскіе

большихъ морскихъ судахъ купленныхъ и снаряженныхъ имъ въ Любекѣ, съ кормщикомъ и матрозами Нѣмецкими, памъ наняпыми[425].

Нѣкогда сполъ знаменитая, сполъ полезная для Россіи торговля Ганзейская, уже безсильная въ совмѣспничеспвѣ съ Англійскою и съ Голландскою, еще искала древнихъ слѣдовъ своихъ между развалинами Новагорода: Царь въ 1596 году дозволилъ Любску снова завеспи памъ госпиный дворъ съ лавками[426]; но Шведы мѣшали ея важному успѣху, имѣя Нарву, о коей не преспавали жалѣпь Новгородъ, Псковъ и вся Россія.

«Видя въ торговлѣ средспво обогащенія для Казны (говоритъ Флепчеръ), и мало забопясь о благосостояніи своего купечеспва, Цари вообще не доброхопспвуюпъ и народному образованію; не любятъ новоспей, не пускаюпъ къ себѣ иноземцевъ, кромѣ людей нужныхъ для ихъ службы, и не дозволяюпъ подданнымъ выѣзжапь изъ опечеспва, *боясь просвѣщенія*, къ коему Россіяне весьма способны, имѣя много ума природнаго, замѣпнаго и въ самыхъ дѣпяхъ: одни Послы или бѣглецы Россійскіе являюпся изрѣдка въ Европѣ.» Сказаніе опчасти ложное: мы не спранспвовали, ибо не имѣли обычая спранспвовапь, еще не имѣя любопыпспва, свойспвеннаго уму образованному; купцамъ не запрещалось торговапь внѣ опечеспва, и самовласпный Іоаннъ посылалъ молодыхъ

Образование

людей учиться въ Европѣ[427]. Иноземцевъ же дѣйствительно пускали къ намъ съ разборомъ, и благоразумно. Въ 1591 году Посолъ Рудольфовъ, Николай Варкочь, писалъ къ Борису, что какой-то Италіянскій Графъ Шкопъ, призыванный въ Москву Іоанномъ, желаетъ служить Ѳеодору; что сей Графъ, достойно уважаемый Императоромъ и многими Вѣнценосцами, *знаетъ всѣ языки подъ солнцемъ* и всѣ науки, такъ, что ни въ Италіи, ни въ Германіи не льзя найти ему подобнаго[428]. Борисъ отвѣтствовалъ: «Хва-«лю намѣреніе Графа, мужа столь благород-«наго и столь ученаго. Великій Государь «нашъ, жалуя всѣхъ иноземцевъ, которые «къ намъ пріѣзжаютъ, безъ сомнѣнія отли-«читъ его; но я еще не успѣлъ доложить «о томъ Государю.» Нѣтъ сомнѣнія, что въ Россіи знали и не хотѣли Шкопа какъ лазутчика опаснаго или ненадежнаго человѣка: ибо людей ученыхъ мы не отвергали, но звали къ себѣ: на примѣръ, славнаго Математика, Астролога, Алхимика, Джона Ди, коего Елисавета Англійская называла *своимъ Философомъ*, и который находился тогда въ Богеміи: Ѳеодоръ, чрезъ Лондонскихъ купцевъ, предлагалъ ему 2000 фунтовъ стерлинговъ ежегодно, а Борисъ особенно тысячу рублей, столъ Царскій и всю услугу, для того, какъ думали, чтобы пользоваться его совѣтами для открытія новыхъ земель на Сѣверо-Востокѣ, за Сибирію[429];

но, вѣроятнѣе, не для того ли, чтобы поручить ему воспитаніе юнаго Борисова сына, отцевскою тайною мыслію уже готовимаго къ Державству? Слава Алхимика и звѣздочета въ глазахъ невѣжества еще возвышала знаменитость Математика. Но Ди, страстный въ воображеніи только къ искусственному золоту Философскаго камня, въ гордой бѣдности отвергнулъ предложеніе Царя, изъявивъ благодарность, и какъ бы угадавъ, по вычетамъ своей любимой Астрологіи, грядущую судьбу Россіи и Дома Борисова! — Всего ревностнѣе мы искали тогда въ Европѣ Металлургистовъ, для нашихъ Печерскихъ рудниковъ, открытыхъ еще въ 1491 году[430], но едва ли уже не безполезныхъ, за неимѣніемъ людей искусныхъ въ горномъ дѣлѣ: посылая къ Императору (въ 1597 году) Дворянина Вельяминова, Царь приказывалъ ему вызвать къ намъ изъ Италіи, чего бы то ни стоило, *мастеровъ умѣющихъ находить и плавить руду золотую и серебряную.* — Кромѣ четырехъ или пяти тысячъ иностранцевъ-воиновъ, нанимаемыхъ Ѳеодоромъ, Московская Яузская Слобода населялась болѣе и болѣе Нѣмцами, которые въ Іоанново время обогащались продажею водки и меда[431], спесивились и роскошествовали до соблазна: жены ихъ стыдились носить не бархатное или не атласное платье. Они въ Борисово царствованіе снова имѣли церковь, и хотя жили особенно, но

свободно и дружелюбно сносились съ Россіянами. — Постоянно слѣдуя правиламъ Іоанна III; золотомъ и честію маня къ себѣ художества, искусства, науки Европейскія; размножая церковныя училища и число людей грамотныхъ, Приказныхъ, коимъ самое Дворянство завидовало въ ихъ важности государственной[432], Цари безъ сомнѣнія *не боялись просвѣщенія*, но желали, какъ могли или умѣли, ему способствовать; и если не знаемъ ихъ мысли, то видимъ дѣла ихъ, благопріятныя для гражданскаго образованія Россіи: означимъ нѣкоторые новые плоды онаго.

Измѣреніе и перепись земель, отъ 1587 до 1594 года, въ Двинской области на обѣихъ сторонахъ Волги[433] — вѣроятно, и въ другихъ мѣстахъ — служили, можетъ быть, поводомъ къ сочиненію *первой Россійской Геометріи*, коей списки, намъ извѣстные, не древнѣе XVII вѣка[434]: «книги *глубокомудрой*, по выраженію Автора, дающей легкій способъ измѣрять мѣста самыя недоступныя, плоскости, высоты и добри, *радиксомъ* и *циркуломъ*.» Въ ней изъясняется *сошное и вытное письмо*: то есть, раздѣленіе всѣхъ населенныхъ земель въ Россіи, для платежа государственныхъ податей, на сохи и выти (въ сохѣ считалось 800 четвертей доброй земли, а въ выти 12; въ четверти 1200 квадратныхъ саженъ, а въ десятинѣ 2400.) — Къ сему времени относимъ и *первую Россійскую Ариѳметику*[435], писанную не весьма

Геометрія и Ариѳметика.

ясно. Въ предисловіи сказано, что безъ сей *численной Философіи, изобрѣтенія Финикійскаго, единой изъ семи свободныхъ мудростей*, не льзя быть ни Философомъ, ни Докторомъ, ни госпемъ искуснымъ въ дѣлахъ торговыхъ, и что ея знаніемъ можно снискать великую милость Государеву. Въ концѣ сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о Церковномъ Кругѣ, о сославѣ человѣческомъ, о Физіогномикѣ. Въ обѣихъ книгахъ, въ Геометріи и въ Ариѳметикѣ, употребляются въ числѣ Славянскія буквы и цыфирь. Тогда же въ Посольскихъ бумагахъ начали мы употреблять тайныя цыфры: гонецъ Андрей Ивановъ въ 1590 году писалъ изъ Липвы къ Царю *вязью, литореею и новою азбукою*, взятою у Посла Австрійскаго, Николая Варкоча[456]. — Такъ называемая *Книга Большаго Чертежа*, или древнѣйшая Географія Государства Россійскаго, составлена, какъ вѣроятно, въ царствованіе Ѳеодора: ибо въ ней находимъ имена Курска, Воронежа, Оскола, построенныхъ въ его время, не находя новѣйшихъ, основанныхъ Годуновымъ: Борисова на Донцѣ Сѣверскомъ и Царево-Борисова на устьѣ Протвы[457]. Сія книга была переписана въ Розрядѣ около 1627 года, и рѣшитъ для насъ многіе важные географическіе вопросы, указывая, на примѣръ, гдѣ была земля Югорская, Обдорія, Батыева столица, Улусы Ногайскіе.

Тайныя цыфры.

География

Поле Словесности не представляетъ намъ богатой жатвы отъ временъ Іоанна до Го-

Словесность

дунова; но языкъ украсился какою-то новою плавностію. Истинное, чувствомъ одушевленное краснорѣчіе видно только въ письмахъ Курбскаго къ Іоанну. Причислимъ ли къ Писателямъ и самого Іоанна, какъ творца плодовитыхъ, велерѣчивыхъ посланій, богословскихъ, укоризненныхъ и насмѣшливыхъ[438]? Въ слогѣ его есть живость, въ Діалектикѣ сила. Лучшими твореніями сего вѣка, въ смыслѣ правильности и ясности, должно назвать Степенную Книгу, Минею Макаріеву и Стоглавъ[439]. Вѣроятно, что Митрополитъ Діонисій заслужилъ имя *Грамматика* какими нибудь уважаемыми сочиненіями; но ихъ не знаемъ. Патріархъ Іовъ описалъ житіе, добродѣтели и кончину Ѳеодора слогомъ цвѣтистымъ, и не безъ жара; на примѣръ, такъ говоритъ о своемъ Героѣ: «Онъ древнимъ Царямъ благочести-
«вымъ равнославенъ, нынѣшнимъ *красота* и
«*свѣтлость*, будущимъ *сладчайшая повѣсть*;
«не *пригвождаясь* къ суетному велелѣпію
«міра, *умащалъ свою Царскую душу глаго-*
«*лами Божественными*, и *рѣкою нескудною*
«изливалъ милости на вселенную; съ нѣж-
«ною супругою *преставалъ* въ добродѣ-
«тели и въ вѣрѣ къ Богу.....
«имѣлъ единое земное сокровище, единую
«*блаженную лѣторасль* корени Державнаго,
«и лишился возлюбленной дщери, чтобы въ
«сердцѣ, хотя и сокрушенномъ, но съ уми-
«леніемъ Христіанскимъ предастся въ волю

«Отца небеснаго, когда Синклитъ и весь «народъ предавались отчаянію .... О вѣсть «страшная, вѣсть ужасная: *любимый Царь «земли Русскія отходитъ къ Богу!* .... но «не смертію, а сладкимъ успеніемъ; душа из- «летаетъ, а тѣло спокойно и недвижимо: «не видимъ ни трепета, ни содроганія .... «Се время рыданія, не глаголовъ; время мо- «литвы, не бесѣды .... На насъ исполни- «лося вѣщаніе Пророка: *кто дастъ источникъ «слезъ очамъ моимъ, да плачу довольно?* ... «Скорби пучина, сѣтованія бездна! .... «Отселѣ красный, *многолѣтный* престолъ «великія Россіи начинаетъ вдовствовать, и «великій многолюдный градъ Москва пріем- «летъ сиротство жалостное[140].» Обязанный Борису своимъ Первосвятительствомъ и чи- стосердечно ему преданный, онъ говоритъ объ немъ въ семъ твореніи: «Въ счастли- «вые дни Ѳеодора Іоанновича *строилъ* подъ «нимъ Державу великій шуринъ и Слуга его, «мужъ верховный, единственный въ Россіи «не только саномъ, но и разумомъ высокимъ, «храбростію, вѣрою къ Богу. Его промы- «сломъ цвѣла сія Держава *въ тишинѣ веле- «лѣпной*, къ изумленію людей и самого «Царя, ко славѣ Правителя не только въ «нашемъ отечествѣ, но и въ дальнихъ пре- «дѣлахъ вселенныя, откуда знаменитые По- «слы являлись здѣсь съ дарами многоцѣнны- «ми, рабски благоговѣть предъ Царемъ и «дивились свѣтлой красотѣ лица, мудро-

«сіи, добродѣтели Правителя, среди «народа, имъ счастливаго, — среди сло- «лицы имъ украшенной[441].» — Іовъ писалъ еще утѣшительное посланіе къ Θеодоровой супругѣ, когда она тосковала о милой усопшей дочери[442]; заклиналъ Ирину быть не только матерію, но и Царицею, и Христіанкою; осуждалъ ея слабость съ ревностію Пастыря, но и жалѣлъ о горестной съ чувствительностію друга, оживляя въ ней надежду дать наслѣдника престолу: сочиненіе достопамятное болѣе своимъ трогательнымъ предметомъ, нежели мыслями и краснорѣчіемъ. Патріархъ, напоминая Иринѣ ученіе Евангельское о довѣренности къ Вышней Благости, прибавляетъ: «Кто «лучше тебя знаетъ Божественное Писаніе? «Ты можешь наставлять иныхъ, храня всю «мудрость онаго въ сердцѣ и въ памяти.» Воспитанная при Дворѣ Іоанновомъ, Ирина имѣла просвѣщеніе своего времени: читала Св. Писаніе и знаменитѣйшихъ Отцевъ нашей Церкви. Россіяне уже пользовались печатною Библіею Острожскаго изданія, но Святыхъ Отцевъ читали только въ рукописи[443]. Между Славянскими или Русскими переводами древнихъ Авторовъ, тогда извѣстными и сохраненными въ нашихъ библіотекахъ, именуемъ Галеново разсужденіе о стихіяхъ большаго и малаго міра, о пѣлѣ и душѣ, переведенное съ языка Латинскаго, коимъ вопреки сказанію одного иноземца-современ-

*

ника, не *гнушались* Россіяне: еще скудные средствами науки, они пользовались всякимъ случаемъ удовлетворять своему любопытству; часто искали смысла, гдѣ его не было отъ неразумѣнія писцевъ или *толковниковъ*, и съ удивительнымъ терпѣніемъ списывали книги, исполненныя ошибокъ. Сей темный переводъ Галена находился въ числѣ рукописей Св. Кирилла Бѣлоозерскаго: слѣдственно уже существовалъ въ XV вѣкѣ[444]. —Упомянемъ здѣсь также о рукописномъ Лечебникѣ, въ 1588 году *преложенномъ съ языка Польскаго* для Серпуховскаго Воеводы, Ѳомы Аѳанасьевича Бутурлина. Сей памятникъ погдашней науки и погдашняго невѣжества любопытенъ въ отношеніи къ языку смѣлымъ переводомъ многихъ именъ и словъ ученыхъ[445].

Можетъ быть, относятся ко временамъ Ѳеодоровымъ или Годунова и старыя пѣсни Русскія, въ коихъ упоминается о завоеваніи Казани и Сибири, о грозахъ Іоанновыхъ, о добродѣтельномъ Никитѣ Романовичѣ (братѣ Царицы Анастасіи), о злодѣѣ Малютѣ Скуратовѣ, о впаденіяхъ Ханскихъ въ Россію. Очевидцы разсказываютъ, дѣти и внуки ихъ воспѣваютъ происшествія. Память обманываетъ, воображеніе плодитъ, новый вкусъ исправляетъ: но духъ остается, съ нѣкоторыми сильными чертами вѣка — и не только въ нашихъ историческихъ, богатырскихъ, охотничьихъ, но и во многихъ

нѣжныхъ пѣсняхъ замѣтна первобытная печать спарины: видимъ въ нихъ какъ бы снимокъ подлинника уже неизвѣстнаго; слышимъ какъ бы отзывъ голоса давно умолкшаго; находимъ свѣжесть чувства, теряемую человѣкомъ съ лѣтами, а народомъ съ вѣками. Всѣмъ извѣстна пѣсня о Царѣ Іоаннѣ[146]:

Зачиналась каменна Москва,
Зачинался въ ней и Грозный Царь:
Онъ Казань городъ на славу взялъ,
Мимоходомъ городъ Астрахань —

о сынѣ Іоанновомъ, осужденномъ на казнь:

Упадаетъ звѣзда поднебесная,
Угасаетъ свѣча воску яраго:
Не становится у насъ Царевича —

другая о витязѣ, который умираетъ въ дикой степи, на коврѣ, подлѣ огня угасающаго:

Припекаетъ свои раны кровавыя:
Въ головахъ стоитъ животворящій крестъ,
По праву руку лежитъ сабля острая,
По лѣву руку его крѣпкой лукъ,
А въ ногахъ стоитъ его доброй конь;
Онъ кончаясь говоритъ коню:
Какъ умру я, мой доброй конь,
Ты зарой мое тѣло бѣлое
Среди поля, среди чистаго;
Побѣги потомъ во святую Русь:
Поклонись моимъ отцу и матери,
Благословенье свези малымъ дѣтушкамъ;

Да скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ:
Я въ приданое взялъ поле чистое;
Была свахою калена стрѣла,
Положила спать сабля острая.
Всѣ друзья-братья меня оставили,
Всѣ товарищи разъѣхались:
Лишь одинъ ты, мой доброй конь,
Ты служилъ мнѣ вѣрно до смерти —

воинъ убитомъ, коему постелею служитъ камышъ, изголовьемъ кустъ ракитовый, одѣяломъ темная ночь осенняя, и коего тѣло орошается слезами матери, сестры и молодой жены:

Ахъ! мать плачетъ, что рѣка льется;
Сестра плачетъ, какъ ручьи текутъ;
Жена плачетъ, какъ роса падетъ:
Взойдетъ солнце, росу высушитъ.

Сіи и многія иныя спихотворенія народныя, ознаменованныя истиною чувства и смѣлостію языка, если отчасти не слогомъ, по духомъ своимъ ближе къ XVI, нежели къ XVIII вѣку. Сколько пѣсенъ, уже забытыхъ въ столицѣ, болѣе или менѣе древнихъ, еще слышимъ въ селахъ и въ городахъ, гдѣ народъ памятливѣе для любезныхъ преданій старины! Мы знаемъ, что въ Іоанново время толпы скомороховъ (Русскихъ прубадуровъ) ходили изъ села въ село, веселя жителей своимъ искусствомъ[447]: слѣдственно тогдашній вкусъ народа благопріятство-

валъ дарованію пѣсенниковъ, коихъ любилъ даже и постникъ Ѳеодоръ[448].

Сей Царь любилъ и художества: въ его время были у насъ искусные ювелиры (изъ конхъ знаемъ одного Венеціянскаго, именемъ Франциска Асцентини), золотари, швеи, живописцы. Шапка, данная Ѳеодоромъ Патріарху Іереміи, украшенная каменьями драгоцѣнными и ликами Святыхъ, въ описаніи Арсеніева путешествія названа превосходнымъ дѣломъ Московскихъ художниковъ[449]. Сей Греческій Епископъ видѣлъ на спѣнахъ Ирининой палаты изящную мусію въ изображеніяхъ Спасителя, Богоматери, Ангеловъ, Іерарховъ, Мучениковъ, а на сводѣ прекрасно сдѣланнаго льва, который держалъ въ зубахъ змѣю съ висящими на ней богатыми подсвѣчниками. Арсеній съ изумленіемъ видѣлъ также множество огромныхъ серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ во дворцѣ; одни имѣли образъ звѣрей: единорога, львовъ, медвѣдей, оленей; другіе образъ птицъ: пеликановъ, лебедей, фазановъ, павлиновъ, и были столь необыкновенной тяжести, что 12 человѣкъ едва могли переносить ихъ съ мѣста на мѣсто. Сіи *чудные* сосуды дѣлались, вѣроятно, въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, и самые тяжелые, вылитые изъ серебра Ливонскаго, добычи Іоаннова оружія. Искусство золотошвеевъ, заимствованное нами отъ Грековъ, издревле цвѣло въ Россіи, гдѣ знатные и богатые люди

Художества ремесла.

носили всегда шипую одежду. Θеодоръ желалъ завести и шелковую фабрику въ Москвѣ: Марко Чинопи, вызванный имъ изъ Италіи, ткалъ бархаты и парчи, въ домѣ опведенномъ ему близъ Успенскаго Собора. — Размноженіе церквей умножало число иконописцевъ: долго писавъ только образа, мы начали писать и картины, именно въ Θеодорово царствованіе, когда двѣ палаты, *Большая Грановитая* (памятникъ Іоанна III) и *Золотая Грановитая* (сооруженная внукомъ его) украсились живописью[450]. Въ первой изображались Господь Саваоѳъ, твореніе Ангеловъ и человѣка, вся Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, мнимое раздѣленіе вселенной между тремя мнимыми братьями Августа Кесаря и дѣйствительное раздѣленіе нашего древняго отечества между сыновьями Св. Владиміра (представленными въ мистрахъ, въ одеждахъ камчатныхъ, съ оплечьями и съ поясами златыми) — Ярославъ Великій, Всеволодъ I, Мономахъ въ Царской утвари, Георгій Долгорукій, Александръ Невскій, Даніилъ Московскій, Калита, Донской и преемники его до самаго Θеодора (который, сидя на тронѣ въ вѣнцѣ, въ порфирѣ съ нараменникомъ, въ жемчужномъ ожерельѣ, съ златою цѣпію на груди, держалъ въ рукахъ скипетръ и *яблоко Царское*; у трона стоялъ Правитель, Борисъ Годуновъ, въ шапкѣ *мурманкѣ*, въ верхней златой одеждѣ *на опашку*). Въ Палатѣ Золо-

пой, на сводѣ и спѣнахъ, также предспавлялись Священная и Россійская Исторія, вмѣспѣ съ нѣкоторыми аллегорическими лицами добродѣтелей и пороковъ, временъ года и феноменовъ Природы (весна изображалась отроковицею, лѣто юношею, осень мужемъ съ сосудомъ въ рукѣ, зима спарцемъ съ обнаженными локтями; четыре Ангела съ трубами знаменовали четыре вѣтра). Въ нѣкоторыхъ картинахъ, на свиткахъ, слова были писаны *связью*, или невразумительными черпами, вмѣсто обыкновенныхъ буквъ. — Золотая Палата уже не существуетъ (на ея мѣстѣ дворецъ Елисаветинъ); а на спѣнахъ Грановитой давно изглажены всѣ картины, извѣстныя намъ единственно по описанію очевидцевъ[451]. — Упомянемъ также объ искусствѣ литейномъ: въ Ѳеодорово время имѣли мы славнаго маспера, Андрея Чохова, коего имя видимъ на древнѣйшихъ пушкахъ Кремлевскихъ: на *Дробовикѣ* (вѣсомъ въ 2400 пудъ), *Троилѣ* и *Аспидѣ*; первая вылита въ 1586, а вторая и третья, называемыя *пищалями*, въ 1590 году.

Успѣхи гражданскаго образованія были замѣтны и въ наружномъ видѣ столицы. Москва сдѣлалась пріятнѣе для глазъ не только новыми каменными зданіями, но и расширеніемъ улицъ, вымощенныхъ деревомъ, и менѣе прежняго грязныхъ[452]. Число красивыхъ домовъ умножилось: ихъ спроили

Мо-
сква.

обыкновенно изъ сосноваго лѣса, въ два или въ три жилья, съ большими крыльцами, съ дощатыми свислыми кровлями, а на дворахъ лѣтнія спальни и каменныя кладовыя. Высота дома и пространство двора означали знатность хозяина. Бѣдные мѣщане жили еще въ черныхъ избахъ; у людей избыточныхъ въ лучшихъ комнатахъ были изразчатыя печи. Для предупрежденія гибельныхъ пожаровъ чиновники воинскіе лѣтомъ ежедневно объѣзжали городъ, чтобы вездѣ, по изготовленіи кушанья, гасить огонь[455]. Москва—то есть, Кремль, Китай, Царевъ или Бѣлый городъ, новый деревянный, Замоскворѣчье и Дворцовыя слободы за Яузою — имѣла тогда въ окружности болѣе двадцати верстъ. Въ Кремлѣ считалось 55 каменныхъ церквей, а всѣхъ въ столицѣ болѣе четырехъ сотъ, кромѣ придѣловъ: колоколовъ же не менѣе пяти тысячъ — «въ «часы праздничнаго звона» (пишутъ иноземцы) «люди не могли въ разговорѣ слышать «другъ друга.» Главный колоколъ, вѣсомъ въ 1000 пудъ, висѣлъ на деревянной колокольнѣ среди Кремлевской площади: въ него звонили, когда Царь ѣхалъ въ дальній путь или возвращался въ столицу, или принималъ знаменитыхъ иноземцевъ. Китай-городъ, обведенный кирпичною, небѣленою стѣною, и соединяемый съ Замоскворѣчьемъ мостами, деревяннымъ, или *живымъ*, и *каменнымъ*, всего болѣе украшался великолѣп-

ною Готическою церковію Василія Блаженнаго и Гостинымъ Дворомъ, раздѣленымъ на 20 особенныхъ рядовъ: въ одномъ продавались шелковыя ткани, въ другомъ сукна, въ третьемъ серебро, и проч. На Красной площади *лежали* двѣ огромныя пушки. Въ сей части города находились домы многихъ Бояръ, знатныхъ сановниковъ, Дворянъ, именитыхъ купцевъ, и богатый арсеналъ или Пушечный Дворъ; въ Бѣломъ городѣ (названномъ такъ опять *выбѣленныхъ* стѣнъ) Литейный Дворъ (на берегу Неглинной), Посольскій, Литовскій, Армянскій, площади Конская и Сѣнная, мясный рядъ, домы Дѣтей Боярскихъ, людей Приказныхъ и купцевъ; а въ деревянномъ городѣ или *Скородомѣ* (по есть, *наскоро выстроенномъ* въ 1591 году) жили мѣщане и ремесленники. Вокругъ зданій зеленѣлись рощи, сады, огороды, луга; у самаго дворца косили сѣно, и три сада Государевы занимали не малое пространство въ Кремлѣ. Мельницы — одна на устьѣ Неглинной, другія на Яузѣ — представляли картину сельскую. Нѣмецкая Слобода не принадлежала къ городу, ни Красное Село, гдѣ обитали семь сотъ ремесленниковъ и порганей, для коихъ готовила судьба, къ несчастію Борисова семейства, столь важное дѣйствіе въ нашей Исторіи!

Обы-чаи и нравы.

Въ Іоанново и Ѳеодорово царствованіе древніе обычаи народные, вѣроятно, мало измѣнились; но въ современныхъ извѣстіяхъ

находимъ нѣкоторыя новыя подробности относительно къ сему любопытному для насъ предмету.

Годуновъ, сколь хитрый, сколь властолюбивый, не могъ или не хотѣлъ искоренить мѣстничества Бояръ и сановниковъ, которое доходило до крайности непоняшной, такъ, что ни одно назначеніе Воеводъ, ни одно распредѣленіе чиновниковъ для придворной службы въ дни торжественные не обходилось безъ распри и суда. Скажемъ примѣръ: Москва (въ 1591 году) уже слышала топотъ Ханскихъ коней, а Воеводы еще спорили о старѣйшинствѣ и не шли къ мѣстамъ своимъ[454]. Изъ любви къ мнимой чести не боялись безчестія истиннаго: ибо жалобщиковъ неправыхъ наказывали даже тѣлесно, иногда и безъ суда: Князя Гвоздева (въ 1589 году) за мѣстничество съ Князьями Одоевскими высѣкли батогами и *выдали имъ головою*; то есть, велѣли ему уничиженно молить ихъ о прощеніи. Князя Боряшинскаго за споръ съ Шереметевымъ посадили на три дни въ темницу: онъ не смирился; вышелъ изъ темницы и не поѣхалъ на службу. Чѣмъ изъясняется сія странность? Отчасти гордостію, которая естественна человѣку, и во всякихъ гражданскихъ обстоятельствахъ ищетъ себѣ предмета; отчасти самою Политикою Царей: ибо мѣстничествомъ жило честолюбіе, нужное и въ Монархіи неограниченной для ревностной

Примѣры мѣстничества.

службы отечеству. Нѣтъ обыкновенія, нѣтъ предразсудка совершенно безсмысленнаго въ своемъ началѣ, хотя вредъ и превосходитъ иногда пользу въ дѣйствіи сихъ вѣковыхъ обычаевъ. Годуновъ же могъ имѣть и цѣль особенную, слѣдуя извѣстному злому правилу: *раздоромъ властвуй!* Сіи всегдашнія мѣстничества питали взаимную ненависть между знатными родами, Мстиславскими и Шуйскими, Глинскими и Трубецкими, Шереметевыми и Сабуровыми, Куракиными и Шестуновыми[455]. Они враждовали: Борисъ господствовалъ!

Но споры о мѣстахъ не нарушали благочинія въ собраніяхъ Двора: все утихало, когда Царь являлся въ величіи разительномъ для Пословъ иноземныхъ[456]. «Закрывъ «глаза, пишутъ очевидцы, всякой сказалъ бы, «что дворецъ пустъ. Сіи многочисленные, «золотомъ облитые сановники и безмолвны «и недвижимы, сидя на лавкахъ въ нѣсколько рядовъ, отъ дверей до трона, гдѣ спо- «ятъ Рынды въ одеждѣ бѣлой, бархатной «или атласной, опушенной горностаемъ, въ «высокихъ бѣлыхъ шапкахъ, съ двумя золо- «тыми цѣпями (крестообразно висящими на «груди), съ драгоцѣнными сѣкирами, подъя- «тыми на плечо, какъ бы для удара.... «Во время торжествennыхъ Царскихъ обѣ- «довъ служатъ 200 или 300 Жильцевъ[457], «въ парчевой одеждѣ, съ золотыми цѣпями «на груди, въ черныхъ лисьихъ шапкахъ.

Дворъ

«Когда Государь сядетъ» (на возвышенномъ мѣстѣ[458], съ тремя ступенями, одинъ за трапезою золотою), «чиновники-служители низко «кланяются ему, и по два въ рядъ идутъ за ку- «шаньемъ. Между тѣмъ подаютъ водку: на «столахъ нѣтъ ничего, кромѣ хлѣба, соли, «уксусу, перцу, ножей и ложекъ; нѣтъ ни «тарелокъ, ни салфетокъ. Приносятъ вдругъ «блюдъ сто и болѣе: каждое, опвѣданное »поваромъ при Столникѣ, вторично опвѣ- «дывается Крайчимъ въ глазахъ Царя, ко- «торый самъ посылаетъ гостямъ ломти «хлѣба, яствa, вина, медъ, и собственною «рукою, въ конецъ обѣда, раздаетъ имъ су- «шеныя Венгерскія сливы; всякаго гостя «отпускаютъ домой еще съ цѣлымъ блю- «домъ мяса или пироговъ. Иногда Послы «чужеземные обѣдаютъ и дома съ роскош- «наго стола Царскаго: знатный чиновникъ «ѣдетъ извѣстить ихъ о сей чести и съ «ними обѣдать; 15 или 20 слугъ идутъ во- «кругъ его лошади; Стрѣльцы, богатo одѣ- «тые, несутъ скатерть, солонки и проч.; «другіе (человѣкъ 200) хлѣбъ, медъ и множе- «ство блюдъ, серебряныхъ или золотыхъ, «съ разными яствами[459].» Чтобы дать по-

Вина иноземныя и яства Русскія.

нятіе о роскоши и лакомствѣ сего времени, выписываемъ слѣдующее извѣстіе изъ бумагъ Ѳеодорова царствованія[460]: въ 1597 году отпускали къ столу Австрійскаго Посла изъ *Дворца Сытнаго* семь кубковъ Романеи, столько же Рейнскаго, Мушкателя, Фран-

цузскаго бѣлаго, Бастру (или Канарскаго вина), Аликанпу и Мальвазіи; 12 ковшей меду вишневаго и другихъ лучшихъ; 5 ведръ смородиннаго, можжевеловаго, черемуховаго и проч.; 65 ведръ малиноваго, Боярскаго, Княжаго — изъ *Кормоваго Дворца* 8 блюдъ лебедей, 8 блюдъ журавлей съ пряным зельемъ, нѣсколько пѣтуховъ разсольныхъ съ инбиремъ, курицъ *безкостныхъ*, тетеревей съ шафраномъ, рябчиковъ съ сливами, упокъ съ огурцами, гусей съ пшеномъ Сранпнскимъ, зайцевъ въ лапшѣ и въ рѣпѣ, мозги лосьи (и проч.), ухи шафранныя (бѣлыя и черныя), кальи лимонныя и съ огурцами — изъ *Дворца Хлѣбеннаго* колачи, пироги съ мясомъ, съ сыромъ и сахаромъ, блины, оладьи, кисель, сливки, орѣхи и проч. Цари хотѣли удивлять чужеземцевъ изобиліемъ, и дѣйствительно удивляли.

Древняя Славянская роскошь гостепріимства, извѣстная у насъ подъ кореннымъ Русскимъ именемъ *хлѣбосольства*, оказывалась и въ домахъ частныхъ: для гостей не было скупыхъ хозяевъ. За то самый обидный упрекъ въ неблагодарности выражался словами: «ты забылъ мою хлѣбъ-соль.» — Сіе изобиліе трапезъ, долгій сонъ полдневный и малос движеніе знатныхъ или богатыхъ людей производили ихъ обыкновенную тучность, вмѣняемую въ достоинство: быть *дородным*ъ *человѣком*ъ значило имѣть право на уваженіе. Но тучность не мѣшала имъ

Хлѣбосольство.

Долгая жизнь.

жить лѣтъ до осмидесяти, сто и сто двадцати. Только Дворъ и Вельможи совѣтовались съ иноземными врачами[461]. Ѳеодоръ

Медики.

имѣлъ двухъ: Марка Ридлея, въ 1594 году присланнаго Англійскою Королевою, и Павла, Миланскаго гражданина: первый жилъ въ Москвѣ пять лѣтъ и возвратился въ Лондонъ; о второмъ въ 1595 году писалъ Генрихъ IV къ Ѳеодору, ласково прося, чтобы Царь отпустилъ его на старости въ Парижъ къ родственникамъ и друзьямъ. Сіе дружелюбное письмо знаменитѣйшаго изъ Монарховъ Франціи осталось для насъ единственнымъ памятникомъ ея сношеній съ Россіею въ концѣ XVI вѣка. — На мѣсто Ридлея Елисавета прислала къ Борису Доктора Виллиса, коего испытывалъ въ знаніяхъ Государственный Дьякъ Василій Щелкаловъ, спрашивая, есть ли у него книги и лекарства? какимъ правиламъ слѣдуетъ, и на пульсѣ ли основываетъ свои сужденія о болѣзняхъ или на состояніи жидкостей въ тѣлѣ? Виллисъ сказалъ, что онъ бросилъ всѣ книги въ Любекѣ, и ѣхалъ къ намъ подъ именемъ купца, зная, какъ въ Германіи и въ другихъ земляхъ не благопріятствуютъ Медикамъ ѣдущимъ въ Россію; что лучшая книга у него въ головѣ, а лекарства изготовляются Аптекарями, не Докторами; что и пульсъ и состояніе жидкостей въ болѣзни равно важны для наблюдателя искуснаго. Сіи отвѣты казались не весьма удовлетворительными

Щелкалову, и Виллиса не спарались удержапь въ Москвѣ. Борисъ въ 1600 году вызвалъ шеспь лекарей изъ Германіи: каждому изъ нихъ онъ давалъ 200 рублей жалованья, сверхъ помѣспья, услуги, спола и лошадей; давалъ имъ и пашенпы на санъ Докпоровъ: сію спранную мысль внушилъ ему Елисавепинъ Посланникъ Ли, убѣдивъ его назвапь Докпоромъ лекаря Рейплингера, копорый съ нимъ пріѣхалъ служипь Царю.

Мы имѣли погда и разныхъ Аппекарей: одинъ изъ нихъ, Англичанинъ Френчгамъ, бывъ у насъ еще въ Іоанново время, при Годуновѣ возвращился изъ Лондона съ богапымъ запасомъ цѣлебныхъ распѣній и минераловъ. Другой, Арендъ Клаузендъ, Голландецъ, 40 лѣпъ жилъ въ Москвѣ. Но Россіяне, кромѣ знапныхъ, не вѣрили Аппекамъ: Лекарспва. проспые люди обыкновенно лечились виномъ съ исперпымъ въ немъ порохомъ, лукомъ или чеснокомъ, а послѣ банею. Они не любили выхухоли въ лекарспвахъ и никакихъ пилюль; особенно не терпѣли промывапельнаго, пакъ, чпо самая крайноспь не могла побѣдипь ихъ упрямспва. — Кпо, бывъ опчаянно боленъ и соборованъ масломъ, выздоравливалъ, попъ носилъ уже до смерпи черную рясу, подобную монашеской. Женѣ его, какъ пишупъ, дозволялось будпо бы выйпи за другаго мужа. Мерпвыхъ предавали землѣ до супокъ; богапыхъ оплакивало, и въ домѣ и на могилѣ, множеспво на- Разныя обыкновенія.

нимаемыхъ для того женщинъ, которыя во-
пили на распѣвъ: «небѣ ли было остав-
«лять бѣлый свѣтъ? не жаловалъ ли тебя
«Царь Государь? не имѣлъ ли ты богатства
«и чести, супруги милой и дѣтей любез-
«ныхъ?» и проч. Сорочины заключались пи-
ромъ въ домѣ покойника, и вдова могла, безъ
нарушенія приличности, чрезъ шесть не-
дѣль избрать себѣ новаго супруга.—Флет-
черъ увѣряетъ, что въ Москвѣ зимою не
хоронили мертвыхъ, а вывозили оттѣтыя
тѣла за городъ въ *Божій* (убогій) домъ, и
тамъ оставляли до весны, когда земля раз-
ступалась и можно было безъ труда ко-
пать могилу[462].

Убогій домъ.

«Россіяне (пишетъ Маржеретъ), сохраняя
«еще многіе старые обычаи, уже начинаютъ
«измѣняться въ нѣкоторыхъ съ того вре-
«мени, какъ видятъ у себя иноземцевъ. Лѣтъ
«за 20 или за 30 предъ симъ, въ случаѣ за-
«кого нибудь несогласія, они говорили другъ
«другу безъ всякихъ обиняковъ, слуга Бояри-
«ну, Боярину Царю, даже Іоанну Грозному:
«*ты думаешь ложно, говоришь неправду*. Нынѣ
«менѣе грубы и знакомятся съ учтивостію;
«однакожь мыслятъ о чести не такъ, какъ
«мы: на примѣръ, не терпятъ поединковъ и
«ходятъ всегда безоружные, въ мирное время
«вооружаясь единственно для дальнихъ путе-
«шествій; а въ обидахъ вѣдаются судомъ.
«Тогда наказываютъ виновнаго батожьемъ,
«въ присутствіи обиженнаго и судьи, или

«денежною пенею, именуемою *безчестьемъ*,
«соразмѣрно жалованью истца: кому даютъ
«изъ Царской казны ежегодно 15 рублей, тому
«и безчестья 15 рублей, а женѣ его вдвое: ибо
«она считается оскорбленною вмѣстѣ съ му-
«жемъ. За обиду важную сѣкутъ кнутомъ на
«площадяхъ, сажаютъ въ темницу, ссылаютъ.
«Правосудіе ни въ чемъ не бываетъ такъ
«строго, какъ въ личныхъ оскорбленіяхъ и въ
«доказанной клеветѣ. Для самыхъ иноземцевъ
«поединокъ есть въ Россіи уголовное престу-
«пленіе.»

Женщины, какъ у древнихъ Грековъ или у Восточныхъ народовъ, имѣли особенныя комнаты и не скрывались только отъ ближнихъ родственниковъ или друзей. Знатныя ѣздили зимою въ саняхъ, лѣтомъ въ колымагахъ, а за Царицею (когда она выѣзжала на богомолье или гулять) верхомъ, въ бѣлыхъ поярковыхъ шляпахъ, обшитыхъ тафтою пѣлеснаго цвѣта, съ лентами, золотыми пуговицами и длинными, до плечь висящими кистями[463]. Дома онѣ носили на головѣ шапочку тафтяную, обыкновенно красную, съ шелковымъ бѣлымъ повойникомъ или шлыкомъ; сверху для наряда большую парчевую шапку, унизанную жемчугомъ, (а незамужнія, или еще бездѣтныя, черную лисью); золотыя серги съ изумрудами и яхонтами, ожерелье жемчужное, длинную и широкую одежду изъ тонкаго краснаго сукна, съ висящими рукавами застегнутыми дюжиною золотыхъ пуговицъ, и съ

Верховая ѣзда и нарядъ женщинъ.

опложнымъ до половины спины воропникомъ собольимъ; подъ сею верхнею одеждою другую, шелковую, называемую *лѣтникомъ*, съ рукавами надѣпыми и до локтя обшипыми парчею; подъ лѣтникомъ *ферезь*, заспегнутую до земли; на рукахъ запяспье, пальца въ два шириною, изъ каменьевъ драгоцѣнныхъ; сапожки сафьянные, желтые, голубые, вышипные жемчугомъ, на высокихъ каблукахъ: всѣ, молодыя и спарыя бѣлились, румянились, и счипали за спыдъ не расписывашь лицъ своихъ[464]..

Забавы. Между забавами сего времени пакъ описываюпъ любимую Ѳеодорову — *медвѣжій бой*[465]: «Охопники Царскіе, подобно Римскимъ «Гладіапорамъ, не бояпся смерпи, увеселяя «Государя своимъ дерзкимъ искусспвомъ. Ди«кихъ медвѣдей, ловимыхъ обыкновенно въ «ямы или пенепами, держапъ въ клѣпкахъ. «Въ назначенный день и часъ собираепся «Дворъ и несмѣпное число людей предъ ѳеа«промъ, гдѣ должно быпь *поединку:* сіе мѣ«спо обведено глубокимъ рвомъ для безопас«поспи зрипелей и для пого, чпобы ни «звѣрь, пи охопникъ не могли уйпи другъ «опъ друга. Тамъ являепся смѣлый боецъ «съ рогапиною, и выпускаюпъ медвѣдя, ко«порый, видя его, спановипся на дыбы, «ревепъ и спремипся къ нему съ опвер«спымъ зѣвомъ. Охопникъ недвижимъ: смо«припъ, мѣпипъ — и сильнымъ махомъ «всаживаепъ рогапину въ звѣря, а другой

«конецъ ея пригнетаетъ къ землѣ ногою. «Уязвленный, яростный медвѣдь лѣзетъ гру- «дью на желѣзо, орошаетъ его своею кровію «и пѣною, ломитъ, грызетъ древко — и если «одолѣть не можетъ, то, падая на бокъ, съ «послѣднимъ глухимъ ревомъ издыхаетъ. «Народъ, доселѣ безмолвный, оглашаетъ пло- «щадь громкими восклицаніями живѣйшаго «удовольствія, и Героя ведутъ къ погребамъ «Царскимъ пить за Государево здравіе: онъ «счастливъ сею единственною наградою, или «тѣмъ, что уцѣлѣлъ отъ ярости медвѣдя, «который въ случаѣ неискусства или малыхъ «силъ бойца, ломая въ куски рогатину, зубами «и когтями расперзываетъ его иногда въ «минуту.»

Говоря о страсти Московскихъ жителей къ банямъ, Флетчеръ всего болѣе удивлялся нечувствительности ихъ къ жару и холоду, видя, какъ они въ жестокіе морозы выбѣгали изъ бань нагіе, раскаленные, и кидались въ проруби. Бани.

Извѣстіе сего наблюдателя о погдашней нравственности Россіянъ не благопріятствовало ихъ самолюбію: какъ Писатель учтивый предполагая исключенія, онъ укорялъ Москвитянъ лживостію и слѣдствіемъ ея, недовѣрчивостію безпредѣльною, изъясняясь такъ: «Москвитяне никогда не вѣрятъ сло- «вамъ, ибо никто не вѣритъ ихъ слову[466].» Воровство и грабежъ, по его сказанію, были часты, отъ множества бродягъ и нищихъ, Пороки.

которые, неоднократно требуя милостыни, говорили всякому встрѣчному: «дай мнѣ, или убей меня!» Днемъ они просили, ночью крали или отнимали, такъ, что въ темный вечеръ люди осторожные не выходили изъ дому. — Флетчеръ, ревностный слуга Елисаветинъ, врагъ Западной Церкви, несправедливо осуждая и въ нашей все то, что сходствовало съ уставами Римской, излишно чернитъ нравы монастырскіе, но признается, что

Набожност. искренняя набожность господствовала въ Россіи. Угождая ли общему расположенію умовъ, или въ терзаніяхъ совѣсти надѣясь успокоить ее дѣйствіями внѣшняго благочестія, самъ Годуновъ казался весьма набожнымъ: въ 1588 году имѣя только одного сына-младенца, зимою носилъ его больнаго, безъ всякой предосторожности, въ Церковь Василія Блаженнаго, и не слушалъ врачей: младенецъ умеръ[467]. Тогда же былъ въ Москвѣ юродивый, уважаемый за дѣйствительную или мнимую святость: съ распущенными волосами ходя по улицамъ нагой въ жестокіе морозы, онъ предсказывалъ бѣдствія и торжественно злословилъ Бориса; а Борисъ молчалъ, и не смѣлъ сдѣлать ему ни малѣйшаго зла, опасаясь ли народа, или вѣря святости сего человѣка. Такіе юродивые, или блаженные, нерѣдко являлись въ столицѣ, носили на себѣ цѣпи или вериги, могли всякаго, даже знатнаго человѣка укорять въ глаза беззаконною жизнію и брать все, имъ угодное,

Смерть перваго Борисова сына.

Юродивые

въ лавкахъ безъ платы: купцы благодарили ихъ за то, какъ за великую милость. Увѣряютъ, что современникъ Іоанновъ, Василій Блаженный, подобно Николѣ Псковскому[468], не щадилъ Грознаго и съ удивительною смѣлостію вопилъ на стогнахъ о жестокихъ дѣлахъ его.

Терпимость.

Упрекая Россіянъ суевѣріемъ, иноземцы хвалили однакожь ихъ терпимость, которой мы не измѣняли отъ временъ Олеговыхъ до Ѳеодоровыхъ, и которая въ нашихъ лѣтописяхъ остается явленіемъ достопамятнымъ, даже удивительнымъ: ибо чѣмъ изъяснить ее? Просвѣщеніемъ ли, котораго мы не имѣли? Истиннымъ ли понятіемъ о существѣ Вѣры, о коемъ спорили и Философы и Богословы? Равнодушіемъ ли къ ея Догматамъ въ Государствѣ искони набожномъ? Или естественнымъ умомъ нашихъ древнихъ Князей воинственныхъ, которые хотѣли тѣмъ облегчить для себя завоеванія, не тревожа совѣсти побѣждаемыхъ, и служили образцемъ для своихъ преемниковъ, оставивъ имъ въ наслѣдіе и земли разновѣрныя и миръ въ земляхъ[469]? То есть, назовемъ ли сію терпимость единственно политическою добродѣтелію? Во всякомъ случаѣ она была выгодою для Россіи, облегчивъ для насъ и завоеванія и самые успѣхи въ гражданскомъ образованіи, для коихъ мы долженствовали заманивать къ себѣ иновѣрцевъ, пособниковъ сего великаго дѣла.

Къ счастію же нашему, естественные враги Россіи не слѣдовали ея благоразумной системѣ: Магометане, язычники покланялись у насъ Богу, какъ хотѣли; а въ Литвѣ неволили Христіанъ Восточной Церкви быть Папистами: говоримъ о началѣ такъ называемой *Уніи* въ Сигизмундово время, происшествіи важномъ своими политическими слѣдствіями, коихъ не могли ни желать, ни предвидѣть ея виновники.

Унія въ Литвѣ.

Духовенство Литовское, отвергнувъ Успавъ Флорентійскій[470], снова чтило въ Константинопольскомъ Первосвятителѣ Главу своей Церкви: Патріархъ Іеремія на возвратномъ пути изъ Москвы заѣхалъ въ Кіевъ, отрѣшилъ тамошняго Митрополита Онисифора, какъ двоеженца, и на его мѣсто посвятилъ Михаила Рагозу; судилъ Епископовъ, наказывалъ Архимандритовъ недостойныхъ[471]. Сія строгость произвела неудовольствіе; дѣйствовали и другія причины: домогательство Папы и воля Королевская, обольщенія, угрозы. Еще въ 1581 году хитрый Іезуитъ Антоній Поссевинъ, обманутый не менѣе хитрымъ Іоанномъ, съ береговъ Шелоны писалъ къ Григорію XIII, что *для удобнѣйшаго обращенія Московскихъ еретиковъ* должно прежде озарить свѣтомъ истины Кіевъ, колыбель ихъ Вѣры[472]: совѣтовалъ ему войти въ сношеніе съ Митрополитомъ и съ Епископами Литовскими, послать къ нимъ мужа ученаго, благоразумнаго, ко-

порый могъ бы убѣжденіями и ласками изготовить торжество Римской Церкви въ *землѣ раскола*. Антоній писалъ и дѣйствовалъ: внушилъ Баторію мысль завести Іезуитское училище въ Вильнѣ, чтобы воспитывать тамъ бѣдныхъ отроковъ Греческаго Исповѣданія въ правилахъ Римскаго; старался о переводѣ славнѣйшихъ книгъ Латинской Богословіи на языкъ Россійскій; самъ ревностно проповѣдывалъ, и не безъ успѣха, такъ, что многіе Литовскіе Дворяне начали говорить о соединеніи Церквей и благопріятствовать Западной, угождая болѣе міру, нежели совѣсти: ибо, не взирая на свои права и вольности, утверждаемыя Королями и Сеймами, единовѣрцы наши въ Литвѣ должествовали вездѣ и всегда уступать первенство Католикамъ; бывали даже тѣснимы, — жаловались и не находили управы. Колебались умы и самыхъ духовныхъ сановниковъ: ибо Папа и Сигизмундъ III, исполняя совѣтъ Іезуита Антонія, съ одной стороны предлагали имъ выгоды, честь и доходы новые, а съ другой представляли униженіе Византійской Церкви подъ игомъ Оттоманов. Не грозили насиліемъ и гоненіемъ; однакожь, славя счастіе единовѣрія въ Государствѣ, напоминали о непріятностяхъ, которыя испытало Духовенство въ Литвѣ, отвергнувъ Уставъ Флорентійскій[473]. Еще Митрополитъ Рагоза таилъ свою измѣну, хвалился усердіемъ къ Православію и велѣлъ

сказапь Московскимъ Посламъ, ѣхавшимъ въ Авспрію чрезъ владѣнія Сигизмундовы, что не смѣепъ видѣпься съ ними, будучи въ опалѣ, въ гоненіи за пвердоспь въ Догмапахъ Восточной Церкви, всѣми оспавляемой, совершенно беззащипной; что за него споялъ одинъ Воевода Новогородскій, Ѳедоръ Скуминъ, но и попъ уже безмолвспвуепъ въ спрахѣ; что Папа неопмѣнно пребуепъ опъ Короля и Вельможъ присоединенія Липовскихъ Епархій къ Церкви Римской, и хочепъ опдапь Кіевскую Мипрополію своему Епископу; что онъ (Мипрополипъ) долженъ неминуемо сложипь съ себя Первосвяпипельспво и заключипься въ монаспырь[474]. Послы совѣповали ему быпь непреклоннымъ въ бурѣ и лучше умерепь, нежели предапь свяпую паспву *на расхищеніе волкамъ Латинства.* Михаилъ, лукавый и корысполюбивый, хопѣлъ еще *въ послѣдній разъ* нашего золопа, и взялъ въ задапокъ нѣсколько червонцевъ: ибо Цари, не безъ хипросіпи, давали *милостыню* Духовенспву Липовскому, чпобы оно пипало въ народѣ любовь къ своимъ единовѣрнымъ брапьямъ. Въ помъ же (1595) году сей лицемѣръ, призвавъ въ Кіевъ всѣхъ Епископовъ, усовѣповалъ съ ними искапь мира и безопаспосіпи въ нѣдрахъ Западной Церкви. Только два Свяпипеля, Львовскій Гедеонъ Балабанъ и Михаилъ Премышльскій, изъявили сопропивленіе; но ихъ не слушали, и, къ живѣйшему удовольспвію Короля, послали Еписко-

повъ, Ипатія Владимірскаго и Кирилла Луцкаго, въ Римъ, гдѣ, въ храминѣ Ватиканской, они поржествено лобызали ногу Климента VIII, и предали ему свою Церковь.

Сіе происшествіе исполнило радости Папу и Кардиналовъ: славили Бога; чествили Пословъ *Духовенства Россійскаго* (такъ назвали Епископовъ Владимірскаго и Луцкаго, чтобы возвысить поржество Рима); отвели имъ великолѣпный домъ — и когда, послѣ многихъ совѣщаній, всѣ затрудненія исчезли; когда Послы обязались клятвою въ вѣрномъ наблюденіи Устава Флорентійскаго, принявъ за истину исхожденіе Св. Духа отъ Отца *и Сына*, бытіе Чистилища, первенство Епископа Римскаго, но удерживая древній чинъ Богослуженія и языкъ Славянскій — тогда Папа обнялъ, благословилъ ихъ съ любовію, и Правитель его Думы, Сильвій Антонинъ, сказалъ громогласно: «Наконецъ, чрезъ 150 «лѣтъ (послѣ Флорентійскаго Собора) возвращаетесь вы, о Епископы Россійскіе! къ «каменю Вѣры, на коемъ Христосъ утвердилъ Церковь; къ горѣ святой, гдѣ самъ «Всевышній обитать благоизволилъ; къ матери и наставницѣ всѣхъ Церквей, къ единой истинной — Римской!» Пѣли молебны, на память вѣкамъ внесли въ лѣтописи церковныя *повѣсть о возсіяніи новаго свѣта въ странахъ полунощныхъ*; вырѣзали на мѣди образъ Климента VIII, Россіянина падающаго ницъ предъ его прономъ и надпись

Латинскую: Ruthenis receptis[473]....Однакожь радость была не долговременна.

Во-первыхъ, Святители Литовскіе, измѣняя Православію, надѣялись, по обѣщанію Клименпову, засѣдать въ Сенатѣ наравнѣ съ Латинскимъ Духовенствомъ, но обманулись: Папа не сдержалъ слова, опъ сильнаго пропиворѣчія Епископовъ Польскихъ, которые не хотѣли равняться съ Уніатами. Во-вторыхъ, не только Святитель Львовскій, Гедеонъ, со многими другими духовными сановниками, но и нѣкоторые знатнѣйшіе Вельможи, наши единовѣрцы, воспротивились Уніи: особенно Воевода Кіевскій, славный богатствомъ и душевными благородными свойствами, Князь Константинъ Осторожскій. Говорили и писали, что сіе мнимое соединеніе двухъ Вѣръ есть обманъ; что Митрополитъ и клевреты его приняли Латинскую, единственно для вида удержавъ обряды Греческой. Народъ волновался; храмы пустѣли. Чтобы важнымъ, священнымъ дѣйствіемъ Церковнаго Собора утишить раздоръ, всѣ Епископы съѣхались въ Брестѣ, гдѣ присутствовали и Вельможи Королевскіе, Послы Климента VIII и Патріарха Византійскаго; но, вмѣсто мира, усилилась вражда. Соборъ раздѣлился на двѣ стороны; одна предала анаѳемѣ другую — и съ сего времени существовали двѣ Церкви въ Литвѣ: *Уніатская* или *Соединенная*, и *Благочестивая* или *Несоединенная*. Первая зависѣла отъ Рима,

впорая опъ Конспантинополя. Уніатская, подъ особою защипою Королей и Сеймовъ, усиливалась, гнала Благочестивую въ ея сиропспвѣ жалоспномъ — и долго спонъ нашихъ единовѣрныхъ брапьевъ исчезалъ въ воздухѣ, не находя ни милосердія, ни справедливоспи въ верховной власпи. Такъ одинъ изъ сихъ ревноспныхъ Христіанъ Греческаго Исповѣданія торжеспвенно, на Сеймѣ, говорилъ Королю Сигизмунду[476]: «Мы, усердные сыны «Республики, готовы спояпь за ея цѣлоспь; «но можемъ ли ипти на враговъ внѣшнихъ, «терзаемые внупреннимъ: злобною Уніею, «копорая лишаепъ насъ и безопасноспи граж- «данской и мира душевнаго? Можемъ ли своею «кровію гасипь пылающія спѣны опечеспва, «видя дома пламень, никѣмъ не гасимый? «Вездѣ храмы наши запворены, Священники «изгнаны, доспояніе церковное расхищено; «не крespяпъ младенцевъ, не исповѣдуюпъ «умирающихъ, не оппѣваюпъ мерпвыхъ, и «пѣла ихъ вывозяпъ какъ сперво въ поле. «Всѣхъ, кпо не измѣнилъ Вѣрѣ опцевъ, «удаляюпъ опъ чиновъ гражданскихъ; благо- «чеспіе еспь опала: законъ не блюдепъ «насъ.... вопіемъ: не слушаюпъ!...Да пре- «крапипся же ширанспво! или (о чемъ не «безъ ужаса помышляемъ) можемъ восклик- «нупь съ Пророкомъ: *суди ми, Боже, и раз- «суди прю мою!*» Сія угроза исполнилась позднѣе, и мы, въ счасппивое царспвованіе

Алексія, споль легко пріобрѣли Кіевъ съ Малороссіею отъ насилія Уніатовъ.

Такимъ образомъ Іезуитъ Антоній, Король Сигизмундъ и Папа Климентъ VIII, ревностно дѣйствуя въ пользу Западной Церкви, невольно содѣйствовали величію Россіи!

Конецъ X Тома.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ X ТОМУ

ИСТОРІИ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) Тацитъ.

(2) См. Пепрея, 256. — *Написаніе о Царехъ Московскихъ* (*Русск. Достоп.* 173) — *Никон. Лът.* VII, 319 и *Морозов. Лът.*

(3) См. *Написаніе о Царехъ*, въ *Русск. Достоп.* 173. и Флетчера C. W. 110. Въ Моск. Арханг. Соборѣ, надъ гробницею Ѳеодора, видимъ его изображеніе.

(4) См. *Морозов. Лът.* и многихъ другихъ.

(5) Отецъ К. Ив. Мстиславскаго былъ женатъ на племянницѣ В. Кн. Вас. Іоан., Анастасіи, дочери Царевича Петра.—О человѣколюбіи Никиты Романов. см. Т. IX, 221.

(6) *Ник. Лът.* и Горсея въ Гаклуйт. *Navig.* 525.

(7) Горс. Coron. of Phed. Ivan. въ Гаклуйт. 526.

(8) См. тамъ же, — *Собр. Госуд. Грам.* II, 72, и *Никон. Лът.*

(9) См. *Морозов. Лът.* и Горсея въ Гакл. Navig. 526.

(10) *Никон. Лът.* и друг.; также Лапух. Спеп. Кн. Сей мятежъ былъ еще до коронаціи Ѳеодоровой, при Англ. Послѣ Баусѣ (Гаклуйт. Navig. 521) около 10 Мая (Дѣла Англ. No. 1, л. 232.)

(11) См. Бауса въ Гаклуйт. Navig. 521.

(12) См. Розрядн. Кн. сего и слѣдующихъ годовъ. Въ 1591 г. Бѣльскій уже опять находился въ столицѣ, и называется снова *Оружничимъ*, въ росписи сановниковъ при защитѣ Москвы отъ Хана.

(13) Баусъ въ Гаклуйт. Navig. 521. Въ разныхъ лѣтописяхъ сказано, что Борисъ умеръ 53 лѣтъ: Горсей считалъ его годами тремя старѣе. См. *Морозов. Лът.*

(14) См. Горсеев. Coronation of Ph. 526, и Дѣла Польск. No. 15, л. 101. Въ *Ядрѣ Рос. Исторіи* за-

медленіе коронаціи приписано мятежу народа Московскаго.

(15) См. Одерборна.

(16) См. Лапух. Степен. Кн. и другія Лѣтописи, Горсея, Одерборна, и въ *Соб. Госуд. Грам.* II, 72, описаніе Ѳеодорова вѣнчанія.

(17) См. Горсеев. Coronation въ Гаклуйт. 526. Сей скипетръ, осыпанный драгоцѣнными каменьями, былъ длиною въ $3^1/_2$ фута, купленъ Іоанномъ въ 1581 году у купцевъ Аугсбургскихъ за 7000 фунтовъ стерлинговъ (markes sterling), а ими у Горсея, который сказываетъ, что одежда Ѳеодорова вѣсила не менѣе 200 фунтовъ; что 6 Князей держали хвостъ мантіи Царской, а Дм. Ив. Годуновъ, Никита Романовичь, Степанъ, Григорій и Иванъ Васильевичи Годуновы *шесть коронъ*: какихъ же?

(18) Горсей пишетъ (въ Гаклуйтѣ 527), что одежда и древняя конская збруя Князя Ив. Мих. Глинскаго стоили 100,000 фунтовъ стерлинговъ.

(19) Тамъ же.

(20) См. тамъ же, стран. 528. Стрѣльцевъ было 20,000, а всадниковъ 50,000.

(21) Горсей (тамъ же, стр. 528).

(22) См. тамъ же, стран. 529, и Т. IX, описаніе кончины Іоанна.

(23) Послѣ Іоанна остались Бояре: 1, К. Ив. Ѳед. Мстиславскій; 2, Никита Роман. Юрьевъ-Захарьинъ; 3, К. Ѳед. Мих. Трубецкій; 4, Богданъ Юр. Сабуровъ; 5, К. Ѳед. Ив. Мстиславскій; 6, К. Вас. Ѳед. Скопинъ-Шуйскій; 7, К. Вас. Юр. Голицынъ; 8, К. Ив. Петр. Шуйскій; 9, Дм. Ив. Годуновъ; 10, Борисъ Ѳед. Годуновъ; 11, К. Петръ Ив. Тапевъ. Ѳеодоромъ пожалованы въ Бояре: 1, К. Григ. Андр. Куракинъ; 2, Степ. Вас. Годуновъ; 3, Ѳед. Вас. Шереметевъ; 4, К. Дм. Ив. Хворостининъ; 5, Дворецкій Григ. Вас. Годуновъ; 6, К. Вас. Ив. Шуйскій; 7, Ив. Вас. Годуновъ; 8, К. Никита Ром. Трубецкій; 9, К. Андрей Ив. Шуйскій; 10, К. Ѳед. Дм. Шестуновъ; 11, К. Андрей Петр. Куракинъ.

Вотъ родство Годуновыхъ:

Григорій

Петръ — Иванъ

Василій — Ѳедоръ — Дмитрій

Степанъ, Григорій, Иванъ. Борисъ, Ирина.

О награжденіи К. Ив. Петр. Шуйскаго см. *Дѣл. Пол.* No. 18, л. 123.

(24) См. Дѣла Англ. No 1, л. 349, и грамоты; также Горсея въ Гакл. 527.

(25) Флетчеръ (Of the Russe Common-Wealth 23): «Годуновъ имѣетъ ежегоднаго доходу съ своихъ вот-«чинъ въ Вязьмѣ и Дорогобужѣ 6000 рублей, отъ «Конюшенныхъ слободъ, луговъ и пчельниковъ Мо-«сквы-рѣки (вверхъ на 30, внизъ на 40 верстъ) 12,000 «рублей или марокъ, жалованья отъ Царя 15,000 р., «съ уѣзда и города Ваги (или Шенкурска) 32,000 р., «съ Рязани и Сѣверы 30,000 р., съ Твери и Торжка «8000 р., съ Московскихъ бань 1500 р., кромѣ того, «что даютъ ему помѣстья.» Горсей (въ Гакл. 528): «Область Важская ежегодно приноситъ Годунову «придцать пять тысячь марокъ (или рублей): что «не составляетъ ни *пятой* части его дохода.»

(26) Горсей (въ Гакл, 528).

(27) Такъ обыкновенно именуетъ Бориса Патріархъ Іовъ (*Никон. Лът.* VII, 337, 340, 355). И въ дѣлахъ Посольскихъ встрѣчается это имя. Горсей (въ Гакл. 527): Boris was made Lieutenant of the Empire. Петрей (Musskow. Chron. 256) разсказываетъ, что Бояре, зная Ѳеодорову слабость, въ общемъ совѣтѣ съ Царемъ избрали Годунова ему въ помощники; что Ѳеодоръ всталъ съ мѣста, надѣлъ золотую цѣпь на своего шурина и сказалъ: «Борисъ! съ сею «цѣпію даю тебѣ санъ Правителя, желая, чтобы «ты всю тягость власти снялъ съ моей шеи на «свою, всѣ дѣла маловажныя рѣшилъ самъ, а въ важ-«ныхъ относился ко мнѣ, Царю и Помазаннику.» Золотую цѣпь Великокняжескую надѣлъ Ѳеодоръ на

Бориса гораздо послѣ, какъ увидимъ. Шведъ Петрей (Petrus Petrejus) былъ нѣсколько разъ посыланъ въ Россію Карломъ IX во время Самозванцевъ и сообщаетъ весьма подробныя извѣстія о тогдашнихъ происшествіяхъ, называя себя очевидцемъ; но всѣ его любопытныя сказанія взяты имъ изъ рукописной *Московской Хроники* Мартина Бера (не Конрада Буссау, какъ пишетъ Кельхъ) уроженца Нейштатскаго, Пастора Люттеранской церкви въ Москвѣ при Годуновѣ и Лжедимитріи (съ P. Petrei Chron. 276). И такъ, ссылаясь на Петрея, мы ссылаемся на Бера, коего лѣтопись Нѣмецкую съ Латинскимъ заглавіемъ (Chronicon Muscoviticum, continens res a morte Ioannis Basilidis Tyranni, omnium quos sol post natos homines vidit, immanissimi et truculentissimi, an. Christi 1584 — 1612) получилъ я отъ Е. С. Графа Николая Петровича Румянцова.

(28) См. въ Гаклуйтѣ стран. 528.

(29) См. Т. VIII, 52 и 101 и Гакл. 529. Горсей славитъ здѣсь мудрость Царицы Ирины.

(30) См. Т. IX, г. 1583, *Никон. Лът.* VIII, 7, и Лапухина Степен. Кн. Въ Іюлѣ 1584 былъ посланъ на Черемисскихъ мятежниковъ Окольничій К. Дм. Елецкій, а въ Окт. К. Ив. Ногтковъ (Розрядн. Кн.). См. Дѣла Польск. No. 15, л. 427. Въ Розрядн. Книгахъ упоминается въ 1592 г. о бунтѣ двѣнадцати волостей въ землѣ Луговыхъ Черемиссовъ.

(31) См. *Строган. Лът.*

(32) См. Т. IX, гл. VI.

(33) См. *Есипов.* и *Строган. Лът.* — Мѣсто при устьѣ Иртыша, гдѣ находились сдѣланныя Мансуровымъ и Мещерякомъ укрѣпленія, до нынѣ именуется *городищемъ*; по-Остяцки же *Ушъ-Вашъ*, т. е. *Русской-городъ* (см. Мил. С. И. 198).

(34) См. *Есипов. Лът.*

(35) См. грамоту Ѳеодорову къ Кучюму 1587 г. (*Собр. Госуд. Грам.* II, 134).

(36) См. *Ремезов. Лът.*, Мил. С. И. 224, и *Собр. Госуд. Грам.* II, 131.

(37) См. грамоту Ѳеодорову къ Кучюму (выше, примѣч. 35).

(38) См. письмо Абдулъ-Хаирово къ отцу въ *Собр. Госуд. Гр.* II, 131.

(39) См. тамъ же, стр. 130, и письма Царя отъ 26 Іюня 1595 къ Тарскому Воеводѣ, Князю Ѳед. Борис. Елецкому, и къ Тюменскому Воеводѣ, К. Григ. Ив. Долгорукому, отъ 26 Іюля того же года (Мил. С. И. 288 и 300).

(40) Еще въ 1505 году упоминается о Князѣ *Уфимскомъ* (см. Т. VI, стран., 333.), Вельможѣ Царя Казанскаго; но нынѣшняго *города Уфы* еще не было около 1574 года: см. Мил. *Сибир. Истор.* 80. Астрах. Воевода К. Ѳед. Лобановъ-Ростовскій въ Сент. 1586 писалъ къ Царю (см. Дѣла Астрахан. въ Мос. Арх. Кол. Ин. Дѣлъ): «Пишетъ, Государь, Уруевъ Князь «(Ногайскій), чтобъ твоимъ Государевымъ городомъ «на *Уфѣ* и на *Самарѣ* впередъ не быти.» Въ семъ году, весною, начали строить ту и другую крѣпость: первую на *Бѣлой Воложкѣ*, вторую на рѣкѣ Самарѣ.

(41) См. Мил. *Сиб. Истор.* 226, 280, 311, 312.

(42) Тамъ же, стр. 239.

(43) См. тамъ же, стр. 240.

(44) Въ Дѣлахъ Польск. No 16, *л.* 27: «Ясаку полю- «жилъ (Государь) на Сибирское Царство, и на Конду «Большую, и на Конду на меншую, и на Пелымское «Государство, и на Туру рѣку, и на Ирпышъ, и на «Иргизское Государство, и на *Пѣгіе Колмаки*, и на «Обь Великую, и на всѣ городки на Обскіе, на *девя- «носто на четыре городы*, съ году на годъ имати по «пяти тысячь сороковъ соболей, по десяти тысячь «лисицъ черныхъ, да по пяти сотъ тысячь бѣлки «большіе Сибирскіе и Илецкіе.» Такъ называемые *Пѣгіе Колмаки* (или Пѣгая Орда) жили въ Сургутскомъ Уѣздѣ (см. Мил. С. И. 326, 327).

(45) См. Гакл. стр. 521. — Баусъ выѣхалъ изъ Москвы 30 Мая, на канунѣ Ѳеодоровой коронаціи.

(46) См. Дѣла Англ. No 1. *л.* 236.

(47) См. донес. Приспава Никиф. Сущова Государю изъ Колмогоръ. Романъ Бекманъ поѣхалъ изъ Москвы сухимъ путемъ въ Англію, черезъ Липву, въ Дек. 1584, а возвратился 18 Сент. 1585 (см. Дѣла Англ. No 1, 267).

(48) Тамъ же, л. 271.

(49) См. Гакл. 528; въ нашихъ Спап. Спискахъ онъ именуется *гостемъ Еремѣемъ Ульяновымъ Горшіемъ*.

(50) Юма. *Hist. of Engl.* appendix III.

(51) Горсей возвратился къ Царю 15 Іюля 1586. См. Дѣла Англ. л. 300, 303.

(52) Тамъ же, л. 308, 310.

(53) Тамъ же, 312 — 319.

(54) Въ грамотѣ Ѳеодоровой къ Елисаветѣ (л. 328): «И тое *Божью дорогу*, *Окіянъ-море* какъ мочно пе-«реняти, и унять, и затворить?»

(55) См. Дѣла Англ. л. 349.

(56) См. тамъ же.

(57) См. Дѣла Польск. No 15, л. 1 и слѣд. Ѳеодоръ 12 Апр. 1584 опправилъ чиновника Андр. Яков. Измайлова къ Баторію съ извѣстіемъ о своемъ воцареніи.

(58) Тамъ же, л. 209. Сапѣга выѣхалъ изъ Москвы 28 Іюля. Съ извѣстіемъ объ освобожденіи всѣхъ Липов. военноплѣнныхъ Царь послалъ къ Стефану Дворянина Ислѣньева, который возвратился въ Августѣ. Стефанъ благодарилъ, обѣщаясь дать свободу и нашимъ плѣнникамъ, кромѣ Воеводъ и *лучшихъ* Дѣтей Боярскихъ, за коихъ требовалъ окупа. К. Троекуровъ и Безнинъ съ Дьякомъ Ѳом. Пепелинымъ выѣхали изъ Москвы 22 Ноября.

(59) Никита Романовичь умеръ въ 1585 г. по спи-эку Боярскому; а по другимъ извѣстіямъ, 23 Апр. 1586 (см. Миллер. Samml. R. G. V, 36). Флетчеръ (C. W. л. 27 па об.): «говорили, что онъ былъ отра-«вленъ ядомъ.»

(60) Стрепен. Кн. Лапухина, также *Никон.* и *Мороз. Лът.*

(61) См. ниже.

(62) См. Дѣла Польск. No 16, л. 98.

(63) См. *Никон. Лът.* VIII, 8.

(64) См. дѣла Польск. No 15, 629, донесеніе К. Троекурова и Безнина.

(65) См. тамъ же, л. 630. Троекуровъ и Безнинъ пріѣхали въ Варшаву 8 Февр. 1585, а выѣхали оттуда 24 того же мѣсяца.

(66) Тамъ же, л. 631.

(67) Опъ 29 Мая до 3 Іюня 1587. Послы не могли условиться о выкупѣ нашихъ плѣнниковъ, отвергнувъ неумѣренныя Стефановы требованія; но Секретарь Баторіевъ, Янъ Ловѣйскій, догнавъ ихъ въ Борисовѣ, заключилъ съ ними слѣдующій договоръ: «Если Царь за двѣ недѣли до Троицына дни при«шлетъ Королю 32 тысячи рублей, то Король ве«литъ освободить всѣхъ Рос. плѣнниковъ.» Возвратясь въ Москву 4 Апр., Троекуровъ и Безнинъ жаловались на грубость Стефанову и Вельможъ его.

(68) См. Дѣла Польск. No 16, л. 1 и слѣд. Гарабурда былъ представленъ Царю 10 Апр.

(69) Л. 75 и слѣд.

(70) Л. 84.

(71) См. Дѣла Польск. No 16, л. 29.

(72) См. Гейденшт. Res. Pol. 238. Стефанъ посылалъ въ Римъ своего племянника, Андрея Баторія, вмѣстѣ съ Іезуитомъ Антоніемъ Поссевиномъ (о комъ см. Т. IX, г. 1582).

(73) Въ Февр. 1585 Стефанъ прислалъ въ Москву безъ окупа только 20 Рос. плѣнниковъ: К. Матвѣя Мещерскаго, Радиловыхъ, Обухова, Чирикова и другихъ. См. отвѣтъ Михайлу Гарабурдѣ (Дѣла Польск. No 16, л. 113). О серебрѣ, отнятомъ въ Литвѣ у Москов. гостей, Мишенина и Коробейникова, ѣхавшихъ въ Грецію, см. Дѣла Польск. No 15, л. 590.

(74) См. тамъ же, л. 585 и слѣд.

(75) К. Троекуровъ, Дворянинъ Ѳед. Андр. Писемской и Дьякъ Ѳома Дружина Пешелинъ пріѣхали

въ Гродно 15 Авг. (Дѣла Пол. No 16, л. 263 и слѣд.)

(76) Тамъ же, л. 265, 266, 351, 352.

(77) Тамъ же, л. 355, 356.

(78) Тамъ же, л. 377.

(79) Тамъ же, л. 366, и выше, примѣч. 44.

(80) Тамъ же, л. 302 и слѣд. Послы наши откланялись Королю 29 Авг. и возвратились въ Москву 1 Окт.

(81) Въ Дѣлахъ Цесар. Двора No 5, л. 45 (въ донесеніи Лукьяна Новосильцова).

(82) См. Дѣла Польск. No 15, л. 598.

(83) Тамъ же, л. 830: Лѣта 7094 Окт. 1 (г. 1585).

(84) См. Т. IX, гл. VII, г. 1583 и Дѣла Швед. No 4, л. 1 и слѣд. Де-ла-Гарди писалъ къ Новогород. Намѣстникамъ отъ 26 Мая и 12 Іюля 1584, и 14 Марша 1585, а Король Іоаннъ къ Царю отъ 2 Марша сего года.

(85) См. въ сей же книгѣ Дѣлъ Швед. л. 4 и 40.

(86) Тамъ же, л. 50 и 54.

(87) См. Далина Gesch. г. 1585, стран. 133, и Дѣла Швед. No 4, л. 78 — 248.

(88) Тамъ же, л. 205, 206.

(89) См. Далина, гл. XV, стр. 134. Въ Дѣлахъ Швед. 226 на об.

(90) См. Дѣла Цес. Двора No 4. л. 17 и слѣд. Лук. Новосильцовъ съ Толмачемъ Яковомъ Заборовскимъ выѣхалъ изъ Москвы въ Ноябрѣ 1584. Императорскій чиновникъ, Даніилъ Принцъ (который былъ у насъ Посланникомъ: см. Т. IX, 235), имѣлъ съ нимъ частные переговоры, зная, кажется, Славянскій языкъ.

(91) Тамъ же, л. 63 и 66.

(92) Тамъ же, л. 71 на об.

(93) См. Т. IX, г. 1583, и въ Архивѣ Кол. Иностр. Дѣлъ грамоту Датскаго Короля Фридерика II къ Царю Ѳ. І. отъ 23 Авг. 1585. 26 Ноября 1584 Бургомистры города Любека писали къ Намѣстн. Псков. К. Ив. Петр. Шуйскому, о свободномъ пропускѣ ихъ

Депутата въ Москву къ *Императору всея Россіи*, Kayser aller Reussen, (см. сію грамоту, весьма красиво писанную, въ Архивѣ Иноспран. Дѣлъ). Болѣе ничего не знаемъ о погдашнихъ дѣлахъ Ганзы съ нашимъ Правительствомъ.

(94) См. Т. IX, г. 1583, и Дѣла Крымск. No 16, л. 47.

(95) См. Дѣла Турецк. No 2, л. 370.

(96) Дѣла Крым. No 16, л. 79.

(97) Тамъ же, л. 48, и въ Архив. Розрядн. Кн. л. 679. Это было въ 1584 году. См. Дѣла Польск. No 17, л. 329.

(98) Дѣла Крым. No 16, л. 94, Дѣла Польск. No 17, л. 329, Архив. Разряд. Кн. л. 709.

(99) См. Дѣла Крым. No 16, л. 2 и 21.

(100) Мурадъ пріѣхалъ къ Государю въ 1586 г. См. въ Арх. Кол. Ин. Дѣлъ *Отписки въ Посольскій Приказъ Астраханскаго Воеводы К. Ѳед. Лобанова-Ростовскаго о Царевичѣ Муратъ-Гирѣ*, (въ Октябрѣ 1586).

(101) Тысячи двухъ сошъ. За Царевичемъ ѣхали верхомъ Воеводы.

(102) См. выше, примѣч. 40, и въ Архивѣ Иностр. Кол. *Отпускъ изъ Москвы Муратъ-Гирея* и *отписки Воеводъ Астраханскихъ*.

(103) См. тамъ же, въ *Отпускѣ* и *въ Отпискахъ*.

(104) См. Дѣла Крым. No 16, л. 164; см. также выше, л. 96 и 97.

(105) См. Т. VII, 85, — Т. VIII, 61 и Т. IX. 124

(106) См. Дѣла Турецк. No 2, л. 259 и слѣд.

(107) См. тамъ же, л. 262, 275, 277, 457.

(108) Тамъ же, л. 441, 455.

(109) Тамъ же, л. 443, 445, 454.

(110) См. Розр. Кн. г. 1585 и Дѣла Тур. л. 475.

(111) Дѣла Турецк. л. 481.

(112) Благовъ донесъ Государю, что Султанъ желаетъ мира съ Шахомъ, съ Королями Испанскимъ и Французскимъ, мысля воевать Россію. См. Дѣла л. 369.

(113) См. Т. VI. 226.

(114) См. Дѣла Грузинскія, No 1, л. 1 и слѣд. Послами были Священникъ Іоакимъ, Монахъ Кириллъ и Черкашенинъ Хуршипъ.

(115) Тамъ же, л. 287 (слова Царя Грузинскаго). Увидимъ послѣ, что Удѣломъ Симеоновымъ была Кахинія.

(116) Шавкаломъ или *Шевкаломъ* (см. *Ник. Лѣт.* 224—287, и *Архив. Л.* 344) или *Шамхаломъ* назывался главный Князь Дагестанскій, коего столица была въ Таркахъ или въ Теркахъ, городѣ оставленномъ и срытомъ въ 1728 году. Нынѣшнія Терки стоятъ на другомъ мѣстѣ. — См. Дѣла Грузин. л. 92.

(117) Гонцевъ или Посланниковъ, Родіона Биркина, Петра Пивова, Подъячаго Полухапова (въ Апр. 1587). 16 Авг. они пріѣхали на границу Иверіи, гдѣ встрѣтилъ ихъ Александровъ *Окольничій* съ 50 *Азнаурами* (всадниками) и со 100 *Янычанъ* (пѣшихъ воиновъ); а 25 Авг. были представлены Царю, въ шатрѣ *на горахъ*. — Въ Окт. 1588 вторично пріѣхали въ Москву Послы Иверскіе, Князь Капланъ, Чернецъ Кириллъ и Черкашенинъ Хуршипъ (л. 78) съ извѣщеніемъ о поддапствѣ ихъ земли. Въ Апр. 1589 поѣхалъ въ Иверію К. Сем. Григ. Звенигородскій, Намѣстникъ Брянскій, съ Дьякомъ Торхомъ Антоновымъ; онъ пріѣхалъ къ Александру въ Окт., а возвратился въ Москву лѣтомъ 1590 года.

(118) См. Дѣла Грузин. л. 147, 185, 290, 292, 296, 313.

(119) Тамъ же, л. 74 и 298.

(120) Тамъ же, л. 312 и 313 на об.

(121) Тамъ же, л. 88 на об. и 105.

(122) Тамъ же, л. 295 на об.

(123) Тамъ же, л. 194, 287.

(124) Тамъ же л. 263 на об., 315, 317. — О *новомъ титулѣ* Ѳеодора см. въ диплом. бумагахъ сего времени, на примѣръ въ Дѣл. Польск. No 21, л. 208.

(125) См. Дѣла Липов. No 16, л. 24 на об. О Посольствѣ Григорья Васильчикова и Подъячаго Монастырева въ Дѣлахъ Персид. No 1, л. 2 и слѣд.

(126) См. Дѣла Персид. л. 50 и слѣд.

(127) См. тамъ же, л. 166 — 212. Послы Шаховы пріѣхали къ намъ въ Маѣ 1590.

(128) См. Дѣла Грузин. No 1, л. 71.

(129) См. Дѣла Персид. л. 199. Дары присланные Шахомъ (л. 190): «Сѣдло Кизылбашское дѣло; на«спилка бархатъ Кизылбашской; луки и звезди кова«ны золотомъ, въ нихъ вдѣланы яхонты червчаты и «лалы и бирюзы; войлоки бархатъ; крыльца и пе«бенки камка; стремена желѣзные обогнуты сере«бромъ; пряжи серебрены; пуслица и подпруги шка«ны въ кружки, шолкъ чорнъ да лазоревъ, да черв«чатъ, да бѣлъ съ золотомъ и серебромъ: цѣна 526 «рублевъ» (т. е. около 10,000 нынѣшнихъ руб.асс.)«узда «и паперсть хозъ чорнъ, опушено гзомъ празеленымъ; «пряжи и наузольники и запряжники, у наперсти «крюки и запряжники золоты: цѣна 31 р. Коверъ «розные цвѣты съ золотомъ и серебромъ: цѣна 30 р. «Два лала: цѣна 150 р. Шатеръ и полы, выбиванъ по «опласу и по тафтѣ, и шитъ шелки, подложенъ «кипдяками; соха писана золотомъ пворенымъ: цѣна «792 р.... Посолъ Бупакбекъ Государю челомъ уда«рилъ: камка шолкъ бѣлъ да червчатъ, по ней звѣри «и козы: цѣна 6 р.; бархатъ Бурской червчатъ, мѣ«ры въ немъ 10 аршинъ съ четью: цѣна 12 р.... «коверъ Бухарской розные цвѣты, кистп шолкъ зе«ленъ: цѣна 10 р.... сабля булатна, наведена золо«томъ, ножны хозъ празеленъ: цѣна 5 р.,» и проч. Л. 184: «И того дни Кизылбашскіе послы у Госу«даря ѣли; а столъ былъ въ Большой въ Грановитой «полатѣ, а поставцы были въ полатѣ около столба «всѣ, и у дверей надъ трубою, и въ сѣнехъ передъ «полатою по лѣвой сторонѣ стояли суды серебре«ные всѣхъ поставцовъ; а по правой сторонѣ, вы«шедъ изъ полаты, стояли бочки и ведра серебреные «и ковши большіе. А Государь сидѣлъ за столомъ

«въ своемъ Государевомъ мѣстѣ, а мѣсто было учи-
«нено золото съ премя степенми; а передъ Госу-
«даремъ былъ столъ золотъ; а по лѣвую сторону
«въ окнѣ отъ Благовѣщенья стоялъ столъ Нѣмецкое
«дѣло, камень деманитъ на ношкахъ серебреныхъ, а
«на немъ язычки; а въ другомъ окнѣ по правую
«сторону стояли *часы боевые* золочены, Нѣмецкое
«дѣло, походные на слонѣхъ. А бояре сидѣли за сто-
«ломъ, въ большой лавкѣ, К. Ѳед. Мих. Трубецкой,
«да Дм. Ив. Годуновъ, да Борисъ Ѳедор. Годуновъ;
«а иные Бояре и Дворяне Большіе въ шубахъ наголь-
«ныхъ и въ шапкахъ чорныхъ. А въ другой лавкѣ
«сидѣли Дворяне выборные въ нагольныхъ же шубахъ
«и въ шапкахъ. А Послы сидѣли въ кривомъ столѣ
«въ лавкѣ.... а противъ ихъ сидѣлъ и подчивалъ Дм.
«Ив. Вельяминовъ.... А Стольники и Стряпчіе всѣ
«были въ золотномъ платьѣ .... А подача Посломъ
«отъ Государя была послѣ Бориса Ѳед. Годунова.»

Титулъ Государевъ въ письмѣ къ Шаху (л. 223):
«Бога безначальнаго, невидимаго, превыше небесъ
«пребывающаго, и словомъ вся сотворшаго, и духомъ
«Своимъ всѣмъ животъ дарующаго, страшнаго и не-
«приступнаго, владающаго силами небесными и устро-
«яющаго по всей земли всяческая, Его же трепе-
«щутъ и боятся небесная и земная и преисподняя,
«Сего силою и дѣйствомъ стоимъ и движемся и пре-
«бываемъ, и величеству Его славу возсылаемъ, утвер-
«дившаго насъ скифетръ держати православія и па-
«сповати словеснымъ Его овцамъ, мы великій Госу-
«дарь,» и проч. Борисъ также писалъ къ Шаху. Въ
тоже время были отпущены изъ Москвы и Гилянскіе
послы, 29 Іюня 1590.

(130) См. тамъ же, *л.* 269.

(131) См. ниже о многочисленности Ѳеодорова вой-
ска въ Шведскомъ походѣ 1590 года.

(132) См. Розрядн. Кн. Ѳеодорова времени.

(133) См. *Двинск. Лът.* (въ Рос. Вивліоѳ. XVIII, 15) и Дѣл. Польск. 1591 г. No 21, *л.* 208.

(134) Тамъ же, спр. 15, и *Дѣла Англ.*

(135) См. Хронографъ Гр. Толстаго, г. 1589.

(136) См. Хронографы и Лапухин. Степен. Кн.; въ первыхъ строитель Бѣлаго города именованъ Конономъ Ѳедоровымъ (съ прибавленіемъ, что онъ занимался симъ дѣломъ около семи лѣтъ), а въ послѣдней Ѳедоромъ *Конемъ*.

(137) См. въ Архивѣ Кол. Иностр. Дѣлъ *Отправленіе Посланника Ив. Хлопова къ К. Урусу* (въ Іюнѣ 1586).

(138) На примѣръ, въ Дѣлахъ Персид. No 1. л. 194.

(139) См. выше. Въ 1586 году Бояре Царской Думы такъ писались: «Опъ Боярина и Намѣстника «Володимірского, опъ К. Ѳед. Ив. Мстиславского — «опъ Б. и Н. Псковского, опъ К. Ив. Петр. Шуй- «ского — опъ Б. и Н. Новогородцкого, опъ Дм. Ив. «Годунова — опъ Б. и Конюшего и Намѣстн. Казан. «и Астрах., опъ Бор. Ѳед. Годунова — опъ Б. и Н. «Двинского, опъ К. Ондр. Ив. Шуйского — опъ Б. и «Н. Костромского, опъ Степ. Вас. Годунова — опъ «Б. и Дворецкого, опъ Григорья Вас. Годунова — «опъ Б. и Н. Каргопольского, опъ К. Дм. Ив. Шуй- «ского — опъ Б. и Дворецкого Казанского и Ниже- «городцкого и Намѣстника Резанского, опъ Ив. Вас. «Годунова — опъ Б. и Н. Вологоцкого, опъ К. Ми- «кипы Романовича Трубецкого, — опъ Б. и Н. Ни- «жегородцкого, опъ Ѳедора Никипича Романова — «опъ Б. и Н. Устюжского, опъ К. Тимоѳ. Роман. «Трубецкого — опъ Б. и Н. Ржевского, опъ К. Ив. «Вас. Сипцкого-Ярославского — опъ Б. и Н. Бѣло- «зерского, опъ К. Ѳед. Дм. Шестунова — опъ Б. «и Н. Коломенского, опъ К. Ѳед. Мих. Троекурова— «опъ Кравчего и Н. Коширского, опъ Александра «Никипича Романова — опъ Большихъ Діяковъ, «опъ Ондрея да опъ Василья Яковлевичевъ Щелка- «ловыхъ.»

(140) См. Розрядн. Кн. Ѳеодорова царствованія.

(141) См. Т. IV, 240. Въ Родослов. К. сказано, что Князь Четъ выѣхалъ въ 1330 году.

(142) См. *Никон. Лет.* и другія; также Лапухина Степен. Кн. — Годуновъ примирился съ Шуйскими еще въ 1585 году.

(143) Такъ всегда отвѣтствовали Митрополиты Литовской Думѣ, когда она требовала ихъ ходатайства или содѣйствія въ мирныхъ переговорахъ съ Россіею.

(144) См. Судебникъ.

(145) Въ Степен. Кн. Лапух.: «*Премудрый Грамматикъ*, Діонисій Митрополитъ.» Въ Патріаршей или Синодальной библіотекѣ хранится подлинная жалованная грамота, данная Царемъ Ѳеодоромъ Іоанну сему Митрополиту 24 Генв. 1585: «о невъѣздѣ въ его волости, въ монастырскія и въ села Митрополичьихъ Дѣтей Боярскихъ Государевымъ Посланнымъ, Губнымъ Старостамъ, Городовымъ Прикащикамъ и Разсыльщикамъ для денежныхъ сборовъ, и о взносѣ всякихъ податей съ церковныхъ недвижимыхъ имѣній въ казну на Москвѣ.»

(146) См. Степен. Кн. Лапухина. По невѣроятному сказанію Д. Хитрея, Царь Іоаннъ написалъ будто бы въ своемъ завѣщаніи, что если Ирина черезъ два года не будетъ матерью, то Ѳеодору развестись съ нею и жениться на другой.

(147) Меньшую сестру ея въ 1589 г. выдали замужъ за Кн. Черкасскаго, Василія. (Дѣла Польск. No 19, л. 28.) Кн. Ив. Ѳедор. Мстиславскій умеръ Монахомъ въ 1586 году: см. Списокъ Бояръ въ *Вивліоѳ.* XX, 62.

(148) См. Дѣла Польск. No 18, л. 123 — *Никон. Лет.* и другія. — См. также Лапух. Степен. Кн., Морозов. Лѣт., и Архив. *Псков. Лет.*

(149) Флетчеръ 27.

(150) Гейденштейномъ и Флетчеромъ.

(151) См. Кельха 392.

(152) См. Флетч. Com. Wealth. 16, 17. — Марія и дочь ея погребены въ Троицкой Лаврѣ въ храмѣ Успенія, подлѣ стѣны, на лѣвой сторонѣ. Надъ гробницами слѣдующая надпись: «Лѣта 7097 (1589),

«Марша въ 17 день, преставися благовѣрная Королe-
«вна Евдокея. Лѣта 7105 (1597) Іюня 13 дня пре-
«ставися благовѣрная Королева Инока *Марѳа* (ина
«Маріи въ Иночествѣ) Владимеровна.» — Подлѣ сей же церкви, въ маленькой палапкѣ, лежитъ Борисъ Годуновъ.

(153) Флетч. C. W. 107.

(154) Флетчеръ говоритъ, что сію икону приносилъ, за Отцемъ Духовнымъ, *Крестный Діакъ* Chresby Deyack *Profery*; что Ирина имѣла свой особенный столъ, и только въ заговѣнье обѣдала и спала въ одной компатѣ съ Царемъ; что къ Заутрени Ѳеодоръ ходилъ въ свою домовую церковь (Chappell), а къ Обѣднѣ въ большую придворную (within his castle), обыкновенно въ 9 часовъ утра.

(155) См. *Морозов. Лът.*

(156) Флетч. C. W. 21 на об.

(157) См. Гейденшт. Res Pol. 238 — 241. Баторій умеръ по Старому Стилю 2 Дек. — Ржевскій выѣхалъ изъ Москвы 20 Генв. 1587, а возвратился въ Маѣ. См. Дѣла Польск. No 17.

(158) Тамъ же, л. 322. Далѣе см. л. 323—338. Литовскіе Послы размѣнялись договорными записями съ Боярами 27 Апр., а выѣхали 4 Мая: наши отправились изъ Москвы 11 Іюня, и 12 Іюля пріѣхали въ село Окунево близъ Варшавы (которая въ Старшейныхъ Спискахъ всегда называется *Аршевъ*). См. Дѣла Польск. No 18, л. 1—350.

(159) Тамъ же, л. 65 на об. — Ниже, л. 119, о Царевичѣ.

(160) Тамъ же, л. 268.

(161) Тамъ же.

(162) См. Журналъ Сейма 1587 г. на Польскомъ языкѣ въ выпискахъ Аб. Альбертранди изъ Ваппкапской Библіотеки (Т. IX, примѣч. 319).

(163) Такъ сказалъ Христофъ Зборовскій, прибавивъ: «Русскіе въ знакъ привѣтствія снимаютъ шапку съ какою-то угрюмою важностію, болѣе грубою, нежели учтивою.» Противъ Ѳеодорова избра-

нія говорили еще Кардиналъ Радзивилъ и Воевода Познанскій; а за Ѳеодора Воевода Виленскій и Троцкій, Епископъ Виленскій, Янъ Збаровскій и многіе иные.

(164) См. Дѣла Польск. No 18, л. 293 — 299; 304, 318, 320.

(165) Тамъ же, л. 320 на об.

(166) Тамъ же, л. 306 и 307. — См. также Гейденшт. R. P. 242 и слѣд.

(167) Перемиріе было заключено 16 Авг. Послы возвратились въ Москву 20 Сент. Елизаръ Ржевскій выѣхалъ въ Литву 20 Окт., а пріѣхалъ назадъ 4 Февр. 1588.

(168) См. Договоръ Сигизмундовъ въ Дѣл. Польск. No 18, л. 346.

(169) См. Дѣла Цесарск. No 5, л. 165. Въ Апр. 1587 пріѣзжалъ въ Москву Генрикъ Гогель отъ Максимиліана съ извѣстіемъ объ избраніи его въ Администпраторы Нѣмецкаго Ордена. Въ Генв. 1588 Царь послалъ къ Рудольфу Дворянина Рѣзанова, а въ Февр. Нѣмца Лукаша Магнусова. См. л. 165 и 309. Въ чисѣ Азіапскихъ владѣпелей, гоповыхъ помогапь намъ на Турковъ, упоминаепся о *Изюрскомъ* Царевичѣ, у коего могло быпь до 30 пысячь воиновъ.

(170) Тамъ же, л. 346.

(171) См. памъ же, л. 270 и слѣд. Сей Посланникъ именуепся въ Русскихъ бумагахъ Миколай Варкачь Сноппицъ изъ Велемздорфа.

(172) Съ слугою Николая Варкоча, пріѣзжавщимъ въ Москву въ 1591 году (л. 382—385).

(173) См. выше, спр. 48.

(174) См. Дѣла Крымск. No 17, л. 70 и 406. Въ Іюлѣ 1588 возвратился изъ Тавриды нашъ гонецъ Судаковъ съ извѣстіемъ о смерпи Исламъ-Гирея: Ѳеодоръ посылалъ къ новому Хану двухъ чиновниковъ, въ Окт. 1588 и въ Мартѣ 1589: отъ Хана же пріѣзжали гонцы въ Москву разъ пять или шесть до 1590 года.

(175) См. Розрядн. Кн. г. 1588 — 1590.

(176) См. выше, спран. 45. Дѣла Швед. No 5, л. 202 — 257, и Далин. Gesch. des R. Schw. глав. XV, 134.

Съ нашей стороны Послами были Бояринъ Кн. Ѳедоръ Дмитр. Шеспуновъ и Думный Дворянинъ Игнатій Петр. Тапищевъ, а съ Шведской Клаусъ, Охсъ и проч.

(177) См. Дѣла Швед. No 6, л. 2, письмо Ѳеодорово къ Королю Іоанну.

(178) См. Дѣла Польск. No 20, л. 338.

(179) См. Дѣл. Шведск. No 6.

(180) См. шамъ же, въ концѣ.

(181) См. Дѣл. Персид. No 1, л. 157.

(182) См. Розрядн. Кн. г. 1589—1590.

(183) Флетчеръ, л. 56. Сей знаменитый Воевода умеръ въ шомъ же году (1590). См. Списокъ Бояръ въ *Рос. Вивліов.* XX, 63.

(184) См. Розрядн. Кн., Дѣла Польск. No 20, л. 298, 299, 335, 337 и No 21, л. 253, 254., Дѣла Персид. No 1, л. 159, и Далин. 168.

(185) См. Архив. *Псков. Лът.* и *Розрядн. Кн.*

(186) См. Дѣла Польск. No 20, л. 335.

(187) См. Т. IX, при описаніи кончины Іоанна.

(188) См. *Никон. Лът.* VII, 333.

(189) См. Далина 176, 177, и Дѣла Польск. No 20, л. 336, 337.

(190) См. Дѣла Польск. No 20, л. 298.

(191) См. шамъ же, л. 1—190 и Розрядн. Кн.—Послы Сигизмундовы пріѣхали въ Москву 10 Окт. (см. *Д. Пол.* л. 211—655).

(192) Л. 408.

(193) Сей договоръ (л. 545—554) сходствовалъ во всемъ съ прежними. Условились *не писать Нарвы ни въ нашу, ни въ Польскую сторону*, Царю не именовать Сигизмунда *дѣдичнымъ Шведскимъ*, а Посламъ Литовскимъ не называть Ѳеодора въ грамотѣ ни Царемъ, ни В. К. Смоленскимъ. — Послы выѣхали 23 Генв.; но главный изъ нихъ, Радоминскій, умеръ въ Москвѣ 6 Дек.: тѣло его отвезли въ Литву. — Мих. Салтыковъ и Дум. Дворянинъ Тапищевъ отправились къ Сигизмунду 25 Февр. 1591.

(194) См. Морозов. Лѣт. 77 на об.

(195) См. Дѣл. Польск. No 21, л. 207, въ наказѣ данномъ Посланнику Исленьеву въ Іюлѣ 1591.

(196) См. въ Архивѣ Кол. Иностр. Дѣлъ Греческія Дѣла No 2, стр. 289 и 378. Іоакимъ пріѣхалъ 17 Іюня. Его честили въ Москвѣ, но не такъ, какъ Іеремію. Вотъ любопытное обстоятельство: «Велѣлъ «Государь нынѣ Патріарху въ Соборную церковь къ «Митрополиту; а Митрополитъ былъ въ Святи- «тельскомъ сану на устроенномъ мѣстѣ.... и Ми- «трополитъ, сшедъ съ мѣста своего, Патріарха «встрѣтилъ отъ мѣста съ сажень, и *Патріарха «благословилъ напередъ, и послѣ Патріархъ благо- «словилъ Митрополита; а о томъ Патріархъ гово- «рилъ слегка, что прежде было Митрополиту «отъ него благословенье принять напередъ, да и «пересталъ о томъ.*»

(197) См. Дѣла Греческ. No 3, стр. 1 — 154. Выписываемъ нѣкоторыя мѣста: «Се роспись, что да- «вано на Москвѣ корму поденного Патріарху Іере- «мею и Моновасійскому Митрополиту и Еласонскому «Архіепископу, и Архимандриту и Старцомъ и слугамъ: «Патріарху колачь крупичатой и на 10 блюдъ ѣст- «вы; Архидіакону Левонтью, да двумъ Священникомъ, «да Черицу, Казначею, Келарю, по три блюда ѣствы «человѣку, да три колача смѣстныхъ, двѣмъ человѣ- «комъ колачь; полмачю да Дьякону по два блюда да «колачь смѣстной; Патріаршескимъ девяти служеб- «никомъ по два блюда, 4 колача; Митрополиту пол- «колача бѣлого, по пяти блюдъ ѣствы» (Архіепископу тоже).... «А питья Патріарху съ Старцы и «служебники на день: крушка меду вишневого, крушка «малинового, крушка меду *Боярского*, ведро пашочного, «полведра квасу *щавного* людемъ его, и на приходъ «по 4 ведра съ полуведромъ меду цѣженого на день... «Іюля въ 21 Государь велѣлъ Патріарху быти у «себя:... а Государь былъ въ *подпѣной золотой «полатѣ*, а сидѣлъ на Царьскомъ мѣстѣ въ Царскомъ «платьѣ.... Бояре и Окольничіе и Дворяне въ зо- «лотномъ; а въ проходной полатѣ и по крыльцу

«Дворяне и Дѣпи Боярскіе и Приказные люди въ зо-
«лотномъ и чистомъ платьѣ.... Поднесъ Патріархъ
«Государю панагею золотую съ мощми, а въ ней
«крестъ отъ Животворящего древа и кровь Христова,
«да часть отъ ризы Христовы, да часть отъ копья,
«да часть отъ трости, да часть отъ губы, ко-
«торою поили Христа оцтомъ, да часть отъ
«терноваго вѣнца, да три пуговицы отъ ризы Бо-
«гомапери; мощи Св. Великаго Царя Костяншина,
«кость ручная отъ лохтя въ кіотѣ серебряномъ (а
«привезъ тѣ мощи въ Царьгородъ изъ Сербскіе зем-
«ли Сюлейманъ Салтанъ и отдалъ Патріарху быв-
«шему Іеремею въ Пречистую Богородицу), да Св.
«Якова руку по локоть. Да поднесъ Патріархъ Ца-
«рицѣ Иринѣ панагею золоту, а въ ней камень, а на
«камнѣ образъ Св. Марины, Св. Ивана Златоустаго
«отъ руки перстъ малой» (и проч. и проч.) ....«А
«велѣлъ Государь Патріарху сѣсти близко себя въ
«другой лавкѣ по правой сторонѣ.... и явилъ Госу-
«дарево жалованье Патріарху Казначей Ив. Вас. Тра-
«ханіотовъ: кубокъ серебрянъ двойчатъ, портище
«бархату рытого синево, портище бархату багро-
«вого гладково, портище отласу, камки багровые,
«синіе, 40 соболей въ 60 рублевъ, другой сорокъ въ
«50 рублевъ, 300 рублевъ денегъ.»

Спутникъ Іереміинъ, Арсеній, Архіеп. Элассонскій, описалъ, новымъ Греческимъ языкомъ, свое пребываніе въ Москвѣ. Сія любопытная рукопись хранилась въ Туринской библіотекѣ и была напечатана въ книгѣ изданной тремя Италіянскими Учеными въ 1749 году, подъ титуломъ: Codices manuscripti Bibl. Regii Taurinensis Athenaei. Латинскій переводъ Арсеніева путешествія (Descriptio itineris in Moscoviam, etc.) помѣщенъ Гм. Вихманомъ въ его Sammlung kleiner Schriften etc. I, стр. 57 — 123.

(198) См. Дѣла Греческ. No 3.

(199) Тамъ же, л. 74. Арсеній несправедливо пишетъ (Descr. itineris in Moscov., Вихм. Kleine Schrift. стр. 70), что Іеремія никакъ не хотѣлъ быть Росс. Патріархомъ, къ великой печали Годунова и Царя

(200) См. *Собр. Г. Грамотъ*, II, 94.

(201) См. въ Арх. Кол. Ин. Дѣлъ *Совѣтъ Царя Ѳеодора Іоан. съ Патріархомъ Іереміею.*

(202) Въ *Совѣтѣ Царя съ Іереміею:* «и Вселен. «Патріархъ Іеремей Діаку А. Щелкалову сказывалъ, «что Патріаршеское поставленье бываетъ такъ же, «какъ и Митрополитомъ и Епископомъ.

(203) См. тамъ же и *Чинъ Облаченій* (*Рос. Вивліоѳ.* XVI, 308); также Арсен. Descr. Itin. in Moscov. 78–83.

(204) Въ *Чинѣ Облаченій:* «Въ ношеніи, въ вели- «кіе праздники, имѣетъ (Патріархъ) мантію, бар- «хатную зеленую съ высокими правы и со источ- «ники златыми и серебреными, клобукъ бѣлый, на «немъ же водруженъ крестъ въ верху, въ концахъ «же образы Чудотворцевъ обнизные, на скрижалехъ «образъ Благовѣщенія; въ служеніи, въ великіе празд- «ники, имѣетъ митру со крестомъ и съ короною, «саккосъ съ передникомъ, 3 панагіи, 4 рипиды.» См. также Арсенія *Descr. itin. Moscov.*

(205) Я не нашелъ обстоятельнѣйшихъ извѣстій о посвященіи Іова; но въ описаніи Филаретова (см. *Чинъ нареченію и постановленію на Патріаршескій престолъ Филарета Никитича* въ Архивѣ Кол. Иностр. Дѣлъ) сказано: «Іюня въ 22 (г. 1619) въ первый «часъ дни благовѣстиша у Соборные церкви . . . . и «пѣли молебны . . . . а Святители снидошася вси на «Патріаршъ дворъ; а въ 4 часу посланы быша къ «Св. Патріарху Ѳеофану (Іерусалимскому) Архіеп. Ря- «занскій и Епископъ Коломенскій . . . . и возвѣстиша «ему, яко время шествовати въ Соб. ц. для нарече- «нія Патріаршескаго.... А какъ Ѳеофанъ пріѣхалъ въ «церковь.... и совѣтовалъ о Патріаршѣ наречении.... «съ Митрополиты и съ Архіепископы.... и ходилъ «къ Государю въ Золотую палату.... и извѣстилъ «его о избраніи.... и говорилъ рѣчь.... И Государь, «призвавъ къ себѣ Логоѳета, сирѣчь Думнаго Дьяка, «велѣлъ говорити Патріарху рѣчь .... А къ отцу «своему, М. Филарету, послалъ Митр. Казан. да «Архіеп. Вологодцкаго, да Боярина да Дьяка Думнаго, «возвѣстити ему его избраніе.... и для того итти

«ему къ Государю.... и Государь вспрѣпилъ отца
«своего въ дверехъ.... и шелъ (Филаретъ) къ бла-
«гословенію Іерус. Патріарха, а потомъ самъ благосло-
«вилъ его.... А послѣ того велѣлъ Государь гово-
«рити рѣчь Думному Дьяку.... А послѣ говорилъ
«Царь отцу своему рѣчь самъ.... И Митроп. Фила-
«ретъ, выслушавъ, отвѣтствовалъ» (изъявляя согла-
«сіе быть Патріархомъ).... «И отпустилъ Государь
«обоихъ Патріарховъ въ Соборную церковь.... и
«Патріархи и весь Осв. Соборъ знаменовалися у
«образовъ.... а потомъ Іерус. Патріархъ, благосло-
«вя, отпустилъ Новонареченнаго на Патріаршъ
«дворъ.... А Государь со всѣми Боляры шествіе
«творилъ въ Соборн. церковь.... а отполѣ къ ново-
«нареченному Патріарху почести ради.... и поздра-
«влялъ его.... А Новонареченный съ Митрополиты
«и съ Епископы ходилъ въ Соборн. ц. и слушалъ Св.
«Литургію, а стоялъ подлѣ Патріарша мѣста....
«а послѣ Обѣдни былъ у него столъ, а ѣли всѣ Свя-
«щители.... А на завтрее было благовѣстіе Патрі-
«арше: въ Соборн. ц., въ придѣлѣ Похвалы, обла-
«чился Новонареченный, и пришедъ въ Олтарь, у
«Царскихъ дверей зря лицемъ къ Востоку, начало
«молитвѣ совтвори.... Посемъ тропарь.... и ектенью
«обычную.... и отпускъ по обычаю.... И по сихъ
«изыде Новонареченный изъ Царскихъ дверей и спа
«руки къ персемъ приложивъ крестообразно подъ
«фелономъ, мало главу преклонь. Посланніи же отъ
«Іерус. Патріарха, Архіеп. Вологодцкій и Еписк. Ко-
«ломенскій, благовѣстиша ему Патріаршество....
«И мало поклонь главу, возвращается (Филаретъ) въ
«Олтарь.... и исходитъ. А Ѳеофанъ Патріархъ сѣ-
«дѣлъ въ то время на Патріаршѣ дворѣ въ палатѣ,
«на Патріаршѣ мѣстѣ; а Святители Россійскіе си-
«дѣли по обѣ стороны, а подлѣ ихъ Архимандриты
«и Игумены. И потомъ Великія церкви Протопопъ
«и Проподьяконъ возведоша Новонареченнаго на Па-
«тріарховъ дворъ въ палату.... Патріарху же Іер.
«сѣдящу и посохъ въ лѣвой руцѣ держащу, хотяй же

«поспавйтися (Филаретъ) преклонься цѣлуетъ пра-
«вое колѣно его, да руку на немъ лежащую, попомъ
«десную страну лица.... и цѣлуетъ всѣхъ Свящите-
«лей во уста.... и тогда посадишя его ниже Епископ-
«повъ на особномъ столцѣ, на креслѣхъ, на зголовьѣ
«золотномъ.... а Протодьяконъ кадитъ Св. иконы....
«пѣвцы же поютъ Патр. Филарету многа лѣта....
«и отыдоша кождо во свояси. Іюня же въ 24 въ Со-
«борн. церкви изготовлено было мѣсто широко и
«высоко, къ нему же 12 ступеней, и оболчено сук-
«нами, багрецами червчатыми, а на верху три съда-
«лища: первое Царю, поволочено драгимъ бархатомъ
«златнымъ, а на немъ зголовейцо низано жемчюгомъ;
«второе Іерус. Патріарху, третіе Филарету, оба
«мѣста оболчены бархаты смирными: а отъ нихъ
«по ступенямъ даже до амбона строены три пути,
«Государю бархатъ червчатъ золотной, а обоимъ
«Патріархамъ пути покрыты бархаты смирными....
«а отъ того высокого мѣста по обѣ стороны къ
«амбону устроены сѣдалища Святителямъ и Архи-
«мандритомъ, покрыты ковры Персидскими. Предъ
«амбономъ же, *на помостѣ церковномъ*, написанъ о-
«релъ единоглавенъ, крылѣ имѣя простерта, стоящъ
«на ногахъ; подъ ногами же его градъ написанъ съ
«забралами и столпы, орлу же ногами наступившу
«на столпы тѣ; а огненниковъ учинено 12, 6 стоя-
«ли у новонареченнаго Патріарха, а 6 у орла, стре-
«гуще его, да не наступитъ никтоже.... И прiиде
«Филаретъ въ Собори. церковь, и шелъ въ придѣлъ
«Похвалы.... и пришли Митрополиты и вси Свя-
«тители.... и Патріархъ Іерус., и тогда благовѣ-
«стиша въ великій колоколъ.... и шелъ Патріархъ
«на высокое мѣсто облачитися.... и Государь съ
«Боярами пришедъ въ церковь.... и шелъ къ Іерус.
«Патріарху благословеніе пріяти, и Патріархъ
«сшелъ съ своего мѣста и благословилъ.... И Госу-
«дарь восшелъ на уготованное мѣсто и сѣлъ.... и
«послаша по Новонареченнаго Протопопа да Прото-
«дьякона, и взяша его подъ руцѣ и поставиша предъ

«амвонѣмъ на орлѣ, вдаша ему чести рукописаніе,
«Исповѣданіе Вѣры; онъ же, поклонясь мало Царю и
«Патріарху, чипалъ въ услышаніе всѣмъ.... И по-
«гда приступивъ Протопопъ къ Новонареченному, и
«снявъ съ него шапку.... Патріархъ же Іерус.
«вставъ съ мѣста и руку протягъ, глаголетъ: *бла-*
«*годатію Пресв. Духа и нашимъ смиреніемъ имѣется*
«*Патріархомъ въ богоспас. градѣ Москвѣ и всего Рос.*
«*Царствія;* и тогда (Филаретъ) возводимъ бываетъ
«на высокое оно мѣсто.... и Іерус. Патр. благо-
«словилъ его рукою; и Филаретъ пріемлетъ митру
«и возложи на себя, и сшедъ съ мѣста; цѣлуетъ
«Святителей во уста.... и совершаетъ поклоненіе
«Царю и Патріарху: они же нижайше ему покло-
«нялся.... и Іерус. Патріархъ вставъ и руку про-
«сперъ знаменаетъ его крестообразно.... и Фила-
«ретъ восходитъ на свое мѣсто къ Царю и къ Па-
«тріарху.... и здравствуютъ ему и весь Осв. Со-
«боръ и Боляре.... и отходитъ Филаретъ паки въ
«придѣлъ и ожидаетъ тамо *Литургіи*.... а Госу-
«дарь, благословясь у Іерус. Патр., сходитъ на свое
«мѣсто. А лампада и посохъ были тогда Ѳеофана
«Патріарха. И начаша Литургію.... и приведоша
«Филарета предъ Царскіе двери подъ руки, снявъ съ
«него шапку, и по Трисвятой пѣсни приводимъ бы-
«ваетъ въ олтарь двѣма Митрополиты.... и Іерус.
«Патріархъ читаетъ писаніе: *Божествен. благодать*
«*поставляетъ Филарета*, и проч. И тогда отверзаетъ
«Евангеліе и возлагаетъ на главу Филарета, на выю
«его.... и имѣя руку на немъ лежащу, молится.... и воз-
«глашаетъ *аксіосъ*.... и полагаетъ на него Святи-
«тельскую шапку, паже цѣлуетъ его, и вси Свя-
«тители, во уста.... и совершаютъ Литургію....
«и Іерус. Патр. подноситъ Царю просвиру, и Царь
«восходитъ на свое мѣсто, а Патріарха Филарета
«возведоша подъ руцѣ на высокое мѣсто два Митро-
«полита, и сажали его прижды, глаголюще *испола-*
«*ти Деспота*; и пѣвцы пѣли многолѣтіе.... и Іерус
«Патріархъ пріемлетъ *посохъ Вел. Чюдотворца Петр.*

«*Митрополита*, и даетъ Филарету, и благословляетъ «его. Потомъ Государь восходитъ къ Патріархомъ «на высокое мѣсто и даруетъ отцу своему *панагію* «*злату*, украшену драгимъ каменьемъ, да *манатью* «бархатну со источники низаными жемчюгомъ, да «*клобукъ* бѣлъ шелковой, украшенъ златомъ и каме- «ніемъ драгимъ.... и сѣдаетъ Царь, а возлѣ его «Патріархи.... и Царь вспаетъ и здравствуетъ «отцу своему, глаголя сице.... И Филаретъ, по- «клонься Царю по обычаю, говорилъ свою рѣчь.... «и поклоняется Царю до пояса, и благословилъ Госу- «даря Св. крестомъ.... и обратився къ Востоку, «Патріархи благословляли народъ.... и всѣ много- «лѣтствовали Царю.... и Патріархамъ.... и вси «отходятъ.»

(206) Какъ древніе наши Митрополиты (съ Т. IX, въ концѣ), такъ и Патріархи въ день своего посвященія ѣздили на ослѣ вокругъ городскихъ стѣнъ. Вотъ описаніе сего *шествія* въ 1642 году (въ *Рос. Вивліоѳ.* VI, 245): «Патріархъ (Іосифъ) со Властьми пошелъ «къ Государю за столъ.... и какъ вшелъ въ Золо- «тую палату, и говорилъ *Достойно* и благословилъ «Царя честнымъ крестомъ, и кропилъ образъ и Ца- «ря и шапку Святою водою.... и Государь сѣлъ за «столъ, а Патріархъ дѣйствовалъ надъ хлѣбомъ Бо- «городичнымъ, споя, и *Отче нашъ* говорилъ и благо- «словилъ рукою брашно и питье.... и сѣлъ.... и «подали кушанье Патріарху, икру, да уху, да пирогъ.... «и изъ за той третьей ѣствы Патріархъ всталъ, «и ударя челомъ Государю, пошелъ изъ палаты къ «осляти, и по преданію Святыхъ Отецъ, и по чину «церковному, творилъ шествіе кругъ Кремля.... У «Фроловскихъ воротъ всталъ Патріархъ и взошелъ «на угопованное ему мѣсто, которое для того пе- «редъ нимъ несли, и предъ Спасовымъ образомъ и «Богородицы, который написанъ на врапѣхъ, гово- «рилъ Литію и молитву Граду, и кропилъ образъ и «градъ прижды.... и сѣвъ поѣхалъ, осѣняя градъ, къ «Тайницкимъ воротамъ.... и ту потому же Литію

«говорилъ, и поѣхалъ черезъ Житной дворъ къ Бо-
«ровицкимъ воротамъ и тамъ тожь сотворилъ; и
«ѣхалъ Боровицкимъ мостомъ и направо Стрѣлецкою
«слободою къ Каменному мосту, да къ Неглиненскимъ
«воротамъ.... и къ Никольскимъ.... и площадью
«къ Фроловскимъ.... и шолъ въ золотую палату....
«и поклонился Государю и сѣлъ за столомъ.... И по
«отдачѣ ѣствъ жаловалъ Государь Патріарха своимъ
«жалованьемъ.... *На завтрѣ*, послѣ Обѣдни, Патрі-
«архъ вышелъ изъ церкви, сяде на осля.... и ѣхалъ
«мимо старова Борисова (Годунова) двора къ Бого-
«явленскому монастырю.... да въ Боровицкіе воро-
«та, да выѣхалъ за Бѣлый городъ въ Чертольскіе
«ворота.... къ Арбатскимъ и къ Никитцкимъ, и къ
«Тверскимъ, и къ Петровскимъ, да на Трубу къ Не-
«глиннѣ.... и по Неглиннѣ вверхъ около Стрѣлецкихъ
«слободъ.... ко Стрѣтенскимъ воротамъ.... и окро-
«пя Святою водою, вшолъ въ городъ, и шолъ Стрѣ-
«тенскою улицею, да въ Китай Никольскою, да въ
«Кремль.... и сошолъ съ осляти на Патріаршѣ
«дворѣ.... А въ *третій день* пришелъ Патріархъ
«предъ Золотую палату, и Государь его встрѣтилъ
«въ сѣнехъ.... и Патріархъ его благословилъ кре-
«стомъ и окропилъ его и шапку Св. водою, а послѣ
«благословилъ рукою, и цѣловалъ въ правое плечо....
«и поднесъ Государю дары: кубокъ сребрянъ
«золоченъ съ кровлею, отласъ золотной двойной....
«да 200 золотыхъ.... а пришедъ отъ Государя,
«сѣлъ на осля у себя на дворѣ.... и поѣхалъ въ
«Ризположенскіе ворота, да въ Никольскіе, да
«выѣхалъ за Бѣлой городъ въ Стрѣтенскіе ворота,
«и ѣхалъ около Бѣлова города къ Яузскимъ воро-
«тамъ, и кропивъ Св. водою, въѣхалъ въ городъ въ
«Яузскіе ворота, да ѣхалъ въ Варварскіе, да во Фро-
«ловскіе въ Кремль, а дѣйствовалъ, якожъ и въ пер-
«вые дни.»

(207) См. *Собран. Госуд, Грамотъ* II, 95.

(208) Ученый Епископъ, а послѣ еретикъ Аполлинарій жилъ въ IV вѣкѣ.

(209) См. Дѣла Греческ. No 3, спран. 183, 252, 314 и 365.

(210) См. *Чинъ Облаченій* въ *Рос. Вибліоѳ.* XVI, 308.

(211) См. *Соб. Г. Грамотъ* II, 98. Крупицкіе Епископы назывались прежде Сарскими и Подонскими, (см. Т. IV, 86).

(212) Здѣсь въ подлинникѣ пробѣлъ; т. е. не именовано Княженіе, гдѣ надлежало быть *пятому* Епископу. Хотѣли, какъ видно, вписать имя послѣ, и такъ оставили.

(213) См. Дѣла Греческ. No 3, спр. 81.

(214) См. Арсен. Descr. 71.

(215) Вѣроятно, что Царь издержалъ на то гораздо болѣе нынѣшнихъ сто тысячь рублей.

(216) Арсеній спран. 97.

(217) См. Дѣла Греческ. No 3, спр. 120.

(218) См. Дѣла Греческ. No 3, спр. 179-190. Въ грамотѣ 83 подписи: Патріарховъ Константинопол., Антіох., Іерусалимскаго (Александрійскій тогда умеръ: см. тамъ же, спр. 252), многихъ Митрополитовъ (въ томъ числѣ Аѳинскаго, Лакедемонскаго, Иверскаго), Архіепископовъ и Епископовъ.

(219) См. тамъ же, спр. 154. О дарахъ: «Отъ Царе«градскаго Патріарха мощи Св. Пантелеймона, «кость отъ руки. Митрополитъ Терновской, Деони«сей, Государю челомъ ударилъ мощи Марьи Магда«лыны, кость отъ лопатки, Ивана Новаго перстъ отъ «руки; вѣнецъ Царской золотъ съ каменьемъ и съ «жемчюги. Царицѣ мощи Марьи Магдалыны отъ руки «перстъ; вѣнецъ Царьской золотъ съ каменьемъ и съ «жемчюги.» Сей Митрополитъ выѣхалъ изъ Москвы въ Февр. 1592.

(220) См. Морозов. *Лѣт.* л. 75, и рукоп. соврем. *Повѣсть, како восхити Царьскій престолъ Б. Годуновъ.*

(221) Флетчеръ 99.

(222) Тамъ же, л. 16 на об.

(223) Такъ въ Хроникѣ Бера: см. выше, примѣч.

27, Петрея Chron. 260 и Кельха L. G. 456. См. также *Исторію Келаря Аврамія.*

(224) *Ядро Рос. Исторіи* 257.

225) Не *Марья*, какъ въ лѣтописяхъ: см. Слѣдственное дѣло о убіеніи Царевича Димитрія въ *Собран. Гос. Грам.* II, 107; мамъ и сынъ ея названъ Осипомъ (не Даниломъ).

(226) См. *Никон. Лът.* VIII, 16. Флетчеръ, 16: «кормилица Димитріева, опвѣдавъ кушанья, для «него приготовленнаго, тотчасъ умерла.» Увидимъ, что добрая кормилица Димитріева была жива.

(227) См. *Никон.*, *Ростов.* и другія лѣтописи. О Клешнинѣ см. ниже, примѣч. 246.

(228) См. *Собран. Г. Г.* II, 113, въ показаніи Царицыныхъ испомниковъ.

(229) См. лѣтописи, и допросы Шуйскаго (*Собр. Г. Г.* II, 109).

(230) См. лѣтописи и допросы (стр. 112).

(231) О семъ признаніи упоминается только въ нѣкоторыхъ спискахъ Московскаго Лѣтописца (въ *Никон.* и въ Архив. *Ростовскомъ* ни слова).

(232) Мороз. Лѣт. — См. еще *Никон.* и *Ростов. Лът.*

(233) См. выше. Князь Дмитрій Шуйскій пожалованъ въ Бояре въ 1591 году (см. *Рос. Вивліоѳ.* XX, 64). О супругѣ его см. въ Маржеретѣ, стр. 94. Меньшіе ихъ братья, Князья Александръ и Иванъ, получили санъ Боярскій въ 1596 году.

(234) См. Морозов. Лѣт.

(235) Такъ въ достовѣрнѣйшемъ Москов. Лѣт., въ *Никон.* и въ *Ростов.* спискѣ: Морозов. Лѣт. говоритъ, что плакалъ не Клешнинъ, а К. Вас. Шуйскій.

(236) См. *Никон.* и *Ростов. Лът.*

(237) См. допросы Шуйскаго (въ *Собр. Г. Г.* II, 103): Вѣроятно, что не всѣ показанія Мих. Нагаго были записаны; а въ другихъ допросахъ ложь была смѣшена съ истиною, чтобы дать силу первой. Одни сіи допросы, явно ознаменованные дѣйствіемъ страха,

угрозъ, принужденія, совѣсти нечистой, свидѣтельствуютъ о ковѣ Бориса Годунова!

(238) См. *Никон.* и *Ростов. Лът.*

(239) См. *Собр. Г. Г.* II, стр. 103–116.

(240) Духовникъ Григорія Нагаго, Константиновскій Попъ Богданъ, Покровскій Игуменъ Давидъ, Алексѣевскій Игуменъ Савватій.

(241) См. *Собр. Госуд. Грам.* II, 121–123.

(242) См. тамъ же. Шуйскій заставилъ кормилицу показать въ допросѣ, что Димитрій *покололся ножемъ* и на ея рукахъ умеръ: чего еще хотѣли отъ нее? Можетъ быть, она говорила другое; можетъ быть, хотѣли для вида наказать ее за мнимое небреженіе.

(243) См. *Никон.*, *Ростов.* и *Мороз. Лът.* См. также Четьи Минеи Іюня 3. Монастырь Выксинскій уничтоженъ. Нынѣ тамъ село Выксино (въ 25 верстахъ отъ Череповца) съ двумя церквами, Св. Николая и Св. Троицы; въ первой есть придѣлъ Св. Царевича Димитрія.

(244) См. Сибирскія лѣтописи и въ *Словарѣ Географ. Рос. Государства* статью объ Угличѣ, гдѣ сказано, что въ немъ было 3 Собора, 150 церквей, 12 монастырей, 2000 Иноковъ и 30,000 жителей обоего пола. Въ Тобольскѣ между колоколами церкви *Всемилостиваго Спаса*, показываютъ *набатный* Углицкій, коего звукъ извѣстилъ тамошнихъ гражданъ объ убіеніи Царевича, и который вмѣстѣ съ ними былъ сосланъ Годуновымъ въ Сибирь, если вѣрить преданію.

(245) См. *Никон.* и *Ростов. Лът.* въ *Собр. Г. Г.* II, 120, въ челобитной жены Битяговскаго: «Государю Царю бьетъ челомъ и плачетца горькая вдо«вица Овдотьица съ своими дочеришками съ Дунь«кою да съ Машкою. Жалоба, Государь, мнѣ на Ми«хайла да на Григорья на Нагихъ.... велѣли убити мужа моего конюху Царицыну, Мих. Григорьеву да «сыну его Данилку.... и прислали (ихъ же) по «меня и по дѣтишокъ; и они, взявъ меня и обо-

«дравъ, нагу и простоволосу поволокли на дворъ и «живопишки наши разграбили. Православный Царь «и Государь! покажи милость; вели сыскати живо- «пишки.»

(246) См. *Исторію Авр. Палицына* и *Сказаніе еже содѣяся въ царств. градѣ Москвѣ*. См. выше, примѣч. 233. — Въ Боровскомъ Пафнутіевѣ монастырѣ, въ стѣнѣ церкви Св. Ирины, созданной, какъ сказываютъ, Царицею Ириною, супругою Бориса Годунова находится камень съ такою надписью: «Лѣта 7107 «(1599), Апр. въ 6 день, преставися рабъ Божій, «В. Государя Царя и В. Князя Ѳедора Ивановича «всея Россіи дятка, Окольничей, Луппъ зовомый «Андрей Петровичь Клешнинъ, во Иноцѣхъ Левкей, «Схимникъ.»

(247) См. *Повѣсть о разореніи Москов. Государства.*

(248) См. *Исторію Авр. Палицына* и лѣтописи *Никон.* и *Ростов.*

(249) См. Палицына, Степен. Кн. Лашухина, Морозов. Лѣт., Маржерета, Розряди. Кн. и Дѣла Польск. No 21, л. 206, въ наказѣ Посланнику Даниилу Ислѣньеву.

(250) См. Дѣла Крымск. No 19, л. 109.

(251) См. выше.

(252) См. Дѣла Крым. No 17, л. 51.

(253) См. *Лѣт. Никон.*, *Ростов.* и другихъ; также Дѣла Крымск. No 19, л. 136 и 235.

(254) См. тамъ же, л. 106.

(255) См. Дѣла Польск. No 21, л. 178 и 183. Бѣлгородъ есть Акерманъ.

(256) См. Архив. Розряди. Кн. 763, и Дѣла Крымск. N 19, л. 75 на об.

(257) Архив. Розрядн. Кн. 768 и слѣд.; также *Никон. Лѣт.* VII, 336 и слѣд.

(258) См. Дѣла Польск. No 21, л. 183 на об. и Розр. Кн.

(259) См. Сказаніе Патріарха Іова (*Никон. Лѣт.* VII, 337, 338).

(260) Т. IX, 270.—См. подробности въ Розрядн. Кн.

(261) Бѣльскій отличился въ войнѣ Ливонской 1577 года. См. Розрядн. Кн.: «Съ Борисомъ Ѳед. въ Думѣ «Кравчей и Воевода Александро Микитичь Романовъ «Юрьевъ, да Окольничей Андрей Петр. Клешнинъ, «да Казначей Дементпа Ив. Черемисиновъ, де Оруж- «ничей Богд. Як. Бѣльской, да Думной Двор. Ром. «Мих. Пивовъ.»

(262) См. *Никон. Лът.* VII, 341.

(263) Тамъ же. Опъ Кремлевскихъ стѣнъ до поля сраженія было не менѣе 3 верстъ; монастыри Новоспасскій и Симоновскій также не близки къ Донскому: вѣроятно, что мы только стрѣляли, а не били.

(264) См. разныя лѣтописи. — «Царь.... рече: *не «бойся.... завтро тѣхъ погапыхъ не будетъ.* Григо- «рей же радостенъ бысть и сказа многимъ людемъ.» О семъ добродушномъ Боярипѣ см. выше; онъ, будучи Дворецкимъ, жилъ до 1598 года. (См. Списокъ Чиновниковъ въ *Рос. Вивліов.* XX, 67).

(265) См. *Ник. Л.* VII, 341.

(266) См. Дѣла Польс. No 21, л. 184.

(267) См. *Никон. Лът.* VIII, 21.

(268) См. Розряд. Кн. и Дѣл. Польск. No 21, л. 184, О разбитіи близъ Тулы см. тамъ же. — Далѣе см. Дѣла Крымск. No 19, л. 103.

(269) См. Архив. Розрядн. Кн. 786 на об. и Дѣла Польск. No. 21, л. 202 и 204.

(270) См. *Никон.*, *Ростов.* и другія лѣтописи.

(271) См. *Никон. Лът.*

(272) *Повѣсть о разореніи Московск. Государства.*

(273) См. Дѣла Польск. No. 23, л. 112, въ наказѣ гонцу Петру Пивову въ 1594 году. Объ измѣнѣ Мих. Гологина см. выше, стр. 31.

(274) См. *Повѣсть о разореніи Москов. Государства.*

(275) См. Архив. Розрядн. Кн., *Никон. Лът.* VIII, 25, Дѣла Польск. и Греческ. 1592 года. Трифонъ Коробейниковъ и Мих. Огарковъ ѣздили иогда къ Па-

пріархамъ Греческимъ съ даромъ пяпи пысячь, пяпи сопъ, придцапи чепырехъ золопыхъ Угорскихъ и прехъ золопыхъ Порпугальскихъ (изъ коихъ въ каждомъ было 10 червонцевъ), сверхъ множеспва соболей, куницъ и проч. Мы имѣемъ описаніе сего пупешеспвія, не весьма любопыпное. См. пакже *Рос. Вивліоѳ.* XII, 425.

(276) Послѣ перваго Самозванца явился въ Россіи и мнимый сынъ Ѳеодоровъ, Пепръ, какъ увидимъ далѣе. См Дѣла Польск. No. 26, л. 286.

277) См. лѣпописи.

(278) См. выше и Миллера Samml. Russ. Gesch. V, 60.

(279) См. выше и Дѣла Польск. No. 20, л. 640–644.

(280) См. Далина XV, 178.

(281) См. Дѣла Польск. No. 21, л. 253, Архив. Розряд. Кн. 790 и Далин. 179.

(282) См. *Никон. Лът.* VIII. 23; пакже *Исторію Рос. Іерархіи* IV, 584.

(283) См. выше и Дѣла Польск. No. 21, л. 318 — 507. Сигизмундъ цѣловалъ крепъ Дек. 4, а Салпыковъ и Тапищевъ возвращпились въ Москву 10 Генв. 1592.

(284) См. Архив. Розрядн. Кн. 795, *Никон. Лът.* VIII, 24 и 25, Дѣла Крымск. No. 19, л. 242, и Лащух. Спеп. Кн.

(285) См. Дѣла Крымск. No. 19, л. 242, и Далина 179: онъ называепъ Ханскаго Посла Іоанномъ Аптопіемъ.

(286) См. Дѣла Цесарск. No 5, л. 453, и Далина XVI, 207.

(287) См. Дѣла Цесарск. No 5, л. 470.

(288) См. Дѣла Швед. No 7, л. 1 и слѣд.; пакже Далина XVII, 254. Переговоры пачались въ Ноябрѣ 1594.

(289) См. памъ же.

(290) Въ Апр. 1592 Сигизмундъ присылалъ въ Москву чиновника Липовскаго Волка, въ Ноябрѣ Хребповича, въ Авг. 1593 Девяшовскаго, въ Авг. 1599

Корсака-Голубецкаго. Онъ пребовалъ, чтобы Ѳеодоръ удовлетворилъ жалобамъ Литовскихъ купцевъ и велѣлъ освободить двухъ Черкесскихъ Князей, находящихся въ Польской службѣ и взятыхъ въ плѣнъ Донскими Козаками близъ Азова; извѣстилъ его о своемъ восшествіи на Шведскій престолъ; писалъ къ нему изъ Стокгольма о несправедливости Царя Іоанна Вас. въ отношеніи къ Швеціи; увѣдомлялъ о побѣдѣ, одержанной Литовцами въ 1595 году надъ Ханомъ въ землѣ Волошской, гдѣ Замойскій объявилъ Господаремъ Іеремію Могилу, подданнаго Королевскаго. Сигизмундъ надѣялся, что мы вмѣстѣ со всѣми Европейскими Державами возстанемъ на Султана, и проч. Ѳеодоръ посылалъ къ Королю въ 1592 г. Дворянина Рязанова, жалуясь на то, что Литовцы завладѣли Велижскою областію, и что Князь Вишневецкій на Путивльскомъ рубежѣ выстроилъ городъ Лубны, убивъ около двухъ сотъ Россіянъ. См. Дѣла Польск. No. 19, л. 22 и 23.

(291) См. Дѣла Польск. No. 23, л. 177, въ донесеніяхъ гонца Петра Пивова, который ѣздилъ къ Литов. Панамъ въ 1594 году.

(292) Ибо съ Ханомъ было и много Турковъ.

(293) См. Д. Крымск. No. 19, л. 139. Ханъ прислалъ гонца въ Окт. 1591 года.

(294) См. тамъ же, л. 258. Гонцемъ ѣздилъ въ Крымъ Мих. Протопоповъ.

(295) Въ Маѣ 1592 (см. тамъ же, л. 270, 300, 373). См. *Никон. Лът.*

(296) Т. е. жителямъ Акерманскимъ. Григор. Ао. Нащокинъ былъ отправленъ въ Константинополь 6 Апр. 1592, а возвратился 2 Окт. 1593. См. Дѣла Турецк. No. 3, л. 186, 218, 219, 228, 238, 240, 247. — Амурашовъ Посланникъ пріѣхалъ въ Москву 21 Окт. 1593, а выѣхалъ 22 Іюля 1594. Въ слѣдъ за нимъ, 31 Іюля, отправился къ Султану Дворянинъ Данило Ислѣньевъ.

(297) Тамъ же, л. 294.

(298) Тамъ же, л. 81 и 260, и Дѣла Цесарск. No 8, л. 676.

(299) См. Т. IV, спран· 132, год. 1284. Въ Рукописномъ *Сказаніи о построеніи монастыря Богородицкаго Знаменскаго*: «Спрана Курская припедъ въ конеч-«ное опъ Тапаръ запустѣніе, изобильна бывъ пти-«цами, для промыслу коихъ жители города Рыльска «почаспу туда пріѣзжали, и одинъ изъ опыхъ, ходя «по лѣсу при рѣкѣ Тускарѣ, шамъ, гдѣ нынѣ слав-«ная по своей ярмонкѣ *Коренная* Пустыня, обрѣлъ «на *корню* образъ Знаменія Богомапери.... Сіе слу-«чилось 1295 г. Сент. 3. Узналъ о томъ *Рыльскій* «Князь *Шемяка*» (но Шемякинъ или Шемячичь власпвовалъ шамъ въ XVI вѣкѣ: см. Т. VII, 115.) «и ве-«лѣлъ принести въ городъ Рыльскъ; но икона очу-«тилась паки въ пустынѣ.... и 300 лѣтъ пребыла «шамъ неподвижно въ часовнѣ.:.. Въ 1597 г. указалъ «Государь Ѳеодоръ Іоанновичь сію чудотворную ико-«ну поднять къ себѣ въ Москву, гдѣ Царица Ирина «украсила оную и паки оптустила на древнее мѣспо. «Въ тожь лѣпо поспроили вокругъ часовни мона-«спырь и возобновили древній Курскъ, близъ Корен-«ной Пустыни,» и проч. Въ лѣтописяхъ (см. *Никон. Лът.* VIII, 26) сказано, чпо Курскъ основанъ вмѣспѣ съ Воронежемъ и Ливнами: слѣдспвенно въ 1586 году (см. Дѣла Польск. No. 17, л. 11). Спроеніе сей крѣпоспи поручено было Воеводѣ Ив. Осип. Полеву и Головѣ Нелюбу Огареву. Кромы (въ 1594 г.) укрѣплялъ К. Владим. Вас. Кольцовъ-Мосальскій. Сверхъ пого было сдѣлано еще нѣсколько засѣкъ. См. Розрядн. Кн. — Пишупъ, чпо Сарапповъ основанъ въ 1591 году: я не нашелъ пого въ современныхъ извѣспіяхъ.

(300) См. Дѣла Крымск. No. 21, л. 487.

(301) См. Т. VII, 88, и Дѣла Крымск. No. 21, л. 40 – 226.

(302) См. Дѣла Цесарск. No. 5, л. 394 – 554.

(303) Тамъ же, л. 519.

(304) См. Дѣла Цесарск. No. 6, л. 4 – 25.

(305) См. Гейденшп. R. P. 326 – 337, г. 1596.

(306) Нѣмца Ивана Анса Андреева: см. Дѣла Цесар. No. 6, л. 42.

(307) См. тамъ же, л. 78 и слѣд.
(308) Тамъ же, л. 237 и 268.
(309) См. донесеніе Вельминова тамъ же, л. 324.
(310) Тамъ же, л. 353.
(311) См. Дѣла Цесарск. No. 8, л. 624. Сей знатный Посолъ названъ въ Нѣмецкихъ бумагахъ Abraham Burggraff zu Donau (см. въ Вихман. Samml: K. Schr. M. Schiel's Relation, стр. 441).
(312) См. Дѣла Цесарск. л. 468, въ указѣ данномъ Дьякамъ Нармацкому и Дмитрееву.

Въ предписаніи, какъ везти Посла Москвою, л. 513: «ѣхати съ нимъ въ деревянной городъ въ Ар-«бацкіе ворота; да новою Веденской улицею х' ка-«менному городу, а выѣхавъ къ городу, поворотить «на лѣво подлѣ каменный городъ, да въ Тверскіе во-«рота, и Тверскою улицею, да выѣхать на площадь «х' Китаю городу, поворотить на лѣво, и ѣхати «мимо Житной Рядъ и мимо Пушечной дворъ на Кон-«скую площадку, на Княжъ Михайловъ дворъ Ноз-»дровацово.»

(313) См. ниже, примѣч. 460.
(314) Л. 553.
(315) Л. 562.
(316) Л. 583.
(317) См. л. 575—689.
(318) Л. 697.
(319) Александръ Комулей (Comuleus, а въ Русскихъ бумагахъ Колеміусъ) былъ два раза въ Москвѣ, въ Апрѣлѣ 1595 и въ Мартѣ 1597 (см. въ *Архивѣ Кол. Ин. Д.* Дѣла Римск. Двора, въ столбцахъ безъ нумера). Наставленіе данное ему на Итал. языкѣ отъ Папы выписано, по волѣ Екатерины Второй, изъ манускриптовъ Ватиканской Библіотеки, и внесено въ Москов. Архивъ Княземъ Мих. Мих. Щербатовымъ (см. переводъ сей любопытной бумаги) въ *Древ. Рос. Вивліоѳ.*, XII, 449).
(320) См. выше, стран. 62.
(321) См. Дѣла Персид. No 4, л. 10, 14 и слѣд.
(322) Тамъ же, л. 14, въ рѣчи Ази Хозрева.

(323) Тамъ же, л. 59 и слѣд.

(324) Л. 74 и 90.

(325) См. письмо Бориса Годунова къ Шаху Аббасу (шамъ же, 26).

(326) Л. 82.

(327) См. Д. Персид. въ столбцахъ, No. 2.

(328) См. Д. Грузинск. въ столбцахъ, г. 1596 и Лѣтописи.—Герберъ пишетъ о Таркахъ (въ 1730 г.): «Сей городъ лежитъ въ пяти верстахъ отъ Каспій-«скаго моря на обширной долинѣ между скалами.... «Шамхаловъ (или Шавкаловъ) дворецъ построенъ на «высокомъ мѣстѣ.... Улицы тѣсны и домы не кра-«сивы.... Вода проведена съ горъ черезъ трубы въ «Ханскій дворецъ и во всѣ части города, древняго и «весьма немалаго.» Нынѣ видны тамъ однѣ развали-ны. Далѣе пишетъ Герберъ: «Достоинство Шам-«хала произошло отъ Аравитянъ, которые въ пер-«выхъ вѣкахъ Магометанскаго лѣтосчисленія овладѣ-«ли берегами Каспійскаго моря. *Шамъ* есть имя города «Дамаска, откуда присылались начальники или Князья «въ сіи завоеванныя земли; имя *Халъ* означаетъ Кня-«зя.» Олеарій толкуетъ, что Schemchal значитъ *свѣтъ*.

(329) См. Дѣла Грузин., въ столбцахъ, г. 1597.

(330) Кн. Щербатовъ, ссылаясь на Розрядн. Кн., пишетъ, что въ Маѣ 1594 Князь Ногайскій Казый съ осьмью тысячами Ногаевъ и *Царевичь Ярославей* съ двѣнадцатью тысячами Азовцевъ осаждали Шацкъ. Я не нашелъ сего извѣстія въ моихъ Розрядн. Книгахъ. Тогда не было *Князя Казыя*, а былъ только *Улусъ Казыевъ*. Объ Уразъ-Магметѣ и Ханѣ Тевкелѣ см. выше, и Дѣла Киргизск., въ двухъ столбцахъ, г. 1594 и 1595 — 1599. См. въ Дѣлахъ Бухарск., въ столбцахъ, г. 1589, грамоту Бориса Годунова къ Бухарскому Царю Абдулѣ, въ коей онъ дѣлаетъ ему выговоръ за непристойныя выраженія, употребленныя имъ въ письмѣ къ Ѳеодору. См. тамъ же, г. 1596, дружеское письмо Абдулы къ Кучюму, въ ко-

поромъ онъ извиняется, что не можетъ скоро дать ему войска, имѣя войну кровопролитную.

(331) См. въ Архивѣ Кол. Иностр. Д. списки съ двухъ грамотъ къ Королю Датскому.

(332) См. Дѣла Англ. No. 1, л. 544.

(333) Тамъ же, л. 475 — 489.

(334) См. тамъ же, л. 496 — 541.

(335) См. тамъ же, л. 573.

(336) «Государь нашъ всякимъ товаромъ безъ вы-«вѣпа госпемъ Англинскимъ торговати велѣлъ: поль-«ко одного воску нн на которой товаръ мѣняти не «велѣлъ, кромѣ *ямчюги* или зелья (пороха) и сѣры.»

(337) Л. 551 — 554.

(338) Л. 578 — 585. — О дарахъ см. письмо Годунова къ Елисаветѣ (л. 700 — 709).

(339) Если вѣрить Горсею, то немилость къ нему Феодорова произошла отъ ложнаго доноса слуги его, по кознямъ Ближняго Дьяка Андрея Щелкалова, что будто бы онъ (Горсей) у себя за обѣдомъ злословилъ Царя (см. A discourse of the second and third imploy-ment of M. Jer. Horsey Esq., sente from hir Majestie to the Emperor of Russia, въ бумагахъ присланныхъ Гр. Н. П. Румянцову изъ Британ. Музея въ 1817 году). Сами Англичане, торгующіе въ Россіи, жало-вались на обманы Горсея. См. Дѣла Англ. No 2, л. 1 — 40.

(340) Въ Горсеевомъ Discourse etc. (см. выше, при-мѣч. 339).

(341) См. Камдена, стран, 365, и бумаги Музея Британскаго въ библіотекѣ Г. Н. П. Румянцова. Общество Лондонскихъ купцевъ, торгуя съ Россіею и боясь гнѣва Царскаго, убѣдило славнаго Министра Сесиля запретить Флетчерову книгу. См. также въ Гаклуйтѣ, стр. 535. Флетчеръ поднесъ свою книгу Елисаветѣ, и говоритъ въ письмѣ къ ней о Россіи: »Русское Государство стоитъ безъ истин-«наго познанія о Богѣ, безъ письменныхъ законовъ «и безъ общаго правосудія!» Не смотря на сей за-бавный приговоръ, онъ сказалъ много справедливаго и

любопытнаго о тогдашнемъ состояніи нашего отечества.

(342) Въ бумагахъ 1594 году еще упоминается объ *Андреѣ* Щелкаловѣ (см. Дѣла Цесарск. No 6, л. 131); но въ 1595 заступилъ его мѣсто въ дѣлахъ *Василій*. Горсей (см. Discourse etc.) сказываетъ, что Андрей весьма часто измѣнялъ въ грамотахъ смыслъ Царскихъ приказаній, не рѣдко бывалъ наказанъ за ложь, и не исправлялся; что Царь Іоаннъ употреблялъ его всегда въ орудіе своего тиранства для угнетенія подданныхъ; что Годуновъ уважалъ въ немъ опытность и разумъ, но не вѣрилъ ему, и что сей безсовѣстный человѣкъ кончилъ жизнь въ опалѣ. Флетчеръ въ донесеніи Англійскому Министерству говоритъ, что въ 1589 г. Царь или Годуновъ велѣлъ описать все имѣніе А. Щелкалова, оцѣненное въ 60,000 марокъ или 300,000 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей.

(343) См. Дѣла Англ. въ столбцахъ, письмо Елисаветы отъ 20 Марта 1596, и другое отъ 18 Генв. 1597.

(344) Юрьевъ день: см: Т. VI, стран. 355 и Т. VII, стран. 204.

(345) См. Флетчеръ, л. 46 на об., и Т. VII, стр. 205.

(346) См. выше, стран. 106.

(347) См. Судебникъ Г. Ц. и В. К. Іоанна Вас. и Указы его преемниковъ, собранные Татищевымъ, стран: 221 и 240. Сей законъ 1593 г. до насъ не дошелъ: но объ немъ упоминается въ законѣ 1597 года. Въ Указѣ Царя Вас. Шуйскаго: «Лѣта 7115 (1607) «Марта въ 9 день Государь Царь и В. К. Василій «Іоанновичь всея Русіи съ отцемъ своимъ, Гермоге-«номъ Патріархомъ, со всѣмъ Освящен. Соборомъ и «со своимъ *Царскимъ Сигклитомъ*, слушавъ докладъ «Помѣстной Избы отъ Бояръ и Дьяковъ, что пе-«реходомъ крестьянъ причинилися великія крамолы, «ябеды и насилія немощнымъ отъ сильныхъ, чего-де «при Царѣ Іоаннѣ Вас. не было, потому что крестья-«не выходъ имѣли вольный; а Царь Ѳеодоръ Іоан. по

«паговору Бориса Годунова, не слушая совѣта спа-«рѣйшихъ Бояръ, выходъ крестьянъ заказалъ, и у «кого колико погда крестьянъ было, книги учинилъ.» См. также въ *Указатель Рос. Законовъ* I, 127 и 130. Признаюсь, что сей Указъ Шуйскаго, даже и Ѳеодоровъ, о крестьянахъ кажется мнѣ сомнительнымъ, по слогу и выраженіямъ необыкновеннымъ въ бумагахъ того времени; оставляю будущимъ разыскателямъ древностей рѣшить вопросъ объ истинѣ или подлогѣ Татищевскаго списка: пусть найдутъ другой! Татищевъ говоритъ, что онъ списалъ законы Ѳеодоровы и Борисовы съ манускрипта Барсненевскаго, Голицынскаго и Волынскаго, а законъ Царя Вас. Шуйскаго получилъ отъ Казанскаго Губернатора К. Сергія Голицына (стр. 227 и 228).

(348) См. Т. IX, стран. 82.

(349) Татищевъ въ примѣчаніяхъ на Судебникъ, стран. 224.

(350) Указъ Царскій 21 Ноября 1597 см. въ Судебникѣ Татищева, стран. 220. Указъ о холопяхъ, 5 Февр. 1597, см. въ *Указатель Рос. Законовъ*, I, 125.

(351) См. Степен. Кн. Лапухина и *Никон. Лът.* VIII, 30 и 45.

(352) См. *Никон. Лът.* VIII, 28, Лапухин. Степен. Кн. и Патріарха Іова въ *Житіи Ѳеодора* (*Ник. Лът.* VII, 328).

(353) См. *Никон. Лът.* VIII, 29.

(354) См. *Повѣсть о разореніи Моск. Государства.* — О голодѣ (въ 1589 или 1590 году) см. Архив. *Псков. Лът.* О морѣ (въ 1595 г.) тамъ же и *Никон. Лът.* VIII, 32.

(355) См. *Никон. Лът.* VIII, 32, и Лапух. Степен. Кн.

(356) См. Флетчера; л. 36.

(357) К. Щербатовъ пишетъ, ссылаясь на Розряд. Кн., что Борисъ съ 1589 года завелъ частые столы у Царя: обѣды дѣйствительно часто бывали, но для немногихъ ближнихъ людей. Иногда Ѳеодоръ дозволялъ садиться за столъ и царедворцамъ второстепеннымъ. См. Розр. Кн.

(358) См. *Никон. Лът.* VIII, 23, Лапух. Степен. Кн. и Флетчера 111.

(359) См. Маржер. 94, 95, *Ник. Лът.* VIII, 30, г. 1595, и Лапух. Степен. Кн.

(360) См. присягу Бояръ, сановниковъ и народа Царю Борису и Оедору Борисовичу, въ *Собраніи Госуд. Грамотъ* II, 192.

(361) Въ 1595 году: см. *Ник. Лът.* VIII, 23, 31, 32. Сей Князь Углицкій преставился въ 1286 году.

(362) Тамъ же, стр. 33, и въ *Исторіи Рос. Іерархіи*, V, 164. Сей монастырь, основанный Св. Діонисіемъ въ XIV вѣкѣ, былъ въ верстѣ отъ нынѣшняго Печерскаго, внизъ по Волгѣ, на правомъ берегу ея.

(363) См. Степен. Кн. Лапухина.

(364) См. Архив. *Псков. Лът.* л. 39, Степен. Кн. Лапухин., Морозов. Лѣт., также Пепрея Стоп. 263.

(365) Напомню Читателю прогательную исторію Андрокла и льва въ *Аѳинскихъ Ночахъ* Авла Геллія.

(366) См. *Никон. Лът.* VII, 347, и VIII, 34; Лапухина Степен. Кн. и Морозов. Лѣт.

(367) См. Никон. Лѣт. VIII, 34.

(368) См. Розрядныя Книги и Послужн. Списокъ Старинныхъ Чиновниковъ (*Рос. Вивліоѳ.* XX, 66) и *избирательн. грамоту на Царство* не только Годунова, но и Михаила Ѳеодоровича (см. *Рос. Вивліоѳ.* VII, 136). Такъ пишетъ и Патріархъ Іовъ (*Никон. Лът.* VII, 352); такъ и Давидъ Хипрей (см. де-Ту Hist. Univers. кн. CXX, стр. 177) и гонецъ Австр. Михаилъ Шиль или Шель Samml. etc. von. Wichmann I, 447).

(369) См. *Никон. Лът.* VIII. 34.

(370) См. тамъ же, и VII; 348—350. Ѳеодоръ въ *седьмомъ часу ночи* призвалъ къ себѣ Іова для елеосвященія, а въ *девятомъ ночи* преставился. Пишутъ, что онъ, умирая, видѣлъ Ангела, и проч.

(371) См. *Никон. Лът.* VII, 353, 355, также Мих. Шеля Relation 448 и де-Ту CXX, 179.

(372) См. *Никон. Лът.* VII, 353—358.

(373) См. тамъ же, VIII, 34.

(374) См. Степен. Кн. Лапухина и Морозов. Лѣт. — Паспоръ Беръ (см. выше, примѣч. 27) пишетъ, что Царица Ирина, тайно призвавъ къ себѣ многихъ городскихъ Сопниковъ и Пятидесятниковъ, обѣщаніями и деньгами склонила ихъ къ избранію Бориса въ Цари.

(375) См. Избирательную Борисову Грамоту въ *Рос. Вивліоѳ.* VII, 39, 40: другой почти современный списокъ ея, въ коемъ есть отмѣны, доставленъ мнѣ А. И. Ермолаевымъ.

(376) См. Избират. Борисову Грамоту въ *Вивліоѳ.* VII, 40.

(377) См. М. Шиля 451, 452, и де-Ту Hist. Univers. CXX, 180 и Избир. Грамоту.

(378) См. Грамоту въ *Вивліоѳ.* 41–49.

(379) См. М. Шиля 452 и де-Ту 180, 181.

(380) См. Грамоту.

(381) Тамъ же.

(382) Тамъ же.

(383) См. Степен. Кн. Лапухина.

(384) См. Розряд. Кн.—Самъ Годуновъ распустилъ слухъ о впаденіи Хана въ Россію: см. Маржерет. 22.

(385) См. подписи въ Избирательной Грамотѣ, полученной мною отъ А. И. Ермолаева (выше, примѣч. 375).

(386) См. Грамоту въ *Рос. Вивліоѳ.* VII, 50 и слѣд.

(387) Въ Лѣтописи сказано (см. *Никон. Лът.*), что одни Шуйскіе *не хотьли Годунова на Царство*; однакожь и Шуйскіе не противорѣчили.

(388) См. Грамоту, стран. 54.

(389) См. тамъ же, стран. 55.

(390) То есть, Грузинскаго и Киргизскаго.

(391) См. въ семъ Томѣ стран. 143.

(392) См. Грамоту, стран. 65.

(393) Тамъ же, стран. 68.

(394) То есть, Выборные или Депутаты, какъ сказано въ рукописной Грамотѣ (см. выше, примѣч. 375).

(395) См. рукописную Грамоту.
(396) См. тамъ же.
(397) См. тамъ же.
(398) См. Флетчера л. 54 и слѣд. Въ Іоанново царствованіе упоминалось о Дворянахъ *Сверстныхъ и Младшихъ* (Т. IX, 440). О Дворянахъ Выборныхъ см. Маржереп. 70.
(399) См. выше, и Маржерета (который описываетъ состояніе Россіи отъ 1590 до 1606 года) стран. 86, 87.
(400) См. Маржерета 80, 82, 88, 89; также сей *Исторіи* Т. VII, 192, и Т. VIII, 260. Маржеретъ въ Царскомъ войскѣ считаетъ 20,000 Казанцевъ и Черемисъ, 8000 Татаръ съ Мордвою и 4000 Черкасовъ.
(401) См. Маржерета 74, 79, и Флетчера 58, 59, 60. Начальникъ *подвижнаго городка* или *вежи* назывался *Гуляйнымъ Воеводою* (Voiavoda Gulavoy).
(402) Флетчеръ л. 59, 61. — Въ первый разъ упоминалось о *сухаряхъ* въ письмѣ Іоанновомъ къ Магнусу (Т. IX, 253).
(403) Т. VIII, 260. См. Флетчера и Маржерета 87
(404) Флетч. л. 57 — 41. — Кажется, что Іоаннъ, уничтоживъ Опричнину, назвалъ города и волости собственною *Царскою отчиною*.—Мы цѣнимъ здѣсь, какъ и прежде, рубли XVI вѣка въ пять нынѣшнихъ серебряныхъ, въ два червонца или нѣсколько менѣе. Маржеретъ пишетъ (стр. 56 и 66), что въ рублѣ было 6 ливровъ и 12 су, въ Рейхсталерѣ 12 алтынъ, а въ червонцѣ 18 алтынъ (или 54 коп. по нынѣшнему счету), иногда болѣе, иногда менѣе.
(405) О *Четяхъ* или Четвертяхъ см. Т. IX, 438, также въ IX Т. примѣч. 803. — Вѣрить ли Маржерету (стран. 56), что съ семи или осьми десятинъ пашни казенные крестьяне платили Царю ежегодно 10, 12 или 15 рублей, т. е. 60 нынѣшнихъ серебр.?
(406) Флетчеръ сказываетъ, что сія казна хранилась въ Кремлевскомъ дворцѣ, вмѣстѣ съ коронами, каменьями драгоцѣнными и проч. (см. л. 40 и 42).

(407) См. *Собр. Г. Грамотъ*, I, 584, и Флетчера.

(408) Флетчеръ говоритъ(л. 55). что многіе Боярскіе Дѣти находились въ крайней бѣдности за недостаткомъ земель.

(409) Флетчера л. 44.—Объ уменьшеніи налоговъ см. выше въ семъ Томѣ, стран. 14.

(410) Л. 47, 48. Онъ говоритъ о *трехъ братьяхъ*.

(411) Въ завѣщаніи Іоанновомъ 1572 года (см. въ *Прибавленіи* сего тома).

(412) См. въ семъ Томѣ стран. 5.

(413) Флетч. 53.

(414) См. Татищев. Судебникъ, стран. 103.

(415) См. выше, стран. 106.

(416) Въ 1586 г. Намѣстниками были: К. Ив. Оед. Мстиславскій *Владимірскимъ*, К. Ив. Петр. Шуйскій *Псковскимъ*, Дм. Ив. Годуновъ *Новогородскимъ*, Борисъ Оед. Годуновъ *Казанскимъ*, К. Анд. Ив. Шуйскій *Двинскимъ*, Степ. Вас. Годуновъ *Костромскимъ*, К. Дм. Ив. Шуйскій *Каргопольскимъ*, Ив. Вас. Годуновъ *Рязанскимъ*, К. Ник. Ром. Трубецкій *Вологодскимъ*, Оед. Никит. Романовъ *Нижегородскимъ*, К. Тимоѳ. Ром. Трубецкій *Устюжскимъ*, К. Ив. Вас. Сицкій-Ярославскій *Ржевскимъ*, К. Оед. Дм. Шеспуновъ *Бѣлозерскимъ*, Оед. Мих. Троекуровъ *Коломенскимъ*, Алек. Никит. Романовъ *Кошпрскимъ*. — Въ Судебникѣ, стр. 92: «а на которомъ городѣ будетъ *два* «Намѣстника.» Такъ въ 1584 г. были Намѣстниками Новогородскими Князья Вас. Оед. Шуйскій и Мих. Петров. Кашыревъ: первый жилъ, какъ Бояринъ, въ Москвѣ; а вторый, какъ младшій, въ Новѣгородѣ.

(417) Флетч. 52 и Маржерет. 43, 67.

(418) См. Т. VII, 196, Флетч. 52, 53, и Маржерет. 45.

(419) Флетч. 7 – 12.

(420) См. Дѣла Персид. No. 4, л. 74.

(421) «Прежде» — говоритъ Флетчеръ — «отпускалось 50,000, а нынѣ только 10,000 пудъ: ибо «Россія уже не имѣетъ Нарвской пристани.»

(422) Флетч.

(423) См. Дѣла Персид. No. 4, л. 71.

(424) См. въ Арх. Кол. Иностр. Дѣлъ описки изъ Колмогоръ 1604 и 1605 года No. 1. — Въ сихъ описках упоминается о корабляхъ знаменитаго Нидер. купца Ив. Бѣлобородa (см. Томъ IX, 464); онъ здѣсь называется не *Девахомъ*, а *Девалемъ*, какъ у Горсея: что и должно быть справедливо. О торговлѣ Ногаевъ см. Маржерет. 58, 84.

(425) См. Посольство Дьяка Аѳанасья Власьева къ Цесарю (въ Дѣл. Авспр. въ Арх. Кол. И. Д., т. 1599).

(426) См. Hansische Chron. III, 163.

(427) См. Т. IX, 160.

(428) См. Д. Цесарск. No. 5, л. 375, въ письмѣ Николая Варкоча къ Годунову (въ Іюнѣ 1591).

(429) См. Гаклуйта, спран. 573, письмо Эдуарда Гарленда къ Дж. Ди.

(430) См. Т. VI, 222 и Дѣла Цесарск. No. 6, л. 265.

(431) См. Т. IX, 437 — и Маржерета 33.

(432) См. Т. IX, 439.

(433) См. выше, спран. 63, и Розрядн. Кн. г. 1594.

(434) Типулъ моего экземпляра, писаннаго уже за половину XVII вѣка: *Книга именуема Геометріа, или Землемѣріе родиксомъ и цыркулемъ.*

(435) Типулъ: *Книга рекома по-Гречески Ареѳметика, а по-Нѣмецки Алгоризма, а по-Руски цыфирная систная мудрость.* Въ концѣ моего экземпляра — другою, *новѣйшею* рукою — вписано сочиненіе Галеново *о большомъ и маломъ мірѣ*, съ слѣдующимъ извѣстіемъ: «Выписано въ Кириловѣ монастырѣ съ «книги преподобнаго отца нашего, Игумена Кирила, «Бѣлозерскаго Чюдотворца, съ книги въ четверть «сисканія его. Въ лѣто 7143 (1635),» — Въ примѣрахъ сей Ариѳметики означены вещамъ такія цѣны; «46 аршинъ чернаго Англ. сукна 15 рублей; сто овчинъ 1½ рубля; воску 100 ф. 4 р.; 100 ф. изюму 1½ р.; 100 ф. хлопчатой бумаги 5 р.; пудъ олова

1 р.; фунтъ масла коровьяго 2 деньги,» и проч. — Мелкій денежный счетъ былъ такой: «въ рублѣ 400 полушекъ, 800 полуполушекъ, 1600 пироговъ, 3200 полупироговъ, 6400 четвертей пироговъ.»

Въ сказаніи *о составѣ человѣческомъ*: « Есть убо «человѣкъ, якоже повѣдаютъ, на главѣ имѣя три «швы и на углы составлены; женская же глава имѣетъ «единъ шовъ, кругомъ обходя главу: да по тому зна- «менію и въ гробѣхъ знаютъ, кая мужеска, кая ли «женска. . . . Есть чело, еже аще велико есть, по «знаменуетъ, яко премудръ разумъ имать,» и проч, Это кажется переводомъ.

(436) См. Д. Польск. No. 20, *л.* 52. (См. ниже примѣч. 451).

(437) Борисовъ на Донцѣ основанъ въ 1600 году (см. Розр. Кн.), а Царевъ-Борисовъ, на устьѣ Пронвы, около того же времени. Беръ въ своей Хроникѣ упоминаетъ о строеніи сихъ городовъ. Въ Больш. Черп. (стран. 233) паименованъ *городъ Царицынъ*, но не нынѣшній, а древній Татарскій: ибо въ другомъ мѣстѣ той же книги (стр. 84) сказано: «рѣка Цари- «ца пала въ Волгу противъ Царицына острова, а на «острову *стоялъ Царицынъ* городъ.» О нынѣшнемъ Царицынѣ упоминается въ Розрядн. Кн. съ 1600 года: онъ построенъ, вѣроятно, Годуновымъ вмѣстѣ съ Борисовымъ около сего времени.

(438) Къ Курбскому, Игумену Кирилловскому Козмѣ и проч.

(439) См. Т. VIII, 104, и Т. IX. 46 и 452, О Діонисіи см. выше, прим. 145.

(440) См. *Никон. Лѣт.* VII, 316–359. Вотъ нѣкоторыя мѣста подлинника: «Древнимъ бо Царемъ «благочестивымъ равнославенъ, нынѣшнимъ же кра- «сота и свѣтлость, будущимъ же сладчайшая по- «вѣсть. . . . и не еже бо памятовати ему житей- «скихъ сихъ многоцѣнныхъ и красныхъ, и къ симъ «вседушно пригвоздитись (стр. 319).... Душу свою «Царскую умащая поученіемъ Божественныхъ гла- «голъ (стр. 320). . . . Не хочію въ своей Державѣ,

«но и въ дальнія страны яко нескудная рѣка изли-
«вашеся пространная его милостыня (спр. 322). . . .
«Имѣяше и благозаконную супругу свою благими нра-
«вы подобну себѣ: бѣ же добродѣтелію и вѣрою къ
«Богу другъ друга преспѣвая.... Имѣспа единую бла-
«женную лѣпорасль Царского своего корени, и та-
«ко Господу опыде, яко нѣкій прекрасный цвѣпъ
«вскоре увядше, опаде, или яко нѣкій пречестный
«бисеръ въ скалкѣ скрыся, благочеспивымъ своимъ
«родипелямъ великую скорбь сопвори, и ихъ Цар-
«скому Сигклипу и всему народу печаль не малу на-
«несе.... Слышаспе ли, брапіе, повѣспь спрашну;
«слышаспе ли вещь всякія печали и сѣпованія ис-
«полнь сущу, яко Господь вѣрнаго своего слугу и
«блаженнаго раба свяпую душу съ миромъ пріемлепъ?
«Толико убо мирно успе, елико ни единому опъ пред-
«споящихъ одру его разумѣпи свяпое преспавленіе
«его; яко же убо всегда звѣзда предваряепъ солнце,
«сице сего благочеспиваго Царя свяпая душа сло-
«вомъ изыде, и никако же попрепепа ни единъ удъ
«пѣлеси его, но яко же нѣкоимъ сладкимъ сномъ
«успе. . . . Опселѣ убо что реку и что возглаголю?
«Слезъ наспоящее время, а не словесъ; плача, а не
«рѣчи; молипвы, а не бесѣдъ. . ,. Здѣ убо Проро-
«ческаго вѣщанія слово на насъ явѣ совершися: *кто*
«*дастъ главѣ моей премногую воду и очесемъ моимъ*
«*источникъ слезъ, яко да плачу довольно*?.... Скорби
«нашея пучина. . . . плача нашего бездна. . . . Опселѣ
«же прекрасный и многолѣпный Царскій пресполъ
«великія Россіи вдовспвовапи начинаепъ, и великій,
«Богомъ спасенный, маперь градовъ, царспвующій
«многолюдный градъ Москва сиропспва сѣпованіе
«пріемлепъ» спр. 350–352).

(441) См. памъ же, спр. 327; 328.

(442) Это *посланіе утѣшительное*, вмѣспѣ съ гра-мопою Борисова избранія, находится въ рукописи принадлежащей А. И. Ермолаеву (см. выше, примѣч. 375).

(443) См. Т. IX, 46, и Маржер. 28.

(444) См. выше, примѣч. 435. Замѣтимъ, что въ этомъ древнемъ переводѣ (XIV или XV вѣка: ибо Св. Кириллъ Бѣлоезерскій скончался въ 1428 году) три мѣсяца весны, Мартъ, Апрѣль, Май, называются *пролѣтіемъ*.

(445) См. В. М. Рихтера Gesch. der Medicin in Russland, I, 324. Прекрасный списокъ сего *Лечебника* находился въ библіотекѣ у Москов. Профессора Бауэе, и сгорѣлъ, вмѣстѣ со многими драгоцѣнными памятниками нашей Исторіи, въ 1812 году; вотъ оглавленіе: *О травахъ; о лейкахъ и водкахъ; о рыбахъ въ морѣ и въ рѣкахъ; о драгоцѣнныхъ каменьяхъ; о философскомъ ученіи; о кровопусканіи; объ искусствѣ Аптекарскомъ*. Въ началѣ сказано, что сія книга переведена съ Латинскаго на Польскій въ Краковѣ въ 1425 г. для Пана Станислава Гачкова, Воеводы Троцкаго, а въ 7096 на Русской по приказу Воеводы Ѳ. А. Бутурлина въ Серпуховѣ. Авторъ увѣряетъ, что гранатъ веселитъ сердце; что магнитъ родится въ Индіи при Великомъ Океанѣ; что яхонтъ предохраняетъ отъ ужасныхъ сновидѣній, и проч.

(446) Сіи пѣсни напечатаны въ *Полномъ собраніи Рос. пѣсенъ* 1780 года, Ч. I. *Древнихъ Рос. Стихотвореніяхъ*, издан. въ 1818 г., также не мало истинно-древняго и хорошаго; но все перемѣшено съ новымъ и скудоумнымъ.

(447) См. Т. IX, 457.

(448) См. въ семъ Томѣ стран. 74.

(449) Венеціянскій ювелиръ, Францискъ Асцентини Aszentini), пріѣхавъ къ намъ въ Іюнѣ 1601 г., жилъ въ Москвѣ три года; выгранилъ большой изумрудъ для Царскаго перстня и вырѣзалъ на агатѣ распятіе І. Х.: за что Годуновъ далъ ему соболью шубу, горлатную шапку, муфту и 100 червонцевъ. Асцентини выѣхалъ изъ Москвы 13 Мая 1604 въ Кіевъ, чтобы чрезъ Турцію возвратиться въ отечество, гдѣ онъ въ 1617 г. издалъ свои записки, переведенныя на Фран. языкъ Аббатомъ Бурьеромъ, подъ титуломъ: Mémoires d'Aszentini: я не могъ достать ихъ и пользо-

вался только выпискою, сдѣланною изъ сей рѣдкой книги однимъ любопытнымъ читателемъ и сообщенною мнѣ Г. Бестужевымъ, Авторомъ *Исторіи Флота Россійскаго*. Далѣе сказано въ выпискѣ, что Асценшини нашелъ въ Москвѣ земляка и друга своего, Марка Чиноти, призваннаго еще Царемъ Ѳеодоромъ для шканія парчей, штофовъ и бархатовъ; что Чиноти представилъ его Борису чрезъ *Окольничаго Дмитрія Аѳанасьева*, когда Борисъ осматривалъ новую колокольню Ивана Великаго, близъ того мѣста, гдѣ находилась и фабрика Чиноѣева; что Асценшини два раза обѣдалъ у Царя за *большимъ столомъ* и многократно *за кривымъ*: въ 1604 году уже слышалъ въ Москвѣ о Самозванцѣ; выѣхалъ оттуда съ путевою грамотою, скрѣпленною Дьякомъ Ильею Муромцовымъ; вспрѣшилъ Разстригу въ Черниговѣ и цѣловалъ у него руку; взялъ новый охранный листъ отъ мнимаго Царевича для путешествія изъ Кіева въ Астрахань, имѣя въ карманѣ и видъ Борисовъ, для предъявленія въ тѣхъ мѣстахъ, которыя еще не сдалися Лжедимитрію; жилъ въ Астрахани у Флорентійскаго уроженца, Антонія Ферацо; жалуется на разныя неудобства пути, на худыя дороги въ Россіи и на обиды, причиненныя ему Калужскимъ Воеводою, *Княземъ Аѳанасіемъ Кудашевымъ*, и проч. и проч.

(450) См. выше, примѣч. 449 о Маркѣ Чиноти, и Т. VI, 73, Т. IX, 86: также выше, стран. 173, и Цесар. Дѣла, л. 553, гдѣ говорится *о Большой Грановитой* и *Золотой Грановитой Палатѣ*: о послѣдней упоминается со временъ Іоанна; ту и другую стали называть *подписными* въ Ѳеодорово.

(451) Я имѣю подлинникъ сего описанія, гдѣ сказано: «Въ нынѣшнемъ въ 180 (1672) году, Марта въ «20 день, В. Г. Царь и В. К. Алексѣй Михайловичь, «всея Великія и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, указалъ въ своей Великаго Государя Золотой «палатѣ и передъ Золотою въ сѣняхъ списать подписи и описать подлинно, какіе на спѣхахъ и на

«сводахъ притчи написаны, и здѣлать тому всему «книги.... И по писано въ сихъ книгахъ подлинно; «а у описей тѣхъ притчей были Приказу Большого «Дворца Подьячей Никипа Клементьевъ да *иноконп-* «*сецъ* Симонъ Ушаковъ.» Золотая палата была одною спѣною къ Красному крыльцу, другою къ *Панихидной палатѣ*, третьею къ *Столовой*, четвертою къ сѣнямъ съ дверью; описаніе картинъ сей палаты занимаетъ листовъ 25. Далѣе: «180 г., Марта въ 23 «день, В. Г. Царь и В. К. Алексѣй Мих. указалъ въ «Грановитой палатѣ спѣнное письмо, и что на спѣ- «нахъ какихъ притчей и подписей написано описать «имянно.» Слѣдуетъ описаніе листахъ на двадцати. Сказано, что сія палата спѣнами къ Красному крыльцу, къ сѣнямъ, къ Успенскому Собору и къ Ивану Великому. Вотъ нѣкоторыя изъ описаній: «Въ Золо- «той палатѣ вверху въ сводѣ, въ самой срединѣ, напи- «санъ кругъ, а въ кругу Еммануилъ: сѣдитъ на не- «бесныхъ дугахъ, а подъ ногами колеса многоочитыя; «въ лѣвой рукѣ держитъ потиръ златъ, а въ правой «палицу; а у рукъ локти обнажены; а въ вѣнцѣ седмь «клиновъ; а подпись I. X. *Еммануилъ*. Около того «кругу другій кругъ, а въ томъ кругу написано 4 «Евангелиста прообразованныхъ; а около Еммануила «и того круга кругомъ половина золотая, а другая «празеленная; на золотомъ кругу, надъ главою Емма- «нуиловою, подпись: *Богъ Отецъ премудростію Своею «основа землю и утверди вѣки и благослови вѣнецъ лѣ «ту благости Твоея, Господи!* А по празеленному «кругу другая подпись кругомъ въ дверяхъ: *Превѣчное «Слово Отчее, Иже во образъ Божій сый, и соста- «вляй тварь отъ небытія въ бытіе, Иже времена и «лѣта Своею областію положій. Благослови вѣнецъ «лѣту благостію Своею; даруй миръ Церквамъ Тво- «имъ, побѣды вѣрному Царю, благоплодіе же земли и «намъ велію милость.* А около того круга во весь «сводъ большой кругъ по самыя палыги, и въ томъ «кругу опъ ногъ Еммануиловыхъ до большаго круга «врата, а во вратѣхъ Ангелъ съ скипетромъ; въ лѣ-

«вой рукѣ держитъ свитокъ... а около Ангела во «врапѣхъ облако раздвоилось; а подъ Ангеломъ и подъ «облакомъ среди пѣхъ же врапъ человѣкъ стоящій «съ посохомъ; а отъ круга внутрь въ кругъ шестъ «крылъ; а среди круга солнца; а между пѣхъ крылъ «сверху лице человѣче обвито змѣинымъ хоботомъ, «конецъ хобота къ солнцу; на правой сторонѣ лице «львово, межъ крылъ обвито также хоботомъ, ко- «нецъ хоботу къ солнцу; на лѣвую сторону глава «змѣина, окружена хоботомъ къ томужъ солнцу; съ «правуюжъ сторону, межъ крылъ же, глава орля, «обвита хоботомъ.... А по правую сторону чело- «вѣка во врапѣхъ подпись: *узкимъ бо путемъ вводят- «ся души праведныхъ въ Царство Небесное*; а по лѣ- «вую сторону человѣка того надъ змѣинымъ кругомъ «подпись въ пѣхъ же врапѣхъ: *широкимъ бо путемъ «вводятся души грѣшныхъ во врата лютаго ада....* «Подлѣ врапъ написано дѣвичьимъ образомъ воздухъ, «надъ тѣмъ воздухомъ и подлѣ того Ангелъ летящъ «въ клинѣ огненномъ; а отъ того клина, къ заворѣ «врапной, къ низу, написанъ Діаволъ: по земли бѣ- «житъ заяцъ, а на Діавола изъ полукругу большаго «стрѣляетъ изъ лука Ангелъ.... Ниже Ангела сѣдитъ «смерть: держитъ въ обѣихъ рукахъ трубу, и ту «трубу положила широкой конецъ въ половину во «временной кругъ,» и проч. и проч. Довольно для то- го, чтобы имѣть понятіе объ умѣ и воображеніи на- шихъ художниковъ XVI вѣка. О *вязи* или *связи* см. выше, стран. 286. Ею писали такъ: XXOVЫЛ. Сіи знаки, отчасти похожіе на Латинскія буквы, изображены въ разныхъ мѣстахъ Описанія Золотой и Грановитой палаты.

(452) См. Musscow Reise anno 1602, въ Бишинг Magaz. VII, 265, и Петрея Chron. 3–10; см. также, для сравненія, сей *Исторіи* Т. VII, 201, – VIII, 91, и IX, 186, 462. Петрей, бывъ въ Москвѣ при Го- дуновѣ и послѣ, пишетъ, что въ ней считалось 4500 церквей съ придѣлами (Kirchen, Klöster und Capellen,) а въ Кремлѣ 50; что при каждой находилось отъ

четырехъ до двѣнадцати колоколовъ; что въ иныхъ малыхъ церквахъ не могло помѣститься ни семи человѣкъ. Авторъ Musscow. Reise говоритъ только о 35 церквахъ Кремлевскихъ, но за то умножаетъ ихъ число въ Москвѣ до 5300, по сказанію тамошнихъ старожиловъ Нѣмцевъ. Въ Исторіи Келаря Аврамія Палицына: «тогда бысть въ царствѣ. градѣ *болѣ четырехъ сотъ* церквей.» Въ Musscow. Reise означенъ вѣсъ большаго Кремлевскаго колокола: 120 Schiffpfund или 33,600 Нѣмецкихъ фунтовъ. Миллеръ, ссылаясь на Олеарія и Адама Бранда, ошибкою поставилъ 10,000 пудъ вмѣсто 1000 (см. его Versuch einer N. Gesch. v. R. 90). О Дворахъ *Армянскомъ* и *Литовскомъ* упоминается въ Дипломатическихъ бумагахъ 1599 года (поименованныхъ въ Т. XI, примѣч. 34).

(453) См. Розряд. Кн. г. 1597.

(454) См. тамъ же 1591 г.

(455) См. Розряд. Кн. сего времени, гдѣ описаны мѣстничества упомянутыхъ и многихъ другихъ знатнѣйшихъ родовъ.

(456) См. Маржерета 97, 98.

(457) См. Флетчера 108.

(458) См. *Дѣла Перс. л.* 184. Флетчеръ пишетъ, что у Ѳеодора за *обыкновеннымъ* его столомъ бывало до семидесяти блюдъ; у Царя же Бориса въ дни торжественные до двухъ сотъ, по сказанію Петрея (стр. 281). Въ должности Крайчаго соединились двѣ нынѣшнія: Оберъ-Шенка и Оберъ-Гофмаршала. — Для гостей любимыхъ Царь всегда отвѣдывалъ съ тѣхъ блюдъ, которыя отпускались къ нимъ домой послѣ обѣда. О сливахъ см. Нѣмцев. Dzieie Panow. Zygm. III, Т. II, стран. 576.

(459) См. Маржерета 99 — 105.

(460) См. Дѣла Цесарск. No. 6, л. 569.

(461) См. Маржерета 29, 33, 40, 47, 52, 53, — Письмо Генрика IV къ Ѳеодору, сохраненное въ Архивѣ К. И. Д.: Très illustre et très-excellent Prince, notre cher et bon amy.... Il y a un nommé Paul, citadin de la ville de Milan, qui Vous sert en

qualité de médecin il y a longtemps, lequel estant fort agé, désire passer en ce royaume pour y revoir ses perens et ámys, qui sont en Notre Cour et Nous ont suplié très humblement d'interceder pour luy vers Vous. Au moyen de quoy Nous Vous prions aussi le luy vouloir permettre. Et si en son lieu Vous desirez un autre de cette profession, Nous tiendrons la main de Vous en envoyer un, de la doctrine et fidelité duquel Vous aurez toute satisfaction. Comme en toutes autres occasions Nous serons très aises d'avoir moyen d'user de revanche et faire chose qui Vous soit agréable et tourné à Vostre contentement. Priant Dieu, très-illustre et très excellent Prince, Notre très cher et bon amy, qu'il Vous ait en Sa très-sainte et digne garde. Escript à Paris le 7 jour d'Avril 1595.

votre bon amy
Henry.

Сей Медикъ Павелъ былъ еще живъ въ 1600 году О немъ сказано въ бумагахъ Флоренпійскаго Посольспва (см. Т. XI): «Дохпура Павла Великій Государь «Борисъ Ѳ. добрѣ жалуепъ; на Москвѣ женился, и «ѣхапи ему въ свою землю для спароспи не можно.» Въ 1598 г. Королева Елисавепа просила Бориса оппустипь Докпора Марка Ридлея (Rydley) въ Англію, обѣщая прислапь къ нему другаго, и прислали Виллиса, давъ ему и государспвенныя порученія (см. Дѣла Англ. 1598 и 1599 г., въ столбцахъ). — Пасторъ Беръ (см. выше, примѣч. 27) пишепъ: «Въ 1600 году «Борисъ вызвалъ изъ Германіи Медиковъ и Аппека- «рей; первыхъ было у него 6: 1, Христофоръ Рейп- «лингеръ, изъ Венгріи, пріѣхавшій въ Москву съ Англ. «Посланникомъ, весьма искусный въ своей наукѣ и «свѣдущій въ языкахъ; 2, Давидъ Вазмеръ; 3, Ген- «рикъ Шредеръ изъ Любека; 4, Іоаннъ Вильке изъ «Риги; 5, Каспаръ Фидлеръ изъ Кенигсберга; 6, Спу- «денпъ Медицины Эразмъ Бенскій изъ Праги. Каждо- «му изъ нихъ оппускали ежемѣсячно знапное коли- «чество хлѣба, 60 возовъ дровъ и бочку пива; еже- «дневно три или четыре блюда съ Царской кухни.

«—Государь давалъ имъ обыкновенно по пяти лоша-
«дей, верховыхъ и каретныхъ. Всякому отводили де-
«ревню съ придцатью или болѣе работниками. Когда
«Царь принималъ лекарство, и когда оно хорошо
«дѣйствовало, то Медиковъ дарили камками, бархa-
«тами и соболями; дарили также за леченіе Бояръ
«и сановниковъ,» и проч. Наши Архивскія бумаги
свидѣтельствуютъ, что Борисъ въ 1600 г. посылалъ
своего Переводчика, Рейнгольда Бекмана, въ Нѣмецкіе
города за Докторами, и что Бекманъ въ Ригѣ угово-
рилъ Каспара Фидлера, бывшаго Медикомъ Импера-
тора, Королевы Французской, Герцоговъ Прусскаго
и Курляндскаго, ѣхать въ Россію. Вѣроятно, что и
другіе выше означенные Медики были вызваны къ
намъ Бекманомъ.

Въ Дѣлахъ Англ. 1601 г. (см. столбцы Ліева По-
сольства): «Покорно челомъ бью» (пишетъ Ли къ
Боярамъ) «чтобъ Его Царское Величество пожало-
«валъ для моего челобитья, велѣлъ дати имя Дох-
«торское Христофору Рыхтенгеру, назвати его Дох-
«торомъ; и я вѣдаю, что онъ достоенъ такого жа-
«лованья по его ученью; а у меня онъ пребывалъ 26
«лѣтъ; и вѣдаю, что Великій Государь, какъ есть
«во всей вселенной, можетъ дать честь всякимъ лю-
«демъ по ихъ достоинству.» — Тамъ же, въ столб-
цѣ 1602 г., въ донесеніи изъ Архангельска о пріѣздѣ
Аптекаря Френчгама: «А сказывалъ, Государь, намъ,
«холопемъ твоимъ, тотъ Яковъ (Френчгамъ), что
«онъ прежде сего при Царѣ и В. Кн. Иванѣ Василье-
«вичѣ жилъ на Москвѣ, а съ Москвы-де отпущенъ
«съ Аглинскимъ Посломъ, со Княземъ Еремѣемъ
«Баусомъ; а нынѣ-де отпустила его къ тебѣ, Го-
«сударю, служити Елисаветъ Королевна съ женою и
«съ дѣтми и съ людми.» Слѣдуетъ опись его лекар-
ствамъ, числомъ 164: «Слива бѣлая *булисъ* въ саха-
«рѣ, яблоки *поморанчи* въ сахарѣ, *цидоны* яблоки въ
«сахарѣ.... сахаръ *барберисъ*, сахаръ *робъ дерибесъ*, са-
«харъ цвѣту *размарининъ* или *антосъ*.... масло *киріе*,
«коричное, мушкатное, гвоздишное, анисово.... вопка

«*розосолисъ*, вопка *Дохтура Стефана; кокліярія*.... «кора *сытри*, кора *каперисъ*, кора *мандрагора*.... ко- «рень *брусе*, корень *сыпере*, корень *ерингe*.... гуми «*ладаномъ*, гуми *бургоніе*.... *сторакъ каламенти*.... «*олибаномъ*.... *аса федеита*.... *руби тинторумъ*.... «*тартаръ алби*.... прямая глина Арменская.... манна «*фоли Индіе*....*сена Александрейскій*.... ячмень Фран- «цуской....» и проч. и проч. См. изъясненіе въ Рих- пер. Gesch. der Medicin in Russl. I, 448. Въ Дѣлахъ 1602 г. упоминается еще объ Аптекарѣ Ричардѣ, который пріѣхалъ въ Москву изъ Лондона съ Мику- линымъ, но возвратился въ Англію. О Голландцѣ Кла- узендѣ см. Пейрея Chron. 373.

(462) Флетч. 106, Маржерет. 35 и 118.

(463) См. Марж. 48, Флетч. 113. и Musscovit. Reise (въ 1602 г.), въ Бишинг. Magaz. VII, 271.

(464) Одежду мужчинъ мы уже описали: см. Т. VII, 209.

(465) См. Флетч. 109.

(466) Тамъ же 116.

(467) См. Флетч. 89 и 104. Онъ пишетъ, что Го- дуновъ поилъ также сего больнаго сына холодною Святою водою. О юродивыхъ см. Флетч. л. 90. 3 Іюля 1589 года скончался въ Москвѣ, съ именемъ Святаго, Іоаннъ Юродивый, прозванный *Большимъ Колпакомъ* и *Водоносцемъ*. Онъ родился въ Вологдѣ, съ юныхъ лѣтъ изнурялъ себя постомъ и молитвою, носилъ на тѣлѣ кресты съ веригами желѣзными, на головѣ тяжелый колпакъ, на пальцахъ многія кольца и перстни мѣдные, а въ рукахъ деревянныя чепки. Тѣло его съ великою честію было погребено въ церкви Василія Блаженнаго. Рукописное житіе сего Іоан- на есть въ библіотекѣ Графа Ѳ. А. Толстаго.

(468) См. Т. IX, 149, и Флетч. 90. Замѣтимъ одна- кожь, что Василій Блаженный преставился въ 1552 году, какъ пишутъ: слѣдственно не дожилъ до ужас- ной эпохи Іоаннова тиранства.

(469) Ни въ странахъ языческихъ, подвластныхъ древнимъ Россіянамъ (въ Ливоніи, въ землѣ Двинской,

въ Перми), ни въ Магомепанскихъ (въ Казани, въ Астрахани), мы никого силою не обращали въ свою Вѣру. Первые Князья: Олегъ, Игорь, Святославъ были примѣромъ терпимости. Владиміръ велѣлъ народу креститься; но не гналъ язычниковъ.

(470) См. Т. VI, 290.

(471) См. *Исторію Уніи* Н. Н. Банпыша-Каменскаго, стр. 39 слѣд.

472) См. Поссев. Moscov. 9 — 11.

(473) См. Т. VI, 290.

(474) См. Дѣла Цесарск. No. 6, л. 340. Митрополитъ жилъ иногда не въ Кіевѣ, а въ *Новогродкѣ* Липовскомъ, и назывался *Новогродскимъ*.

(475) См. Барон. Annal. Eccl. VII, 6, 14 и 24, и Пясецкаго Chron. л. 138, 164, въ *Исторіи* Уніи 41—49.

(476) Лаврентій Древинскій, Чашникъ и Депутатъ земли Волынской въ 1620 году (см. *Истор. Уніи* 69 — 73).

ОГЛАВЛЕНІЕ

X ТОМА.

ГЛАВА I.

Стран.

Свойства Ѳеодоровы. Члены Верховной Думы. Волненіе народа. Собраніе Великой Думы Земской. Царевичь Димитрій и мать его отправляются въ Угличь. Мятежъ въ Москвѣ. Власть и свойства Годунова. Царское вѣнчаніе Ѳеодорово. Разныя милости. Годуновъ Правитель Царства. Усмиреніе Черемисскаго бунта. Вторичное покореніе Сибири. Сношенія съ Англіею и съ Литвою. Заговоръ противъ Годунова. Сравненіе Годунова съ Адашевымъ. Перемиріе съ Швеціею. Посольство въ Австрію. Возобновленіе дружества съ Даніею. Дѣла Крымскія. Посольство въ Константинополь. Царь Иверскій, или Грузинскій, данникъ Россіи. Дѣла съ Персіею. Дѣла внутреннія. Основаніе Архангельска. Строеніе Бѣлаго и Царева города въ Москвѣ. Начало Уральска. Опасности для Годунова. Ссылки и казнь. Жалостная смерть Героя Шуйскаго. Судьба Магнусова семейства. Праздность Ѳеодорова . . . . . 1.

Г. 1584 — 1587.

ГЛАВА II.

Смерть Баторія. Важные переговоры съ Литвою. Перемиріе. Сношенія съ Австріею и съ Тавридою. Война Шведская. Новое перемиріе

Стран.

съ Литвою. Величіе Годунова. Учрежденіе Патріаршества въ Россіи. Замыселъ Годунова. Убіеніе Царевича Димитрія. Пожаръ въ Москвѣ. Нашествіе Хана и битва подъ Москвою. Новый санъ Годунова. Донскій монастырь. Клевета на Правителя и месть его. Милосердіе и слава Годунова. Беременность Ирины. Рожденіе и кончина Царевны Ѳеодосіи . . . . 75.

Г. 1587 — 1592.

ГЛАВА III.

Война и миръ съ Швеціею. Переписка съ Липовскими Вельможами. Набѣгъ Крымцевъ. Посольства въ Константинополь. Своевольство Донскихъ Козаковъ. Строеніе городовъ. Миръ съ Ханомъ. Вспоможеніе Императору. Знатный Посолъ Австрійскій. Легатъ Климента VIII въ Москвѣ. Дружество Ѳеодора съ Шахомъ Аббасомъ. Походъ на Шавкала. Сношенія съ Даніею и съ Англіею. Законъ объ укрѣпленіи крестьянъ и слугъ. Новая крѣпость въ Смоленскѣ. Зажигальщики. Дворъ Московскій. Ослѣпленіе Царя Симеона. Святители Греческіе въ Москвѣ. Разрушеніе Печерской Обители. Слово Ѳеодорово Годунову. Кончина Ѳеодорова. Присяга Царицѣ Иринѣ. Постриженіе Ирины. Избраніе Годунова въ Цари. . . . . 150.

Г. 1591 — 1598.

ГЛАВА IV.

Безопасность Россіи въ отношеніи къ сосѣдственнымъ Державамъ. Войско. Жалованье. Доходы.

Стран.

Богатство Строгановыхъ. Судъ и расправа. Пытки и казни. Торговля. Цѣна разныхъ товаровъ. Корабли Россійскіе. Образованіе. Геометрія и Ариѳметика. Тайное письмо или цыфры. Географія. Словесность. Художества и ремесла. Москва. Обычаи. Примѣры мѣстничества. Дворъ. Вина иноземныя, меды и яства Русскіе. Хлѣбосольство. Долгая жизнь. Медики. Лекарства. Аптекари. Разныя обыкновенія. Убогій домъ. Одежда женщинъ. Забавы. Бани. Пороки. Набожность. Смерть перваго Борисова сына. Юродивые. Терпимость. Унія въ Литвѣ . . . . . 220.

Г. 1591. «что Михайло Нагой есть виновникъ «кровопролитія ужаснаго, дѣйствовалъ по «внушенію личной злобы и совѣтовался съ «злыми *вѣщунами*, съ Андреемъ Мочаловымъ «и съ другими; что граждане Угличкіе «вмѣстѣ съ нимъ достойны казни за свою «*измѣну* и беззаконіе. Но сіе дѣло есть зем- «ское: вѣдаетъ оное Богъ и Государь; въ «рукѣ Державнаго опала и милость. А мы «должны единственно молить Всевышняго «о Царѣ и Царицѣ, о тишинѣ и благоден- «ствіи народа!» Ѳеодоръ велѣлъ Боярамъ рѣшить дѣло и казнить виновныхъ: при- везли въ Москву Нагихъ, кормилицу Дими- тріеву съ мужемъ и мнимаго вѣщуна Моча- лова, въ тяжкихъ оковахъ[242]; стали допра- шивать, пытали, особенно Михайла Нагаго, и не могли вынудить отъ него лжи о са- моубійствѣ Димитрія[243]; наконецъ сослали всѣхъ Нагихъ въ опредѣленные города и заклю- чили въ темницы; вдовствующую Царицу, неволею постриженную, отвезли въ дикую Пустыню Св. Николая на Выксѣ, (близъ Череповца); дѣла злодѣевъ, Битяговскаго и товарищей его, кинутыя Угличкимъ на- родомъ въ яму, вынули, отпѣли въ церкви и предали землѣ съ великою честію; а граж- данъ тамошнихъ, объявленныхъ убійцами невинныхъ, казнили смертію, числомъ около двухъ сотъ; другимъ отрѣзали языки; мно- гихъ заточили; большую часть вывели въ Сибирь и населили ими городъ Пелымъ[244],

пакъ, что древній, обширный Угличь, гдѣ было, если вѣрить преданію, 150 церквей и не менѣе тридцати тысячъ жителей, опустѣлъ навѣки, въ память ужаснаго Борисова гнѣва на смѣлыхъ обличителей его дѣла. Остались развалины, вопія къ Небу о мести! 1591 г.

Карая великодушіе, Годуновъ съ такою же дерзостію наградилъ злодѣяніе, давъ богатыя земли и помѣстья гнусной мамкѣ Волоховой, женѣ и дочерямъ Бѣляковскаго[245]; осыпалъ дарами мужей Думныхъ и всѣхъ знатныхъ сановниковъ[246]; ласкалъ ихъ, угощалъ обѣдами роскошными (не могъ успокоить одного Клешнина, въ перзаніяхъ совѣсти умершаго чрезъ нѣсколько лѣтъ Схимникомъ) .... Но въ безмолвіи Двора и Церкви слышанъ былъ ропотъ народа, не обманутаго ни слѣдствіемъ Шуйскаго, ни приговоромъ Священниковъ, ни судомъ Боярскимъ: лазутчики Годунова слышали въ толпахъ произносимыя слова *о страшномъ злодѣяніи*, знали его виновника[247], жалостномъ осужденіи Царя, безсовѣстіемъ поверстивъ Вельможъ и Духовенства; видѣли въ толпахъ печальныя лица. Борисъ, превожимый молвою, нашелъ способъ утишить оную, въ великомъ бѣдствіи, которое тогда постигло столицу. На канунѣ Троицы, въ отсутствіе Государя, уѣхавшаго съ Боярами въ Лавру Св. Сергія, запылалъ въ Москвѣ дворъ Колымажный, и въ нѣсколько

Пожаръ въ Москвѣ.

Г. 1598. ніемъ сердца предстояли одру болящаго, въ ожиданіи послѣдняго дѣйствія Ѳеодоровой Самодержавной власти: завѣщанія о судьбѣ Россіи сиротѣющей. Но какъ въ теченіе жизни, такъ и при концѣ ея Ѳеодоръ не имѣлъ иной воли, кромѣ Борисовой; и въ сей великій часъ не измѣнилъ своей безпредѣльной довѣренности къ наставнику: лишаясь зрѣнія и слуха, еще устремлялъ темнѣющій взоръ на Годунова и съ усиліемъ внималъ его шепотаніямъ, чтобы сдѣлать ему угодное. Безмолствовали Бояре: Первосвятитель Іовъ дрожащимъ голосомъ сказалъ: «Свѣтъ въ очахъ нашихъ меркнетъ; «праведный отходитъ къ Богу . . . . . Го- «сударь! кому приказываешь Царство, насъ «сирыхъ и свою Царицу?» Ѳеодоръ тихо отвѣтствовалъ: «въ Царствѣ, въ васъ «и въ моей Царицѣ воленъ Господь Все- «вышній . . . оставляю грамоту духов- «ную[367].» Сіе завѣщаніе было уже написано: Ѳеодоръ вручалъ державу Иринѣ[368], а душу свою приказывалъ Великому Святителю Іову, двоюродному брату Ѳедору Никитичу Романову-Юрьеву (племяннику Царицы Анастасіи), и шурину Борису Годунову; то есть, избралъ ихъ быть главными совѣтниками Трона. Онъ хотѣлъ проститься съ нѣжною супругою наединѣ, и говорилъ съ нею безъ земныхъ свидѣтелей [369]: сія бесѣда осталась неизвѣстною. Въ 11 часовъ вечера Іовъ помазалъ Царя елеемъ, исповѣдалъ

и пріобщилъ Святыхъ Таинъ. Въ часъ упра, г. 7 Генваря, Ѳеодоръ испуспилъ духъ, безъ судорогъ и препепа, незамѣтно, какъ бы заснувъ тихо и сладко[370]. 1598.

Въ сію минуту оцѣпенѣнія, гореспію про- Присяга Царицѣ Иринѣ.
изведеннаго, явилась Царица и пала на тѣло умершаго: ее вынесли въ безпамяпспвѣ[371]. Тогда, изъявляя и глубокую скорбь и необыкновенную твердость духа, Годуновъ напомнилъ Боярамъ, что они, уже не имѣя Царя, должны присягнуть Царицѣ: всѣ съ ревностію исполнили сей обрядъ священный, цѣлуя крестъ въ рукахъ Патріарха.... Случай доподѣ безпримѣрный: ибо мать Іоаннова, Елена, властвовала только именемъ сына-младенца: Иринѣ же отдавали скипетръ Мономаховъ со всѣми правами самобытной, неограниченной власти. — На разсвѣтѣ ударили въ большой колоколъ Успенскій, извѣщая народъ о преставленіи Ѳеодора, и вопль раздался въ Москвѣ опъ палатъ до хижинъ: каждый домъ, по выраженію современника, былъ *домомъ плача*. Дворецъ не могъ вмѣстить людей, которые спремились къ одру усопшаго: и знатные и нищіе. Слезы лились; но и чиновники и граждане, подобно Боярамъ, съ живѣйшимъ усердіемъ клялись въ вѣрности къ любимой Царицѣ-матери, которая еще спасала Россію опъ сиропспва совершеннаго. Столица была въ отчаяніи, но спокойна. Дума послала гонцевъ въ области; велѣла запво-